Studies in European Language Diversity 26.2

Карельский язык в России

Отчет ELDIA по исследованию конкретной (социолингвистической) ситуации

Хейни Карьялайнен, Ульрикка Пуура, Рихо Грюнталь, Светлана Ковалева

eldia
european language diversity for all

Mainz • Wien • Helsinki
Tartu • Mariehamn • Oulu • Maribor

Исследования Европейского языкового разнообразия (Studies in European Language Diversity) – это серия рецензируемых онлайн публикаций исследовательского проекта ЕЛДИА (ELDIA), которая предназначена для публикации предварительных результатов исследовательской работы, результатов конкретных индивидуальных исследований, условий реализации проекта и сопутствующих исследованию результатов.

Главный редактор
Йоханна Лааксо (Johanna Laakso) (Вена)

Редакционная коллегия
Кари Дерф (*Kari Djerf*) (Хельсинки), *Рихо Грюнталь (Riho Grünthal)* (Хельсинки), *Анна Коллат* (*Anna Kolláth*) (Марибор), *Хелле Метсланг* (*Helle Metslang*) (Тарту), *Карл Паюсалу* (*Karl Pajusalu*) (Тарту), *Аннели Сархимаа* (*Anneli Sarhimaa*) (Майнц), *Сия Спилиопоулоу Окермарк* (*Sia Spiliopoulou Åkermark)* (Мариехамн)**,** *Хелена Сулкала* (*Helena Sulkala*) (Оулу), *Ретта Тойванен* (*Reetta Toivanen*) (Хельсинки)

Издатель
Исследовательский консорциум ЕЛДИА (ELDIA), контактное лицо Проф. Аннели Сархимаа (Anneli Sarhimaa)
Языки и культуры Северной Европы и Балтии (SNEB)
Майнцский университет Иоганна Гутенберга (Johannes Gutenberg-Universität Mainz)
Jakob-Welder-Weg 18 (Philosophicum)
D-55099 Майнц, Германия (Mainz, Germany)
Контакты: eldia-project@uni-mainz.de

© 2013 European Language Diversity for All (ELDIA)

Дизайн обложки: *Минна Пелконен & Хайналка Берени-Киш* (*Minna Pelkonen* & *Hajnalka Berényi-Kiss)*

ЕЛДИА (ELDIA) – международный исследовательский проект, основанный Европейской Комиссией. За мнения, представленные в **Исследованиях Европейского языкового разнообразия**, полностью отвечают авторы (автор), которые не обязательно отражают мнения Европейской Комиссии.

На все содержание **Исследований Европейского языкового разнообразия** распространяется авторское право Австрии. Содержание может быть использовано исключительно в индивидуальных некоммерческих целях. По вопросам следующих выпусков **Исследований Европейского языкового разнообразия**, пожалуйста, обращайтесь к издателю.

ISSN 2192-2403

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ ..... **III**

СПИСОК РИСУНКОВ ..... **V**

СПИСОК ТАБЛИЦ ..... **VI**

1 ВВЕДЕНИЕ: О ПРОЕКТЕ ELDIA **1**

2 СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ И ЯЗЫКОВОЙ КОНТЕКСТ **2**

2.1 Введение 2
2.2 Социальная история 6
2.2.1 Контекст изучаемого языкового сообщества *6*
2.2.2 Территориальный и политический контекст *10*
2.2.3 Культурный контекст *16*
2.3 Демографический контекст 19
2.3.1 Статистика и основные демографические данные *19*
2.3.2 Оценка критериев, лежащих в основе имеющейся информации *28*
2.3.3 Основные недостатки существующих демографических данных *33*
2.4 Язык и политика меньшинств на практике 34
2.4.1 Общий контекст языковой политики и практики *34*
2.4.2 Стандартизация карельского языка *37*
2.4.3 Сферы использования языка *39*
2.4.4 Языковое поведение, связанное с идентичностью *48*
2.4.5 Гендерные аспекты повседневных языковых стратегий *49*
2.5 Языковые контакты и сохранение языка 50
2.5.1 Моноязычие, двуязычие и многоязычие *54*
2.5.2 Результаты языкового контакта *60*
2.5.3 Представление о трудности языка и готовность использовать язык *62*

3 СБОР ДАННЫХ И МЕТОДЫ **64**

3.1 Введение в Полевые работы 64
3.2 Изучение материала 65
3.2.1 Структура вопросника для представителей малочисленных народов *65*
3.2.2 Исследование группы говорящих на карельском языке *66*
3.2.3 Структура вопросника для контрольной группы *67*
3.2.4 Исследование русской контрольной группы *67*
3.3 Индивидуальные интервью проведенные с носителями олонецкого варианта карельского языка 67
3.4 Интервью с фокус-группами 68
3.4.1 Интервью с фокус-группами носителей олонецкого варианта карельского языка *68*
3.4.2 Интервью с представителями контрольной группы *69*
3.5 Принципы, лежащие в основе анализа данных ELDIA 70
3.5.1 Языки малочисленных народов как часть многоязычия в современном обществе *70*
3.5.2 Цель проекта ELDIA *70*
3.5.3 Определение и измерение жизнеспособности языка *71*
3.5.4 Анализ данных *72*

4 АНАЛИЗ ДАННЫХ 74

4.1 Анализ правовых и институциональных рамок 74
4.2 Анализ СМИ 75
4.3 Социолингвистический анализ данных, полученных путем опроса и интервьюирования 81
4.3.1 Использование языка; взаимодействие языков 82
4.3.2 Законодательство 146
4.3.3 Средства Массовой Информации 162
4.3.4 Образование 169

5 БАРОМЕТР ЖИЗНЕСПОСОБНОСТИ КОНКРЕТНОГО ЯЗЫКА 174

5.1 Способность 177
5.2 Возможность 180
5.3 Стремление 184
5.4 Языковая продукция 185
5.5 Жизнеспособность карельского языка 187

6 ВЫВОДЫ 189

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ВЕБ-СТРАНИЦЫ 207

Предисловие

Данный доклад посвящен исследованию языка олонецких карел, распространенного на Северо-западе Российской Федерации. Олонецкие карелы являются одним из автохтонных этнических меньшинств РФ — они занимали современную территорию на Северо-западе России задолго до начала экспансии на север славян, предков современного русского населения.

Российская Федерация является многонациональной страной, где по данным последней переписи населения проживает 160-170 национальностей (Перепись 2010), а по данным Этнолога в Российской Федерации распространены сотни языков. Олонецкий язык/диалект — один из основных вариантов карельского языка (языков) (см. обсуждение в гл. 2), являющегося титульным языком Республики Карелия. Согласно последней переписи населения РФ в 2010 г. 25 605 человек заявили, что какой-то степени владеют карельским языком. Поскольку в переписи различные диалекты карельского языка не рассматривались как самостоятельные идиомы, точное число говорящих на олонецком варианте карельского (а не на беломорском или людиковском), остается неизвестным. Тем не менее, очевидно, что социо-историческая ситуация олонецкого карельского, с одной стороны, и русского языка, с другой, полярно противоположны. Русский язык является одним из самых распространенных языков мира: восьмой в мире по распространению; по данным Этнолога на нем говорят как на первом языке в 144 миллиона человек 33 странах, в том числе в РФ — 111 миллионов (по переписи 2010 г.). Русский язык — это развитый национальный язык большого народа, в то время как на олонецком карельском говорят всего несколько тысяч пожилых людей на Северо-западной окраине России, и по данным ЮНЕСКО он считается языком, находящимся под серьезной угрозой исчезновения.

Следующая глава посвящена обзору социально-исторической и языковой ситуации олонецких карел. Далее следует глава о методологии, где будут описаны принципы и подходы, используемые ELDIA. В четвертой главе представлены результаты анализа юридических актов и публикаций СМИ, а также информации, полученной в ходе опроса индивидуальных респондентов-карел и контрольной группы, а также интервью, проведенные с этими двумя группами. В пятой главе вводится методика EuLaViBar (European Language Vitality Barometer «Барометр жизнеспособности языков Европы») для олонецкого карельского языка и

обсуждаются результаты этого анализа. В заключение доклада делаются выводы и даются рекомендациями.

Сокращенная версия оригинального доклада на английском языке была подготовлена Хейни Карьялайнен, Ульриккой Пуура и Рихо Грюнталем и переведена на русский язык Еленой Перехвальской в 2013 г.

С момента начала работы свой вклад в наше исследование внесли многие люди. Включение в последовательное исследование самых разных групп, принятие во внимание различных условий и факторов гарантировало успешную работу. Мы очень благодарны всем тем организациям, учреждениям и заинтересованным людям, которые предоставляли нам самую разнообразную помощь. Достижение целей всего проекта, включая планирование, полевые исследования, анализ полученных данных, написание и редактирование отчетов было бы невозможным без помощи таких людей как Людмила Алексеева, Наталья Антонова, Виктор Бирин, Елена Богданова, Татьяна Бойко, Елена Филиппова, Наталья Гилоева, Сантра Янтунен, Евгений Клементьев, Светлана Ковалева, Денис Кузьмин, Илья Мошников, Ирма Муллонен, Ольга Огнева, Анника Пасанен, Светлана Пасюкова, Мартти Пенттонен, Елена Перехвальская, Светлана Плюхина, Александра Родионова, Геннадий Сараев, Зинаида Строгальщикова, Оути Танцош, Татьяна Васильева, Константин Замятин и Ольга Зайцева. Наконец, мы хотели бы выразить искреннюю благодарность сотням анонимных респондентов, которые дали нам возможность исследовать текущее состояние дел в карельском языковом сообществе, ответив на вопросник и принимая участие в интервью.

Список рисунков

Рис. 1: Национальный флаг карельского народа 16
Рис. 2: Государственный флаг Республики Карелия 16
Рис. 3: Герб Республики Карелия 17
Рис. 4: Возраст и пол карел по переписи 2010 года 29
Рис. 5: Карта-схема диалектов карельского языка (ов) 52
Рис. 6: Родной язык отвечавших на анкету «Языки карельского меньшинства» 82
Рис. 7: Указанный родной язык в зависимости от возраста респондента 84
Рис. 8: Использование языков между поколениями, % 89
Рис. 9: Межпоколенческое использование карельского в зависимости от возраста респондентов 90
Рис. 10: Использование языков по поколениям, % 92
Рис. 11: Уровни владения карельским языком, % 94
Рис. 12: Указанный уровень понимания по-карельски в зависимости от возраста, % 95
Рис. 13: Указанный уровень способности говорить по-карельски в зависимости от возраста, % 95
Рис. 14: Указанный уровень способности читать на карельском языке в зависимости от возраста, % 98
Рис. 15: Указанный уровень способности писать на карельском языке в зависимости от возраста, % 98
Рис. 16: Указанный уровень компетенции в русском языке, % 100
Рис. 17: Указанный уровень компетенции в английском языке, % 102
Рис. 18: Использование карельского языка в различных сферах, % 104
Рис. 19: Использование русского языка в различных сферах, % 105
Рис. 20: Использование английского языка в различных сферах, % 106
Рис. 21: Использование английского языка в различных сферах, контрольная группа, % 107
Рис. 22: Области, где мог бы использоваться карельский язык 109
Рис. 23: Области, где мог бы использоваться карельский язык, контрольная группа 110
Рис. 24: Осведомленность о использовании карельского языка в России 111
Рис. 25: Значение карельского языка на рынке труда, % 113
Рис. 26: Значение русского языка на рынке труда, % 116
Рис. 27: Значение английского языка на рынке труда, % 116
Рис. 28: ”Говорить по-русски как на родном языке помогает”. Значение русского языка на рынке труда, контрольная группа, % 117
Рис. 29: Значение английского языка на рынке труда, контрольная группа 118
Рис. 30: Значение карельского языка на рынке труда, контрольная группа, % 118
Рис. 31: Использование карельского языка в СМИ 162
Рис. 32: Использование русского языка в средствах массовой информации 166
Рис. 33: Использование русского языка в средствах массовой информации (контрольная группа) 166
Рис. 34: Активное использование языка (создание текстов) и произведений культуры на карельском языке 168
Рис. 35: Активное использование языка (создание текстов) и произведений культуры на русском языке 169
Рис. 36: Барометр жизнеспособности карельского языка в России 175
Рис. 37: Легенда для EuLaViBar 176

Список таблиц

Таблица 1: Карельское население между 1835 и 1897ггю 20
Таблица 2: Основные этнические группы в Республике Карелия 21
Таблица 3: Демографические изменения у карел в России, данные переписей населения 1926-2010 гг. 22
Таблица 4: Динамика численности населения и доля лиц с родным карельским языком в Республике Карелия и Тверской области в 1926-2002 гг. 24
Таблица 5: Карельский как родной язык карел разных возрастных групп по Республике Карелия в соответствии с переписью 1989 года. 25
Таблица 6: Языковая компетенция по возрастным когортам, карелы в сельской местности 27
Таблица 7: Доля карел от общей численности населения в Советском Союзе и России 31
Таблица 8: Этнические группы Республики Карелия в 2005 году 32
Таблица 9: Публикации на карельском языке в Республике Карелия между 1990-2006 гг. 42
Таблица 10: Национальные школы и преподавание карельского языка в Российской Федерации в период 2003-2004 гг. 44
Таблица 11: Национальные школы с преподаванием карельского, вепсского и финского языков, Республика Карелия, в период 2003-2009 гг. 44
Таблица 12: Обучение карельскому языку в 2000-2010 гг. в Республике Карелия 45

1 Введение: О проекте ELDIA

ELDIA (European Language Diversity for All) – это исследовательский проект, в рамках которого ученые, представители разных стран и областей наук (лингвистики, юриспруденции, статистики), совместно ищут новые подходы к пониманию многоязычия и взаимоотношений общества и языков. ELDIA рассматривает не только одну группу носителей языка. Цель проекта: сравнить полученные в ходе работы результаты, обобщая и используя их для исследования других многоязычных групп и малочисленных народов в Европе и за ее пределами. Поэтому к выбору изучаемой в рамках проекта ELDIA группы носителей языка подходили с учетом широкого диапазона многоязычных сообществ в разном политическом, историческом, экономическом и культурном окружении. Сюда относятся «древние», или коренные малочисленные народы (напр., саамы, карелы или сету), и недавно сформировавшиеся группы мигрантов (например, эстонцы в Финляндии и Германии), или комбинация этих двух типов (венгры в Австрии). Есть языки, находящиеся под угрозой исчезновения, с совсем недавно сформировавшимся письменным языком (напр., мэянкиели, карельский или вепсский языки), а также языки, которые используются в литературе и образовании достаточно широко (венгерский или эстонский). Все эти языки принадлежат к финно-угорской языковой семье. В работах по многоязычию и взаимодействию языков и общества в мире финно-угорским языкам уделяли слишком мало внимания, что в данном случае является более важным фактом, чем родство языков (иногда весьма отдаленное). Исследования этих языков только появляются на национальных языках.

Итоги предметного исследования в рамках проекта ELDIA будут изложены в Сравнительном Отчете и опубликованы на английском языке в 2012 году. Основываясь на результатах Отчета, исследователи ELDIA подготовят Барометр Жизнеспособности Европейских Языков (EuLaViBar) – карту проверки/инструкция для руководителей и других участников.

2 Социально-исторический и языковой контекст

Это сокращенный вариант аналитического отчета, первоначально составленного Рихо Грюнталем, Евгением Клементьевым, Светланой Ковалевой и Константином Замятиным (его вариант уже опубликован на английском языке, см. Клементьев, Ковалева, Замятин 2012).

2.1 Введение

Олонецкий вариант карельского языка распространен на северо-западе России в южной части Республики Карелия. Это один из двух основных диалектов карельского языка (вторым является собственно-карельский), и включает в себя несколько региональных поддиалектов. По сравнению с другими диалектами карельского языка, распространенными в Республике Карелия, олонецкий карельский традиционно использовался в более компактной области с более высокой плотностью населения. Карельский язык является ближайшим родственником финского, особенно его восточных диалектов. О классификации карельского и других прибалтийско-финских языков, см. раздел 2.5.

Основная цель данного отчета, роль карельского в России в рамках проекта ELDIA по олонецкому диалекту карельского языка. К сожалению, российские официальные органы, как и социологическая статистика часто не делают различий между различными группами карел. Вследствие этого мы приняли решение в данном отчете употреблять термин «карельский (язык)» в расширенном понимании. Оставляя в стороне вопрос о классификации олонецкого и людиковского как диалектов карельского или как отдельных языков, в настоящем отчете мы используем термин «карельский язык» как соответствующий русскому термину *карельский язык*, который объединяет все основные диалекты; либо же, вносим необходимые поправки в тех случаях, когда необходимо различать олонецкий карельский, собственно-карельский и людиковский. Настоящий отчет посвящен карелам, проживающим в Республике Карелия. Карелы являются «титульным этносом» этой Республики, в то время как в других субъектах федерации они малочисленны и не имеют официального статуса. Будучи титульным народом, карелы не рассматриваются в законодательных актах как национальное или этническое меньшинство, хотя они были меньшинством уже на момент основания Республики.

Изучение карельского этноса и его языка. Карельский язык стал объектом научного интереса в Финляндии во второй половине 19-го века, поскольку в этот период многие лингвисты и этнографы, такие как А. М. Шёгрен, М. А. Кастрен, Элиас Лённрот и Август Алквист совершили поездки в Карелию. Более систематические исследования в области карельского языка относятся к 1860-м годам, когда Арвид Генец начал свои полевые исследования. Его работы на десятилетия вперед определили направление изучения карельского языка (KKS 1: 8-15, Korhonen 1986: 111-125). Карелия играет особую роль в финской культуре как место рождения Калевалы, национального финского эпоса. После Второй мировой войны исследования карельского языка и культуры стали делом всей жизни финского ученого, академика Пертти Виртаранты.

В России систематическое изучение истории и культуры карел началось после революции в начале 1920-х и продолжались в первые годы существования Советского Союза. Изучались материальная культура, быт, семья, брачное право и обычаи, обряды и народная музыка карел. Со второй половины 1940-х годов начались активные исследования этногенеза, этнической истории, фольклора, материальной культуры, устройства семьи, быта и культуры лесорубов, исследовалась также структура карельского языка. В конце 1960-х годов началось изучение карельского декоративно-прикладного искусства, а также языковых и этнокультурных изменений, происходивших у карел. В последние двадцать лет особое внимание уделялось вопросам сохранения, использования и развития карельского языка, изучению календарно-обрядовых ритуалов, обычаев и верований карел.

О карелах были опубликованы несколько трудов и тематических томов, следует отметить публикации таких исследователей как Бубрих (1947), Тароева (1965), книгу «Карелы» (1983), сборник «Прибалтийско-финские народы» (2003), Клементьев (1991, 2008a), Генец (Genetz 1880, 1884), Лескинен (Leskinen 1938), Киркинен (Kirkinen 1970; 1976), Виртаранта (Virtaranta 1981), серия «Карьяла» (Karjala 1981-1983), Пёлля (Pöllä 1995), Пюёли (Pyöli 1996), Сархимаа (Sarhimaa 1999), Невалайнен и Сихво (Karjala 1998), Сихво (Sihvo 2003).

В России традиционно подобные исследования были закреплены за следующими учреждениями (Никольская 1976): Комиссия по изучению племенного состава населения окраин России (КИПС), Карельский государственный музей Петрозаводска, Ленинградское отделение Русского Музея, Московский Институт этнографии (впоследствии – Институт этнологии и антропологии Российской академии наук), Институт языка, литературы и истории Карельского научного

центра АН СССР (позднее РАН). Документы и другие материалы хранятся в Национальном архиве Республики Карелия и в Карельском государственном архиве новейшей истории. В Финляндии исследования по карельскому языку проводятся в Карельском институте Университета Йоэнсуу, в Научно-исследовательском институте языков Финляндии, на кафедре финно-угорских исследований Хельсинкского университета, в научных и культурных обществах, таких как Финское литературное общество (основано в 1831 г.), Финно-угорское общество (1883 г.); Karjalan Sivistysseura, Общество содействия карельской культуре (основано в 1906 г.) сыграло важную роль в публикации материалов и распространении результатов научных исследований, а также информации о карельском языке и культуре.

Определение карельской идентичности. Вопрос об определении карельской идентичности карельской является сложным, так как его решение зависит от различных лингвистических и региональных условий. В официальных отчетах все карелы обозначаются единым термином. Тем не менее, местные варианты обладают каждый своими особенностями и имеют собственные этнонимы. В целом, общекарельская идентичность весьма слаба (Sarhimaa 2000: 237). Карелы, проживающие в северной Карелии (*Vienan Karjala*), говорят на собственно-карельском; олонецкие карелы говорят на олонецком варианте карельского (*Livvi*); людики говорят на людиковском диалекте (*Lüüdi*); группа собственно-карел, живущих в центральных районах Карелии (*Сегозеро*), по-карельски называют себя *Lappi* (*Lappalaiset*), а свой язык — *Lopar* (Grünthal 1997: 73-96). Кроме того, финны, выходцы с Карельского перешейка, а также жители районов, прилегающих к границе с Россией, часто говорят о карельских диалектах финского языка.

С точки зрения государственной политики Республики Карелия все карелы рассматриваются как единый народ; в связи с этим существует установка на создание единого стандарта. Например, по запросу Республики особая комиссия по терминологии и орфографии планирует создание корпуса языка, см. также Ведомственные программы 2005 года. В советских и российских переписях населения ни олонецкие карелы, ни людики не входили в список этносов или субэтносов. Однако национальные элиты олонецких карел и людиков подчеркивают языковые и культурные различия и стремятся к тому, чтобы их группы были официально признаны этносами, отдельными от карел (Kolomainen 2007; обсуждению проблемы людиков как отдельного сообщества посвящен весь выпуск №6 журнала "Карелия", 2007).

Вопрос об идентичности осложняется противоречиями в текущих тенденциях российской политики. В соответствии с советскими практиками, карелы являются «титульным народом» и отдельной национальностью. В начале советской эпохи в 1920-е годы была создана Карельская Трудовая Коммуна, а позже в 1923 году — Республика (Карельская Автономная Социалистическая Советская Республика), формально было реализовано право карельского народа на национальное самоопределение. Нынешнее название Республика Карелия было принято в 1991 году. Десятью годами позже в 2001 г. в Конституции Республики Карелия было заявлено «взаимное уважение, добровольное и равноправное сотрудничество всех слоев общества и граждан всех национальностей» (Статья 4.4). «Исторические и национальные особенности Республики Карелия предопределены фактом проживания карел на своей территории» (Статья 1.5).

В соответствии с действующей в России федеральной политикой термин «нация / национальный» обозначает все население России в целом, хотя существует и новая тенденция использовать для обозначения других национальных групп / национальностей термин *этническая группа* (Концепция государственной национальной политики в области образования 2006). Положение карельской идентичности в рамках множественных идентичностей определена не была. Как правило, обычные люди, имеющие карельские корни, обладают весьма нечетким представлением о собственной идентичности. Нет никаких данных о различных формах идентичности среди этнических карел. Тем не менее, детальный анализ карело-русского двуязычия (Sarhimaa 1999) выявил значительную лингвистическую вариативность в речи различных групп карел.

Исследования, проводившиеся ранее, предоставляют обширную информацию по различным аспектам истории, языка, материальной и духовной культуры карел. Менее изученными остаются календарные обряды, традиционные и современные сельские праздники, а также социологические характеристики, такие как формы современной семьи, межэтнические браки и некоторые другие вопросы. Существуют также значительные пробелы в исследовании некоторых областей, которые ранее были центральными. Например, грамматика карельского языка изучена в основном на уровне фонетики и морфологии, в то время как синтаксис и лексика изучены в значительно меньшей степени (Зайков 2007: 34-35). Тем не менее, как в России, так и Финляндии были изданы обширные словари. Самый большой из них (*Karjalan kielen sanakirja (KKS)*, Хельсинки 1968-2005) доступен и в электронном виде[1]. Имеются также практические и академические словари,

[1] http://kaino.kotus.fi/cgi-bin/kks/kks_info.cgi

которые были опубликованы в России, новейшие из них, такие, как *Словарь карельского языка (ливвиковский диалект)* (*Словарь* 1990) и *Словарь карельского языка (тверские говоры)* (*Словарь* 1994) являются важным источником по карельской исконной лексике.

Для современной ситуации карел как этнической единицы России характерна быстрая языковая и этническая ассимиляция; это, безусловно, делает карельский языком, находящимся под угрозой исчезновения (ЮНЕСКО). С учетом происходящих процессов быстрой смены языка и этнической ассимиляции, следует отметить серьезный пробел в исследованиях самого механизма языкового сдвига. Имеются статистические данные, свидетельствующие о неуклонном снижении ценности карельского языка для младших возрастных групп, но практически отсутствует более детальный анализ механизмов языковой практики в социальном аспекте, а также исследования влияния отношения к языку при языковом сдвиге в микросоциологическом контексте.

2.2 Социальная история

2.2.1 Контекст изучаемого языкового сообщества

Перепись населения России 2010 года показала стремительное падение численности карел и людей, говорящих на карельском языке (см. раздел 2.3). По данным переписи в России на карельском языке говорят 25 605 человек. При этом 60 815 человек были зарегистрированы как карелы.

Как русский, так и карельский являются действующими языками карел в Республике Карелия и в других регионах России. Русский используется всеми группами населения, в то время как местный карельский используется в коммуникации редко, и в основном лишь пожилыми людьми. Карелы считаются автохтонным населением Республики Карелия, но в соответствии с российским законодательством не входят в список коренных народов (ср. 4,1).

Помимо общего этнонима *karjalaini*, различные группы карел и люди, говорящие по-карельски, используют также другие этнонимы (например, *Прибалтийско–финские народы* 2003: 159; Õispuu 1998: 39-40; Blokland & Hasselblatt 2003: 121-122). Южные и северные карелы называют себя *karjalaini*; олонецкие карелы — *livviköit*, *livgiläizet, livviläzet*; людики называют себя *lüüdiköt, lüüdikot, lüüdilazet*.

Язык и этноним не всегда совпадают. Карелы называют свою землю *Karjala*, исторически в ранних средневековых источниках (Grünthal 1997: 73-96) она называлась также *Korela, Karialabotn, Kirjala, Kirjaland, Kirjalaland* и т.д.

Не существует и единого литературного языка. Нередко высказывается мнение, что, с одной стороны, проблема состоит в том, что литературный язык слишком далек от диалектов, различия между которыми весьма значительны (Анттикоски 2000: 159). С другой стороны, нет ничего удивительного в том, что в отсутствии стандартного языка с сильной традицией, письменный язык, который пытаются внедрить, рассматриваются как слишком отличающийся от единственно существующей фактической нормы, а именно разных региональных и социолингвистических вариантов устной речи. Ранее, был период повышение грамотности на карельском языке, особенно в 1930-е годы (см. 2.4.4). С тех пор более не было попыток создать единый общий литературный язык для всех карел. Усилия по созданию литературного стандарта были возобновлены в конце 1980-х годов. Собственно-карельский и олонецкий карельский приобрели новые письменные стандарты в 1989 году, в настоящее время они являются основой для развития письменных вариантов языка. Письменный язык поддерживается и обогащается новой лексикой и терминологией, публикуемой в периодических изданиях и словарях. Адаптация этих новых слов, однако, бывает затруднена, поскольку новые слова часто не понимаются и не принимаются носителями языка (ср. 2,5).

Одним из факторов, влияющих на восприятие письменного карельского языка, а также на его престиж, оказывается то, что данная письменная форма была возрождена только в 1989 году. На сегодняшний день письменный язык существует в двух вариантах: собственно-карельский и олонецкий карельский. Карельский язык преподается в одной из этих двух письменных форм в качестве предмета обучения в районах компактного проживания карел в Республике Карелия, а также в Тверской области. Публикуются книги, учебные пособия, статьи в средствах массовой информации (газеты *Oma mua, Vienan Karjala, Lyydilaine, Olonia, Meijan elaigu*); существует небольшое количество теле- и радиопередач на карельском языке. В целом же письменная форма карельского языка используется все еще достаточно редко. Нет и современных социологических данных, оценивающих отношение карел к этим разновидностям литературного языка, поэтому оценить их престиж и имидж среди карел довольно трудно.

В результате люди, принявшие разные литературные языки, не имеют никаких общих целей, касающихся языкового планирования, поскольку нет и единого

карельского литературного языка. Русский литературный язык остается языком межнационального общения.

Принято считать, что контакты древних карел со славянским населением начались в начале 2-го тысячелетия нашей эры в результате политических, военных и экономических связей, возникших с продвижением славянского населения на север (например, Kirkinen 1993, Киркинен, Невалайнен & Сихво 1994/1998). В долгосрочной исторической перспективе предполагается, что первыми поселенцами на современной территории Карелии были саами (называемые *лоп* в старых русских летописях), и на этих территориях говорили на саамском языке (Itkonen 1948: 88-107, Kuzmin 2010, Saarikivi 2004). Область распространения саамского языка отдвигалась к северу по мере того как карелы осваивали земли центральной и северной части современной Республики Карелия. Далее утверждается, что взаимодействие предков современных карел и вепсов привело к образованию олонецкого карельского и людиковского как независимых локальных вариантов (Itkonen 1971, Salminen 1998).

Контакты карел с другими группами отразились в лексике, фонетике и грамматике карельского языка (Бубрих 1947; Беляков 1958; Sarhimaa 1991, 1995, 1999). В современную эпоху постепенно возрастала интенсивность карело-русских языковых контактов. Тем не менее в начале 20-го века только около десяти процентов карел, в основном мужчины, отслужившие в армии, знали русский язык. В целом знание русского языка значительно распространилось среди всех этнических групп лишь в течение 20-го века (*Прибалтийско–финские народы* 2003: 197). Стало широко распространяться двуязычие и среди карел. В настоящее время значительно более 50% людей, зарегистрированных как этнические карелы, знают только русский язык, доминирующий язык в обществе и образовании.

Первые годы существования Советского Союза (1920-е гг.) отмечены возникновением идеологии национального возрождения. Период распада Советского Союза в конце 1980-х и начале 1990-х годов также имел важное значение для роста национального самосознания, особенно среди титульных народов Советского Союза и автономных республик, а также для возрождения национальных идентичностей. По сравнению с национальными движениями других титульных народов России национальное движение карел было весьма скромным. Тем не менее, как и в других республиках здесь были созданы национальные организации, претендующие на статус представителей этнических карел. Это были, с одной стороны, Съезд карел, имевший особый Исполнительный Совет, с другой стороны, более радикальный Карельский конгресс. Последняя

организация выступила с ирредентистскими требованиями (требование возвращения государству земель, исторически к нему относящихся) которые, возможно, оказали провокационный эффект на русские националистические организации. В конечном счете, карельское национальное движение не переросло в массовую этническую мобилизацию. Тем не менее, в результате деятельности карельских национальных организаций были приняты определенные меры для подъема национального возрождения карел, так, были созданы новые этнокультурные центры, восстановлена система национальных школ с преподаванием карельского языка, имелись и некоторые другие достижения (Карелы 2005, Карельское национальное движение 2009). Одной из движущих сил карельского национального движения было требование поддержки языка, в том числе предпочтительное введение латинской графики для стандартизованной письменной формы (Паин 2003a: 108).

Карельская письменность была восстановлена в 1989 году на основе латинской графики. Несмотря на все усилия, направленные на возрождение языка, положение карельского продолжает ухудшаться; карельский язык имеет более низкий социальный статус по сравнению с русским и даже с финским языком. Низкий престиж карельского является результатом долгосрочных процессов в отсутствие эффективной языковой политики в Карелии, однако многое еще предстоит выяснить. Таким образом, необходимы дополнительные исследования.

До 1989 года карельский язык не имел письменной формы, если не считать двух лет в конце 1930-х годов между 1937-1939 гг. Следует отметить, что для многих меньшинств, таких как, например, вепсы и других автохтонных меньшинств Карелии, 1937 год разом перечеркнул все предшествующие успехи, в то время как использование карельского как раз только началось, отчасти в противовес финскому, который был до тех пор доминирующим языком, помимо русского. В период с 1920-х по 1950-е годы с перерывами, а также в последующий период финский язык активно внедрялся в районах с карельским населением (Вихавайнен 1998; Кангаспуро 1998; Анттикоски = Anttikoski 1998a, 1998b; см. раздел 4.6). После Второй мировой войны и, в особенности, в результате реформы образования 1958 года, русский язык стал языком новых экономических, образовательных и социальных возможностей. Повышение важности русского языка приводило к соответствующему сужению функциональных областей карельского (Sarhimaa 1999: 18-50). Основными факторами понижения социального статуса карельского языка явились: отсутствие единого письменного стандарта; предпочтение, отдававшееся финскому языку со стороны властей в определенные периоды времени, особенно в 1930-х годах и во время существования Карело-Финской

Советской Социалистической Республики 1940-1956 гг.; понижение политического статуса национальной государственности карел от союзной Республики до автономной в составе РСФСР после Второй Мировой Войны; расширение двуязычия при доминирующем русском языке, и некоторые другие (Клементьев / Кожанов 2009).

Первое национальное пробуждение в Карелии произошло во время потрясений Первой мировой войны и после русской революции в октябре 1917 года. Ранее революционная активность в России в 1905-1906 годах также способствовала повышению национальных чувств у карел. Требования политических свобод в Карелии вызвали прямые столкновения между финскими националистами и советской армией в 1918-1922 гг. (Laine 1994: 207-211), в то время как карелы не участвовали в военных действиях и оставались, главным образом, пассивным объектом конфликта. С начала 1920-х новая советская власть стала проводить политику «коренизации» и «почвенничества», целью ее было обучение национальных меньшинств и превращение их в советских трудящихся (Grenoble 2003: 44). Предполагалось, что должностными официальными лицами будут этнические карелы, поэтому карельский язык впервые стал использоваться в официальных сферах. Новая национальная интеллигенция приняла активное участие в поддержке карельского языка. К концу 1930-х годов относятся попытки создания единого карельского литературного языка с письменностью на основе латинского и кириллического алфавита (см. раздел 4.6). Однако эти процессы были прерваны в 1937 году в разгар сталинских репрессий, когда многие представители национальной интеллигенции были репрессированы и погибли (Баранцев, 1967; Клементьев, 2002).

2.2.2 Территориальный и политический контекст

Традиционная область обитания. Основная территория традиционного расселения карел в Российской Федерации находится в Республике Карелия. Наиболее крупная группа мигрантов с 17 века постоянно проживает в Тверской области, которая в первой половине 20-го века обладала самым большим по численности карельским населением. Основными местами расселения карел здесь являются районы около поселков Толмачи, Максатиха и Весьегонск; имеются также более мелкие анклавы карелоязычного населения в районе Тихвина и Новгорода. Позже, уже в 20 веке, в процессе урбанизации многие карелы переселились также в Санкт-Петербург, Ленинградскую область, а также в Мурманскую область, в Москву и Московскую область.

В настоящее время самая крупная группа карел, говорящих на собственно-карельском языке, проживает в центральной и северной части Республики Карелия, площадь которой составляет 172,2 тысячи квадратных километров. С учетом современных административных районов, карелы живут в основном в Лоухском (пос. Лоухи), Кемском, Калевальском и Муезерском районах, в западной части Беломорского, Сегежского и Медвежьегорского районов, в юго-западной части Кондопожского района и близ пос. Поросозеро в Суоярвском (пос. Суоярви) районе (*Encyclopedia* 2007: 252; Головкин 2001; Рягоев 1993: 75).

Небольшие языковые сообщества проживают на смежных территориях Ленинградской и Мурманской области, а также в городе Санкт-Петербурге. Относительно большая группа живет в Тверской области, что явилось результатом массовой миграции в 17-м веке (*Encyclopedia* 2007: 252; Jeskanen 1994: 257-259; Рягоев 1993: 75; Virtaranta 1986).

На олонецком карельском говорят в Олонецком районе (кроме его восточной части), в западной части Пряжинского и Питкярантского (г. Питкяранта) районов, в деревне *Вешкелица* (Вешкелюс) Суоярвского района, на юго-западе Кондопожского района, а также в Лодейнопольском районе Ленинградской области (*Encyclopedia* 2007: 262; Jeskanen 1994: 257-259; Рягоев 1993: 75; Virtaranta 1986).

Самой длинной административной границей Карелии с близлежащей территорией является государственная граница России и Финляндии. Во время Второй мировой войны несколько тысяч человек, говорящих по-карельски, были эвакуированы в Финляндию на заключительном этапе войны в 1944 году. Большинство современных жителей Финляндии, говорящих по-карельски, происходят из таких приходов, как Салми, Суоярви и Суйстамо, которые были оккупированы Советской армией.

Национальное возрождение 1920-х и 1930-х годов. Временное правительство России было свергнуто в результате переворота в Петрограде в октябре 1917 года. Второй Всероссийский съезд Советов провозгласил создание Советского государства – Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (РСФСР). Союз Советских Социалистических Республик (СССР) был создан на основе РСФСР в декабре 1922 года. Республики в РСФСР и СССР были сформированы в соответствии с «национальным принципом» как форма реализации права народов на национальное самоопределение (Килин 2000, 2001).

8 июня 1920 г. советское правительство и Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет утвердил указ о создании Карельской Трудовой Коммуны, которая была создана в августе на территории бывшей Олонецкой губернии (115 тысяч квадратных километров, более 85 000 карел, составлявших 59,8% населения области). В 1923 году коммуна была преобразована в Автономную Карельскую Советскую Социалистическую Республику (АКССР), национальное государственное образование в составе России, федеративную составную часть РСФСР. В 1926 году АКССР была переименована в КАССР. Уже на момент создания автономной республики, карелы составляли меньшинство ее населения (146 тысяч квадратных километров, 100 781 карел или 37,4% населения на 1926 год) (Килин 2000, 2001).

В 1920-1930-х годах особенностью недавно созданной автономной Республики Карелия была активная политика «финнизации» карельского населения, в частности, в системе образования, так как во главе Республики находились «красные финны» (участники революции в Финляндии 1918 года). Результатом этой политики явилось владение финским языком частью карельского населения, хотя карельский язык оставался основным средством общения внутри группы (Вихавайнен 1998; Кангаспуро 1998; Прибалтийско-Финские Народы 2003: 197–201; Клементьев 2009; Laine 2001, Laine & Ylikangas 2002; Карелы 2001: 175–176).

Следует отметить, что в 1920-х гг. национальные сельские советы были созданы и в Тверской области. Четыре национальных района были созданы в 1931 году и еще один в 1935 году. Только в 1937–1939 годах в Калининской области существовал Карельский национальный округ, где карелы составляли большинство населения (5,5 тысячи квадратных километров, 87 500 карел, или 53,7% населения) (Головкин 2001: 142-165; Kurs & Taagepera 1999: 138–139; Lallukka 1996).

Застой 1940 – 1980-х годов. В 1940 г. КАССР была восстановлена как Карело-финская ССР; союзная республика формально более высокого ранга, чем ранее в составе РСФСР. Получение статуса союзной республики было частью большого политического плана на расширение и реструктуризацию Советского Союза, поскольку существовал план ее позднейшего слияния с советской Финляндией, новой республикой, которая будет сформирована после оккупации Финляндии, как планировал Сталин (Kurs & Taagepera 1999: 109). Вновь созданная союзная республика включала в себя территории, захваченные Советским Союзом у Финляндии после Зимней войны, согласно мирному договору между СССР и Финляндией, подписанному в 1940 году. Однако в 1940-1946 годах территории на Карельском перешейке между Ладожским озером и Финским заливом одна за

другой отделялись от Карело-финской ССР и присоединялись к Ленинградской области. В 1956 году статус Карелии снова был официально понижен, и она вновь превратилась в КАССР в составе РСФСР. Примечательно, что Республика Карелия была единственной советской Республикой, которая была «разжалована» из ССР в АССР (Hyytiä 2000).

В 1950-х годах после превращения Карельской АССР в многонациональный регион русский язык постепенно стал основным инструментом общественной, культурной, социальной и профессиональной сфер, средством общения между различными этническими группами. Межэтнические браки становились все более обычным явлением. Мгновенно возросло число карел и вепсов, плохо знающих или вовсе не знающих свой родной язык (как в абсолютных цифрах, так и в процентном отношении). Власти фактически игнорировали вопрос сохранения национальных языков, действуя в соответствии с государственной политикой, направленной на построение единой исторической общности под названием «советский народ» (по-русски «советский человек»). Эта политика привела к вытеснению карельского и вепсского языков преимущественно в бытовую сферу. (История Карелии, 2001).

Национальное возрождение в 1990-х годах. В августе 1990 года Верховный Совет КАССР провозгласил суверенитет Республики, утвердив ее как правовое, демократическое, суверенное государство, составную часть РСФСР и СССР (Декларация о государственном суверенитете 1990 года). В ноябре 1991 года Республиканский Верховный Совет утвердил новое название — Республика Карелия (указ 1991 г.). Советский период официально закончился в 1991 году с распадом Советского Союза и началом новой российской государственности. Что касается формального статуса Республики Карелия, то изменения в ее статусе не значительно отличались от происходящих в других регионах России, поскольку большинство республик провозгласили суверенитет в то же время. Что касается положения карельского как языка меньшинства, то распад Советского Союза, однако, вызвал к жизни совершенно новые, значительно более открытые дискуссии о его современном состоянии и о перспективах его дальнейшего развития. То же самое произошло со многими другими языками во многих регионах.

Программа национального возрождения. В конце советской эпохи представители национальной интеллигенции в Карелии начали публично высказывать свою озабоченность продолжающейся утратой языка и этнической ассимиляцией карел. Конкретным свидетельством заявленной ситуации были советские переписи населения, проводившиеся каждые десять лет. В резолюции конференции

«Карелы: этнос, культура, язык, экономика», май 1989 г. (Карельское национальное движение 2009: часть 1), были изложены цели национальных активистов нового карельского народного движения, требовавших поддержки, развития и использования культурного и языкового наследия карельского народа.

В резолюции предлагается ряд мер, которые необходимо принять: (1) власти должны определить права и обязанности автономии; (2) должны быть определены принципы самоуправления и правовой статус карельского языка; (3) должен быть создан специальный фонд для возрождения культуры и языка коренных национальностей, и (4) должны быть созданы административные «Карельские национальные центры». Кроме того, подчеркивалась необходимость языкового планирования, и было предложено немедленно (5) создать письменный стандарт для карельского языка. (6) Карельский язык должна быть введен как предмет в начальной школе в районах компактного проживания карел. (7) Было высказано требование учреждения кафедры местных коренных языков в Карельском государственном педагогическом университете и кафедры финно-угорских языков в Петрозаводском государственном университете. (8) Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской Академии наук должен составить и опубликовать пособия по начальному обучению языку и школьные словари, а также создать комиссию по терминологии и орфографии. И, наконец, (9) было высказано требование увеличения времени теле- и радиовещания на карельском языке.

Многие из этих требований были в целом выполнены. Был создан письменный стандарт для карельского языка, и карельский язык был введен в школах, в обучение вводились новые методы и материалы. Органы государственной власти Республики приняли ряд мер по поддержке и возрождению языка. Однако, учитывая, что языковой сдвиг происходил очень интенсивно в течение нескольких десятилетий, многие меры оказались недостаточными для эффективного возрождения языка.

Группы карельских мигрантов. Массовые миграции карел из своих родных мест на Карельском перешейке в 17 веке были вызваны продолжающейся русско-шведской борьбой за контроль над Карелией, а также шведской аннексией значительной части Новгородских земель, в том числе тех, где были расположены традиционные карельские поселения. Одна часть карел переселилась в центральную и северную Карелию, другая — в районы за Онежским озером, третья — на земли Тихвинского, Свирского и Иверского монастырей. Так карелы заселили историческую территорию современной Республики Карелия (Жербин 1956).

Тверские поселения карел возникли как следствие значительного миграционного потока, причиной которого было опасение принудительного перехода в лютеранство; карелы мигрировали на территорию бывшей Тверской губернии, где царским правительством им были обещаны налоговые послабления. В первой половине 17-го века по меньшей мере 25 тысяч карел мигрировали из Карелии и Ингрии во внутренние районы России; во второй половине 17 века их число составляло от 25 до 40 тысяч (Жербин 1956: 38-65; Laine 1994; Клементьев 2008a: 37-38).

В целом, для карел Карелии и России в 20-м веке характерна географическая стабильность. В 1921-1922 годах после поражения белых имела место волна миграции карел в Финляндию (Vahtola 1993; Markianova 1993; Laine 1994). Еще одна волна миграции карел из родных мест произошла во время Второй мировой войны. После окончания Второй мировой войны карельское население Советского Союза, в основном, вернулось на свои традиционные места расселения. После войны среди 430 000 финских граждан, эвакуированных с Карельского перешейка и Ладожской Карелии в Финляндию, 55 000 были православные карелы, говорившие, в основном, по-карельски (Tolvanen 2008).

В настоящее время в соответствии с «Законом об иностранцах» (1991) ингерманландские финны имеют право автоматически получать вид на жительство в Финляндии. В отличие от ингерманландских финнов карелы не приобрели права вернуться в Финляндию. Однако частотны случаи экономической миграции в Финляндию молодых карел.

Современные социологические опросы и отчеты о положении дел в Карелии готовятся Республиканскими властями, в частности, Министерством национальной политики (Предварительные итоги 2007; Карелия — территория согласия 2009). Эти документы готовятся при активном участии активистов национальных организаций (Карелы 2005: 15-94, Карельское национальное движение 2009).

Существуют некоторые данные о карельском народе и языке, доступные в международных источниках, включая источники институтов ЕС и Совета Европы. Международные источники на карельском языке часто также доступны в Интернете (например, онлайн-словарь и другие материалы на веб-странице Научно-исследовательского института языков Финляндии), в то время как в России существуют лишь несколько страниц о карельском языке в Интернете. В Финляндии растет политический интерес к статусу карельского языка и ощущается потребность в надежной, открыто доступной информации о нем (см. Sarhimaa [в работе]). Официальных международных докладов о карелах не существует. Члены

Консультативного комитета Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств ни разу не посетили Республику Карелия, полагаясь на свое мнение о ходе реализации Рамочной Конвенции в Российской Федерации.

2.2.3 Культурный контекст

Фольклор, песенные и танцевальные традиции, литература, музыка и театр являются основными аспектами современной культуры карел в России. Основными символами культуры, которые обычно используют в России для описания и выделения карел как отдельного народа — это фольклор, прикладное искусство и ремесла, такие как ткачество, вышивка, резьба и роспись по дереву. Реальное воплощение фольклора состоит в сочетании различных элементов, в первую очередь, это кухня, танцы, музыка и одежда (Клементьев 2008a: 81-149, 200-239; Тароева 1965).

Национальный флаг карельского народа (см. рисунок 1), Государственный флаг Республики Карелия (см. рисунок 2) и герб (см. рисунок 3) — вот три наиболее ярких общественных символа. Национальный флаг карельского народа является признанной национальной эмблемой. Однако он не имеет официального статуса.

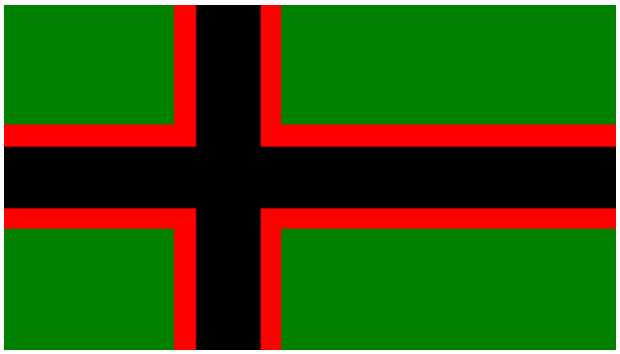

Рис. 1: Национальный флаг карельского народа

Рис. 2: Государственный флаг Республики Карелия

Рис. 3: Герб Республики Карелия

В повседневной жизни явных символов, по которым бы выделялись карелы, нет (см. Финно-угорские народы 2008: 200), однако в необходимых случаях эту функцию выполняют, в основном, культурные символы, непосредственно связанные с традициями. Таким образом, создание новых современных культурных символов и их распространение на различные виды деятельности связано с развитием профессиональных форм культуры. Традиционные элементы переместились в театры и музыкальные представления, которые часто адаптируют национальные традиции и язык.

Религия. Как правило, карелы являются православными христианами. Карелы были крещены в православную веру еще в 13 веке (Клементьев 2008a: 8). Одновременно с ростом роли Православия в России оно стало играть более заметную роль и среди карел. Эта тенденция проявляется в увеличении числа верующих, а также людей, носящих нательный крест. Преподавание основ православной культуры является учебным предметом в одной из школ Петрозаводска. Несмотря на это, службы на карельском языке проводятся редко и только в некоторых приходах.

В более общем плане, в отношении к религии не выявлено никаких различий между исследуемым меньшинством и большинством населения. Напротив, Лаллукка (Lallukka 2001: 16-18), например, предполагает, что раннее принятие Православной Кафолической веры могло ускорить ассимиляцию карел. Тем не

менее, следует отметить, что в семейной обрядности северных карел (например, свадьба, похороны), сохранились некоторые элементы дохристианских верований (Прибалтийско-Финские народы 2003: 279-285).

Местные календарные праздники и другие характерные черты. В календарных праздниках карел объединились православные традиции и дохристианские верования. В некоторых местах карелы до сих пор празднуют Рождество (*Syndy*). Двенадцать дней рождественских праздников начинаются со Дня Рождества и продолжаются до праздника Крещения Господня, то есть с 25 декабря до 6 января. На Масленицу на юге Карелии было распространено катание с горы на санках. Главный церковный праздник — Пасха. Первый выпас скота приходится на день Георгия (Егория) (6 мая). Дохристианские традиции можно проследить в празднованиях Иванова дня (Ивана Купалы) (7 июня). Карелы верили, что лето длится в период между Иваном Купалой и Петровым днем, после чего солнце поворачивает к осени (Прибалтийско-финские народы 2003: 279-285; Клементьев 2008a: 197-199).

Сейчас представители старшего поколения еще сохраняют некоторые знания о дохристианских традиционных праздниках, но они более не отмечаются. Дохристианский праздник осени *Kegrin päivä* («канун Дня всех святых») представляет собой древний карельский народный праздник, распространенный особенно в Южной Карелии и у тверских карел, он связан с окончанием осенних сельскохозяйственных работ и началом обработки льна. В Северной Карелии известен древний мифологический персонаж Старик Виериста, который может появляться во время летнего и зимнего солнцестояния. Когда-то в прошлом у карел были распространены обряды с ритуальным жертвоприношением животных, в том числе на День Святого Петра и Успения Пресвятой Богородицы (28 августа) (Прибалтийско-финские народы 2003: 279-285; Клементьев 2008a: 157-199).

Карельская литература. Первые авторы, считавшиеся карелами, в действительности публиковали свои произведения на финском языке. Первое поколение писателей Республики Карелия, таких как С. Мякеля, Н. Тихля, Э. Паррас, Й. Виртанен, О. Йоханссон, Р. Руско и другие, состояло, в основном, из финских коммунистов в изгнании, репрессированных во времена сталинизма. Следующее поколение также публиковало свои произведения, в основном, по-фински, но с элементами карельского языка: Ф. С. Ивашев, Н. Йаккола, И. Никутьев, А. Тимонен, П. Пертту, Ф. Исаков, Ю. Ругоев, О. Степанов, П. Лукин, Н. Гиппиев (Н. Лайне) (Клементьев 2008a: 49-50, 56-58). И, наконец, послевоенные авторы

начали более последовательно публиковаться по-карельски, в том числе такие авторы как В. Брендоев, А. Волков, О. Мишина, З. Дубинина, П. Семенов. В советский период их произведения переводились на русский язык. (Альто 1994; Летопись литературной жизни 1994; История литературы 1997, 2000; Писатели Карелии 1971, 2006; Laakso 1991: 64-65).

2.3 Демографический контекст

2.3.1 Статистика и основные демографические данные

Существуют официальные отчеты о численности карельского населения, созданные на основе регулярных переписей, проводившихся в Советском Союзе и России в 1897 (Россия), 1926, 1933, 1939, 1959, 1970, 1979, 1989 (Советский Союз), 2002 и 2010 (РФ). Как правило, эти статистические данные основаны на полном охвате населения. Однако в 1994 году проводилась микро-перепись, когда было опрошено лишь 5% населения.

С самого начала официальные переписи были направлены на получение целостной картины населения России (или населения Советского Союза). Методом проведения опроса была следующей: территория страны была разбита на переписные участки, переписчики собирали сведения в ходе личной беседы с жителями. Другие официальные переписчики не использовались. Цифры отражают два основных параметра, касающихся этнической принадлежности и идентичности людей, а именно заявленные «национальность» и «язык».

Способы оценки этого показателя существенно различается в различных переписях: так, в первой официальной переписи населения Российской империи 1897 года национальность определялась по родному языку; в советских переписях были два отдельных вопроса — о национальности и о родном языке. Перепись 2002 года расходится с традицией, поскольку вопрос о родном языке был заменен на более общий вопрос о владении языками.

По переписи 2010 года 60 815 лиц были зарегистрированы как карелы. Эти цифры свидетельствуют о быстром уменьшении численности карел (в 2002 году 93 344 человека были зарегистрированы как карелы). По данным переписи 2010 года самая большая группа проживала в Республике Карелия и насчитывала 45 570 человек (74,9% всех карел в РФ). Кроме того, по данным переписи 7 394 карел проживали в Тверской области и несколько небольших групп карел — в других

регионах России, таких как Ленинградская, Мурманская область, город Санкт-Петербург (см. таблицу 3).

По сравнению с переписями 2002 года и предыдущих десятилетий, результаты переписи 2010 года демонстрируют резкие изменения. В переписи 2010 года владение карельским языком в России указали 25 605 человек (ср. 52 880 человек в 2002 году по «Данным переписи населения 2002 года» (2004 г.), том 4, книга 4). Из них 3944 человека были русскими (ср. 6712 человек в 2002 году по «Данным переписи населения 2002 года» (2004 г.), том 4, книга 5). Количество заявивших владение карельским языком уменьшилось в большей степени, чем число тех, кто считает себя карелом по национальности, в 2002 году владеющих карельским языком было вдвое больше, чем в 2010 году.

Первые данные о численности карел восходят ко второй половине 16-го века, о них упоминается в писцовых книгах Вотской и Обонежской пятин. Между 1719 и 1857 годами в Российской империи было проведено 10 ревизий населения. Численность населения Карелии в 19 веке представлена в таблице 1.

Год	1835		1897	
Всего	171,695	100%	208,101	100%
Тверская губерния	84,638	49.3%	117,679	56.5%
Новгородская губерния	27,076	15.8%	9,980	4.8%
Олонецкая губерния	43,810	25.5%	59,414	28.5%
Архангельская губерния	11,288	6.6%	19,522	9.4%
Другое	4,883	2.8%	1,506	0.8%

Таблица 1: Карельское население между 1835 и 1897ггю
[Õispuu 2000: 136-137**]**

Современная этническая и языковая ситуация в Карелии значительно отличается от ситуации в прошлые столетия, поскольку сейчас самой большой группой в Республике Карелия являются русские. В 2010 году численность населения Республики составила 643 548 человек. Из них карелы (45 570 человек) составляют всего 7,1% населения Республики. Другие важные этнические группы представлены финнами, вепсами, белорусами и украинцами. Наиболее важные этнические группы (как показано в таблице 2) составляли 96,4% населения Республики Карелия на 2005 год.

Национальность	Величина группы	Владение языками			
	кол-во чел.	%	Русский	Свой язык	%
Все население	716,281	100	71,120		
Русские	548,941	76.6	548,553		99.9
Карелы	**65,651**	**9.2**	**65,546**	**31,794**	**48.3**
Вепсы	4,870	0.7	4,869	1,849	38.0
Финны	14,292	2.0	14,156	5,770	40.3
Белорусы	37,681	5.3	37,660	7,468	19.8
Украинцы	19,248	2.7	19,228	7,981	41.5

Таблица 2: Основные этнические группы в Республике Карелия
[Национальный состав Карелии 2005]

Как показывает таблица 2, русский язык является основным средством межнационального общения между всеми этническими группами. Язык своей этнической группы используется, в основном, старшими членами семей в бытовом общении.

Изменения в численности населения, отражающие долгосрочные демографические сдвиги, представлены в таблице 3 в свете переписей населения, начиная с первой советской переписи 1926 года.

Территория (кол-во чел.)	**1926**	**1939**	**1959**	**1970**	**1979**	**1989**	**2002**	**2010**
Российская Федерация	248 100	250 000	164 000	141 148	133 182	124 921	93 344	60 815
Административная единица:								
Республика Карелия	100 781	108 571	85 473	84 180	81 248	78 928	65 651	45 570
Тверская область	140 567	120 000	59 113	38 064	30 387	23 169	14 633	7394
Мурманская область				3589	3508	3505	2203	1376
Санкт-Петербург				2458	3194	3607	2142	
Ленинградская область				2163	2902	3371	2057	
Москва				938	1067	1245	568	
Московская область				834	955	949	480	
Архангельская область				697	671	700	388	
Республика Коми				688	629	580	341	
Кемеровская область				853	699	639	276	
Новгородская область				208	347	346	282	
Свердловская область				407	449	356	201	
Пермский край				371	357	272	120	

Таблица 3: Демографические изменения у карел в России, данные переписей населения 1926-2010 гг.

[Финно-угорский мир 2008: 11-12; Финно-угорские народы 2006: 15-17; Финно-угорские народы 2008: 21; Перепись 2010]

Как видно из таблицы 3, абсолютное число карел уменьшилась между переписями населения 1926 и 2002 года в 2,7 раза в целом по России, на одну треть в Республике Карелия и в 9,6 раза в Тверской (Калининской) области (как указано в Финно-угорские народы 2008: 28; Pyöli 1996: 55-56). Между последними переписями 2002 и 2010 годов число этнических карел сократилось по России на

34,8%. Как было показано выше, число тверских карел сократилось почти вдвое всего за восемь лет.

По данным переписи населения Российской империи 1897 года в Тверской губернии насчитывалось 117 700 карел, это была самая большая группа, в то время как Олонецкой губернии, области, которая в основном соответствует современной Республике Карелия, было 78 900 карел. В 1939 году соответствующие цифры были 120 000 и 108 600 человек (Финно-угорские народы 2008: 21). Некоторые исследователи оценивают численность тверских карел в 1939 году в 150 000 человек (Kurs & Taagepera 1999), основываясь на предварительных данных переписи 1939 года. Власти объявили перепись 1937 года неверной, поскольку она показала снижение численности некоторых народов, в том числе карел, что было крайне нежелательно для Сталинского режима. В настоящее время данные переписи 1937 г. считаются в целом надежными (Grenoble 2003: 27; Финно-угорские народы 2008: 9).

В период между 1926 и 1939 годами абсолютное число карел увеличилось в обеих основных областях основного проживания карел, а именно в Республике Карелия и в Тверской (Калининской) области. Одной из основных причин этого является, в частности, снижение детской смертности. Данные самой последней переписи 2010 года показывают неуклонное снижение абсолютного числа карел и их части в населении Республики. Не существует никаких официальных долгосрочных прогнозов о будущей демографической ситуации карел.

В первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года не было ни одного прямого вопроса о национальной принадлежности. Количество «нерусских» оценивалось на основе их родного языка (Финно-угорские народы 2008: 210). В советских переписях указывались как национальность, так и язык (Lallukka 1990: 71-82, 1996: 5; 2001). По-видимому, советская статистика последовательно проводила различие между двумя категориями: национальность и язык. Последняя категория регистрировалась в тех переписях, в которых однозначно указывался родной язык. Общая картина соотношения между языком и этнической принадлежностью представлена в таблице 4. Как уже упоминалось выше, вопросы о родном языке и о владении языками были изменены в переписях 2002 и 2010 гг., которые не полностью сопоставимы с данными предыдущих переписей.

Территория (кол-во чел)	**1926**	**1939**	**1959**	**1970**	**1979**	**1989**	**2002**	**2010**
Карелы в Карелии, чел.	100 781	108571	85 473	84 180	81 240	78 928	65 651	45570
% к 1926	100	106.7	84.8	83.5	80.6	78.3	65.1	45.2
Карельский как родной яз.	96 028	97 470	69 129	60 361	50 221	39 925	n/a	12 369
%	100	89.8	80.9	71.7	61.6	50.6	n/a	27.1
% в сравнении с 1926	100	101.5	72.0	62.8	52.3	41.6	n/a	12.9
Карелы в Тверской обл, чел.	140 567	120 000	59 113	38 064	30 387	23 169	14633	7394
Карельский как родной яз			41 199	22 239			n/a	2750
%			69.7	58.4			n/a	37.2

Таблица 4: Динамика численности населения и доля лиц с родным карельским языком в Республике Карелия и Тверской области в 1926-2002 гг.
[Национальный состав Карелии 2005; Финно-угорские народы 2005: 45; 2006: 93; Перепись 2010: руб-04-07]

Следует обратить внимание, что таблица 4 не предоставляет цифры по родному языку для российской переписи 2002 года, поскольку вместо вопроса о родном языке, задавался вопрос о владении языками.

Последние данные о родном языке карел Республики Карелия в сочетании с возрастными группами в городских и сельских районах доступны в переписи 1989 года (см. таблицу 5).

Возраст	Город			Сельские районы		
	Карелы	Карельский как родной язык		Карелы	Карельский как родной язык	
		кол-во чел.	%		кол-во чел.	%
0–5	3,021	205	6.8	2,226	353	15.9
6–9	1,911	145	7.6	1,395	171	12.3
10–14	2,300	218	9.5	1,534	335	21.8
15–19	2,880	494	17.2	1,008	348	34.5
20–24	3,110	796	25.6	1,490	716	48.1
25–29	4,488	1,333	29.7	2,424	1,219	50.3
30–34	5,333	1,888	35.4	2,844	1,613	56.7
35–39	4,812	1,959	40.7	2,224	1,338	60.2
40–49	4,615	2,308	50.0	2,168	1,652	76.2
50–59	7,494	4,899	65.4	5,598	4,927	88.0
60–69	5,250	3,985	75.9	4,407	4,073	92.4
70–	3,550	2,960	83.4	2,846	2,728	95.4
Total	48,764	21,190	43.3	30,164	19,473	59.9

Таблица 5: Карельский как родной язык карел разных возрастных групп по Республике Карелия в соответствии с переписью 1989 года.

В 2002 году 52 880 лиц указали знание карельского языка в целом по России, в том числе 35 086 человек в Республике Карелия, 11 910 в Тверской области, 1030 в Ленинградской области, 893 в Санкт-Петербурге и меньшие группы в других регионах (Финно-угорские народы 2008: 262-263). Соответствующие цифры на 2010 год: 25 605 компетентны в карельском, в том числе 19 007 в Республике Карелия и 3 641 в Тверской области.

Более подробно владение карельским языком жителями различных национальностей Республики Карелия в 2010 году была представлено следующим образом: по-карельски говорят 19 007 человек, в том числе 16 876 карел, 1764 русских, 163 финнов, 88 белорусов, 46 украинцев, 33 вепса (Перепись 2010: руб-04-09).

По данным 2002 года из 65 651 этнических карел в Республике Карелия 31 794 человек владели своим родным языком. Различия в данных переписей 1989 и 2002 годов демонстрируют снижение доли носителей карельского языка с 63,5% до 48,3% (Данные переписи населения 2002 года (2004), том 1). Уже в то время

процент говорящих был меньше, чем у других титульных народов в национальных Республиках РФ (Финно-угорские народы 2008: 140). В 2010 году число карел, способных говорить по-карельски, составило 16 876 человек (37% всех карел Республики).

Трудности в оценке уровня языковой компетенции карел. Существует проблема анализа данных, указанных в переписях, поскольку они не всегда отражают реальную компетенцию людей в данном языке или степень использования языка. Можно сказать, что переписи отражают скорее политические и социальные тенденции, а не этническую принадлежность респондентов или их языковое поведение (Гренобль 2003: 31). Проводились социологические исследования, призванные установить уровень фактического знания карельского языка, в том числе получить информацию о том, кто способен читать и писать по-карельски, оценить практические языковые навыки — кто понимает и может быть понятым.

Имеется лишь несколько исследований по оценке языкового сдвига и влияния билингвизма на языки России (Grenoble 2003: 31; 1971 Клементьев, 1974). Наиболее содержательным является исследование Аннели Сархимаа по переключению кодов и различным формам билингвизма в речи карел (Sarhimaa 1999). Материалы были собраны в 1990 году, и автор убедительно показала, что, в действительности, весьма значительную роль играет индивидуальная вариативность. Кроме того, русско-карельское двуязычие включает в себя более двух различных кодов.

Первые социолингвистические обследования, проводившиеся еще ранее, в 1970 году (Клементьев 1971, 1974), показали, что «имеет место языковой сдвиг от карельского к русскому, особенно быстрым он является в городских районах. Среди городских карел люди в возрасте от 50 лет и старше имели очень хорошую компетенцию в своем родном языке. Она снижается в возрастной группе 30-49 лет и резко падает в младшей опрошенной группе (возраст 16-29 лет). Кроме того, отмечалось, что менее половины лиц в возрасте 16-19 лет назвали карельский своим первым языком. Использование русского коррелирует с уровнем образования. Компетенция в русском языке увеличивается с уровнем образования. Менее образованные рабочие чаще использовали карельский язык. Кроме того, было установлено, что в сельской местности и в небольших поселках позиции карельского языка значительно сильнее, но языковой сдвиг происходит и здесь» (Grenoble 2003: 79). Данные социологического опроса, проводившегося в 1974 году Карельским научным центром Петрозаводска, приведены в таблице 6.

	16–19	20–24	25–29	30–34	35–39	40–49	>50
Кол-во респондентов	46	115	108	198	226	381	155
Владение карельским языком:							
Свободно	83,5%	72,7%	87,4%	96,2%	95,1%	96,9%	96,6%
Понимает	8,9%	17,2%	9,6%	2,1%	1,8%	2,9%	2,4%
Понимает, но не говорит	7,6%	10,1%	3%	1,7%	3,1%	0,2%	1%
Свободно владеет:							
Карельским	39,1%	31,7%	57,3%	58,8%	55,9%	75,3%	75%
Русским	40%	39,5%	20,9%	18,9%	12,8%	7,4%	13,7%
Обоими языками	20,9%	28,8%	21,8%	22,3%	21,3%	17,3%	11,3%
Родной язык:							
Карельский	64,2%	68,6%	84,9%	85,9%	90,3%	94,1%	96,5%
Русский	25,4%	26,4%	12,9%	10,2%	9%	4,3%	3,2%
Оба языка	4,4%	4,2%	2,2%	3,9%	0%	0,6%	0%
Говорит дома:							
Только по-карельски	45,3%	31,3%	46,9%	37,3%	32,3%	44,2%	56,8%
Только по-русски	31,9%	36,1%	23,2%	27,2%	25,2%	19,6%	14,3%
На обоих языках	22,8%	33,5%	29,9%	34,9%	42,5%	34,4%	25,6%
Говорит на работе:							
Только по-карельски	8,8%	4,5%	17,3%	12,8%	11,2%	22%	26,5%
Только по-русски	58,3%	67,5%	45,2%	47,1%	46,8%	34,5%	25%
На обоих языках	32,9%	26,9%	32,8%	39,3%	41,3%	42,8%	45,9%

Таблица 6: Языковая компетенция по возрастным когортам, карелы в сельской местности

[Клементьев 1974]

Данные более современного социологического опроса, проведенного в 2002 году у тысячи информантов в 5 городах, 3 поселках городского типа и в более чем 40

сельских поселениях, были проанализированы тем же исследователем Евгением Клементьевым (Клементьев 2003a: 167-207), как и предыдущий. Соответствующие разделы опроса показали, что только 53,5% опрошенных карел хорошо владели карельским языком. 29,7% респондентов ответили, что способны читать и писать по-карельски, а 17,5% утверждали, что понимают и могут быть поняты. Наконец, 18,4% знали несколько слов, а 10,6% не знали карельского языка вовсе. Эти данные отражают неуклонное снижение компетенции в карельском языке. Данные ELDIA демонстрируют аналогичную тенденцию (см. 4.3.1.3).

2.3.2 Оценка критериев, лежащих в основе имеющейся информации

Достоверность данных и методов сбора информации, касающихся национальности и языка, при переписи населения была подвергнута тщательному анализу как российскими, так и зарубежными исследователями. В принципе, официальная статистика адекватно представляет основную информацию о демографической картине у национальных меньшинств, таких как карелы.

Тем не менее, интерпретация двух основных параметров — «национальность» и «язык» — требует критического анализа. Многие исследователи (Tishkov 1998, Grenoble 2003, Grünthal 2011, Lallukka 1990, 2005, 2006, Malakhov & Osipov 2006) выступили с критикой слишком прямолинейного понимания полученных цифр в связи с отсутствием единого и четкого определения терминов «национальность»» и «родной язык». С одной стороны, в советской практике «национальность» была заранее установленной категорией, которая была зафиксирована в удостоверении личности. С другой стороны, в советской и двух последних переписях населения, проводившихся в России в 2002 и 2010 гг., национальность записывалась на основании личного заявления респондента (Финно-угорские народы 2008: 140).

«Родной язык» — понятие, используемое в советских переписях, в действительности также неоднозначно. Респонденты часто отмечали, что они не пользуются своим родным языком чаще, чем каким-либо другим, что для них это скорее язык своего народа (Malakhov & Osipov 2006: 503-504). Следовательно, «данные советских переписей, в которых язык данной этнической группы рассматривается как «родной», не соответствуют прямым образом числу тех, для кого это на самом деле основной разговорный язык» (Tishkov 1997: 87, 89). Таким образом, можно сделать вывод, что понятие «родной язык» отражает, главным образом, этническую и культурную принадлежность человека, а не язык его фактической коммуникации (Финно-угорские народы 2008: 140).

Начиная с переписи 1970 г., в дополнение к вопросу о родном языке задавался вопрос «свободное владение другим языком народов СССР». Отвечающие основывались на собственном восприятии, и их ответы вовсе не обязательно отражали фактическое знание данного языка. Тем не менее, связь между вопросами о родном языке и о втором языке отражала более или менее достоверную картину компетенции в родном языке среди финно-угорских народов (Финно-угорские народы 2008: 140-141). В переписях 2002 и 2010 гг. знание языков регистрируется в более общем виде, что затрудняет сравнение с данными предыдущих переписей. Кроме того, обработка и анализ демографической динамики стали менее прозрачными.

Различие между возрастными когортами (см. рис XX ниже) демонстрирует основную демографическую структуру карел и, особенно, непропорционально высокий процент пожилых людей (60 лет и более). Относительная доля пожилых людей среди карел в городской среде составила в 2010 году 28% (19,8% в 2002 году), среди карел в сельской местности — 31% (26,5% в 2002 году), в то время как в среднем по Карелии она составляет 29,3% (22,7% в 2002 году). В соответствии со стандартами ООН, группа населения считается старой, если доля пожилых людей в ней выше 12%.

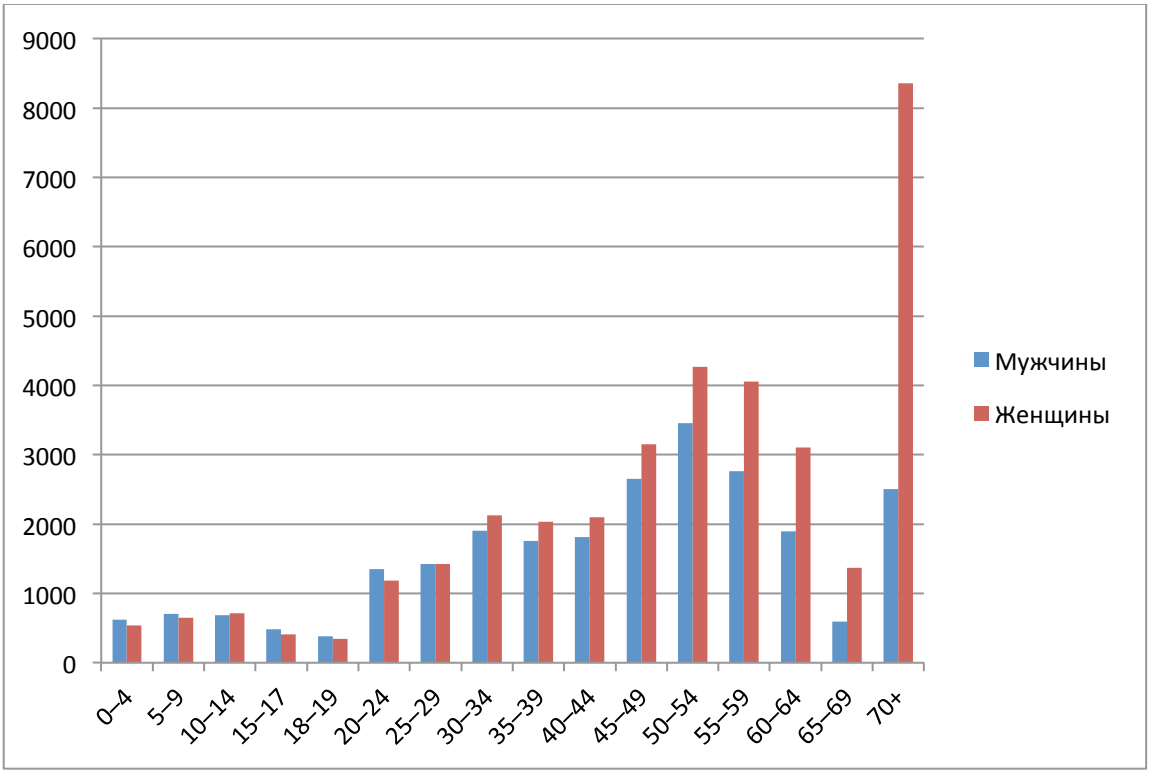

Рис. 4: Возраст и пол карел по переписи 2010 года
[по Перепись 2010: руб-04-10]

Как показано на рисунке 4 переписи учитывают как пол, так и возраст респондентов. Корреляция между этими двумя параметрами показывает большее количество женщин, что особенно примечательно в пожилых возрастных группах. Основными причинами такой ситуации являются репрессии 1930-х годов, Вторая мировая война и меньшая средняя продолжительность жизни мужчин (Õispuu 2000: 141). Дополнительная информация о возрастных и гендерных когортах доступна в книге «Финно-угорские народы» (2005: 22-36; 2006: 19-34).

Официальной статистики по рождаемости среди карел не существует, поскольку официальная статистика касается только рождаемости среди всего населения Карелии. Существует вторичная информация о рождаемости на основе соотношения между числом карельских женщин и детей, которое можно сравнить с соотношением у других финно-угорских народов (см. Финно-угорские народы (2006: 35-41) и Финно-угорские народы (2008: 37-38)). Предполагаемый средний уровень рождаемости среди карел (1 823 рождений на 1000 женщин) несколько выше среднего уровня рождаемости по России (1 513 рождений на 1000 женщин) (Финно-угорские народы 2006: 35-36) и среднего уровня рождаемости среди этнических русских (1 446 рождений на 1000 женщин).

В конце 1980-х годов 50% сельских и 75% городских карел состояли в межнациональных браках. Среди них 39,1% состояли в карело-русских и 26,1% в карело-белорусских браках. Наблюдается постоянное увеличение межнациональных браков карел с людьми других этнических групп (Бирин 1992: 12-24; Прибалтийско-Финские Народы 2003: 212-219; Клементьев 2008a: 156). Дети от смешанных браков, как правило, зарегистрированы как русские и говорят дома на русском языке (Sarhimaa 1999: 42). Однако современной официальной статистики о межнациональных браках и об использовании различных языков нет.

Административное деление Карелии по районам производилось в 1927 году на базе исторического расселения карел. До начала 1940-х годов карелы жили довольно компактно, хотя географически были расселены по значительной территории в Карелии. В послевоенные десятилетия население стало более рассеянным и распространилось за пределы традиционных областей проживания. В результате миграций увеличилось число людей других этнических групп.

В настоящее время в Республике Карелия насчитывается 13 городов и 15 сельских муниципальных районов, где расположено более 660 поселений. Основные сельские поселения, где проживают карелы, расположены в 3 муниципальных районах, а именно, в Олонецком, Пряжинском и Калевальском районах, где живут 26,9 тыс. карел, что составляет 90% всех сельских карел и 41% всех карел в

Карелии. Карелы проживают в Олонецком районе (*Anus, Aunus*; 16 402 человека), Пряжинском (*Pryazhu, Prääsä;* 6 715 человек), Калевальском (*Uhtua, Kalevala*, 3 820 человек), Кондопожском (*Kondupohju, Kontupohja*; 3 574 человека) и Лоухском районах (*Louhi*, 3071 человек). Многие карелы живут в городах Петрозаводск (*Petroskoi, Äänislinna*; 13 471 человек) и Олонец (5 727 человек), который является единственным городом, где карелы составляют большинство. Было подсчитано, что из учтенных переписью 1989 года 65 тысяч карел в Карелии 40 000 являются олонецкими карелами, 5 тыс. — людиковскими и около 20 тысяч являются северными и южными карелами. (1988 Клементьев, 1991, 1998, Клементьев / Кожанов 1988: 15-25, 2000: 6-20; Сельские населенные пункты 2000).

Сведения о размере и относительной доле этнических карел в сравнении с общей численностью населения Республики Карелия приведены в таблице 7.

	1926	**1959**	**1970**	**1979**	**1989**	**2002**	**2010**
Все население	260,734	651,346	713,389	732,060	790,150	716,281	643,548
Карелы в Карели	100,781	85,473	84,180	81,248	78,928	65,651	45,570
Доля карел, %	38.7	13.1	11.8	11.1	10.0	9.2	7
Город, всего, чел.	61,017	409,616	490,514	568,388	643,496	537,395	502,217
Карелы, всего	4,753	26,508	37,596	44,708	48,764	35,689	25,828
Доля карел, %	7.8	6.5	7.7	7.9	7.6	6.6	5.1
Село, всего, чел.	208,717	241,730	222,935	163,672	146,654	178,886	141,331
Карелы, всего	96,028	58,965	46,584	36,540	30,164	29,962	19,742
Доля карел, %	46.0	24.4	20.9	22.3	20.6	16.7	14

Таблица 7: Доля карел от общей численности населения в Советском Союзе и России

[Национальный состав Карелии 2005; с добавлением численности по Переписи 2010: руб-1-4, руб-4-10]

Доля карел в общей численности населения Карелии неуклонно снижалась с 38,7% в 1926 году до 5,1% в 2010 (см. таблицу 3, выше). Абсолютное число и доля карел в городских и сельских поселениях также уменьшились. В 1970-е годы, в период после ликвидации двух тысяч деревень, число карел, проживающих в городских районах, превысило число карел, проживающих в сельской местности (Õispuu 2000: 138).

В 20-м веке абсолютное число других прибалтийско-финских народов, вепсов и финнов, в Республике Карелия также резко сократилось. Эти три группы составляли

вместе около 11,9% от общей численности населения Республики в 2002 году. Это сокращение коснулось, в первую очередь, мужчин, что объясняется последствиями гражданской и Первой мировой войны, а также репрессиями сталинского режима в 1930-х годах и Второй мировой войной (Бирин 2000: 116).

Одновременно с этим в 20 веке общая численность населения Карелии увеличилась в четыре раза, что было, в частности, следствием миграционной политики. В результате притока рабочих многих национальностей СССР население Республики стало этнически значительно более разнородным, особенно благодаря миграции русских, белорусов и украинцев, говорящих на славянских языках. Более подробная информация о размере русского большинства и этнических меньшинств в Республике приведена в таблице 8.

	1926	**1959**	**1970**	**1979**	**1989**	**2002**
Население, всего	260,734	651,346	713,389	732,060	790,150	716,281
включая:						
Русские	153,967	412,773	486,198	522,152	581,571	548,941
Карелы	**100,781**	**85,473**	**84,180**	**81,248**	**78,928**	**65,651**
Вепсы	8,587	7,179	6,323	5,864	5,954	4,870
Финны	2,544	27,829	22,174	20,098	18,420	14,292
Украинцы	708	23,569	27,440	23,757	28,242	19,248
Евреи	625		1,580	1,469	1,203	719
Белорусы	555	71,900	66,410	59,378	55,530	37,681
Поляки	413		5,200	4,539	4,077	3,022
Латыши	258	431	414			252
Татары	198	2,692	2,603	2,608	2,992	2,628
Мордва	82	1,428	1,363	1,273	1,179	808
Литовцы	73	2,936	1,945	1,464	1,458	1,074
Чуваши	22	1,578	1,791	1,726	1,763	1,298

Таблица 8: Этнические группы Республики Карелия в 2005 году

(Бирин 2000: 108)

Более подробную информацию об экономическом положении и занятости населения Карелии см. в Финно-угорский мир (2004, 2008).

2.3.3 Основные недостатки существующих демографических данных

Основным недостатком данных, представленных в переписях населения, является то, что они не отражают адекватным образом всю сложность проблем, связанных с карелами, а именно, изменение их идентичности и уменьшение уровня фактического владения карельским языком. В случае с карелами данные переписи по национальности и языку не настолько неоднозначны, как, например, в случае с вепсами, поскольку основная область расселения карел в целом совпадает с территорией Республики Карелия. Однако, что касается карельского населения Тверской области, которое в начале 20-го века было самой крупной группой карел, то требуется более детальное исследование данной группы.

Статистическая информация построена с учетом административного деления. Этническая принадлежность людей указывается, главным образом, для тех субъектов федерации, которые этнически маркированы, в особенности, для республик, названных по этнониму. В случае с карелами, внимание сосредоточено на Республике Карелия, в то время как соответствующей информации о карелах в смежных областях нет. Как и в случае с вепсами (Grenoble 2003: 25), в 1970-х годах обмен паспортов в Ленинградской области привел к тому, что местные карелы были записаны как «русские», хотя, по оценкам там насчитывалось около 2000 этнических карел (Õispuu 2000: 142).

В целом, демографическая информация, касающаяся карел на территории Республики Карелия, является более надежной, чем сходная информация по другим регионам, где живут карелы, в первую очередь по Тверской области.

Основная проблема статистической информации заключается в том, что численность говорящих не отражает различий, существующих между индивидами. В разрушающихся языковых сообществах компетенция в языке может значительно варьировать, что, в действительности, делает небольшой коллектив говорящих еще более хрупким. Более того, в долгосрочной перспективе, изменение административных границ также повлияло на восприятие языка в различных языковых сообществах. Следовательно, современные демографические данные и их динамика должны быть по возможности соотнесены с качественными данными.

2.4 Язык и политика меньшинств на практике

2.4.1 Общий контекст языковой политики и практики

Спектр отношения карел к своей этничности очень широк. С одной стороны, в 1990-х годах среди национальной интеллигенции и лидеров национальных неправительственных организаций (НПО) были широко распространены идеи национального возрождения. Так, несмотря на нынешнюю российскую националистическую политику национально-государственного строительства многие образованные карелы по-прежнему считают себя отдельным народом с собственным языком и самобытной культурой. Опрос, проведенный в 2009 году Лабораторией социологических исследований Факультета политических и социальных наук Петрозаводского государственного университета, показал, что 80% респондентов не стыдятся своей национальности, а 68% хотели бы знать больше об истории и культуре своего народа. Были опрошены 1688 респондентов из Калевальского, Пряжинского, Олонецкого и Прионежского районов, где компактно проживают карелы и вепсы.

С другой стороны, типичным отношением карел к этим вопросам является национальный нигилизм. Советская национальная и языковая политика вкупе с языковой политикой в образовании усилили добровольную и принудительную ассимиляцию (Lallukka 1996: 316-318). В связи с высоким уровнем этнической и языковой ассимиляции, люди карельского происхождения в возрасте до 50 лет довольно часто идентифицируют себя не как карелы, а как русские. Типичный ответ на вопрос о национальности: «Моя мать карелка, но я русский, потому что не говорю по-карельски». Эти люди обычно предпочитают «современный» русский язык и культуру «отсталому» карельскому языку и культуре. Во многих отношениях национальный нигилизм просто отражает отношение большинства к меньшинствам.

Отношение большинства к меньшинствам имеет решающее значение для понимания причин утраты языка и ассимиляции карел. С распадом Советского Союза отношение большинства населения к карелам рассматривается, в основном, как толерантное. Действительно, в настоящее время нет этнических конфликтов между карелами и членами других этнических групп. Однако во времена Советского Союза за фасадом дружбы народов, находились ожидания, что разные этнические группы сольются в однородный «советский народ» с русским в качестве общего языка. После распада Советского Союза исследователи регистрировали быстрый рост ксенофобии в постсоветских государствах. В России

ксенофобия, как правило, касается людей из кавказского региона, но затрагивает и «нерусских» в целом. По данным недавнего социологического опроса в Карелии 40% студентов и школьников не нравятся выходцы с Кавказа (Шабаев 2006), что приводит к межэтническим конфликтам и даже погромам, как это произошло в Кондопоге в 2006 г. (Маркедонов 2007). Высказывалось мнение, что русский национализм представляет собой реакцию на процессы национального возрождения в республиках (Паин 2003a, 2003b).

В настоящее время официальная политика государственного строительства и формирования нации россиян значительно повлияла на отношение большинства к меньшинствам и мигрантам (Концепция государственной национальной политики в области образования 2006). В российском общественном дискурсе появилась новая тенденция приуменьшать значение этнической принадлежности и родного языка и вместо этого подчеркивать общие гражданские ценности. Таким образом, исследователи должны критически оценивать официальные данные о ксенофобии, чтобы понять ее воздействие на общественное и личное восприятие этничности и языка.

В Республике Карелия были приняты конкретные меры для преодоления ксенофобии и поднятия интереса к карелам, вепсам и их языкам. Организовывались публичные мероприятия для популяризации карельской культуры, поддержанные Программой по гармонизации национальных отношений (2007). Тем не менее, языки местных меньшинств остаются в публичных выступлениях маргинальными. Напротив, отношение к русскому языку как большинства населения, так и меньшинств оказывается идентичным, поскольку он рассматривается как язык возможностей, доминирующий во всех сферах.

В целом, отношение большинства населения Карелии к прибалтийско-финским языкам можно охарактеризовать как положительное. Данные ELDIA, по-видимому, свидетельствуют о том же (см. 4.3.1.8). Кроме карел, вепсов и финнов дети других национальностей также изучают в школах и университетах карельский, вепсский и финский. Однако карельский язык не рассматриваются как язык с будущим. Приграничное сотрудничество с Финляндией увеличивает популярность финского языка, который имеет более высокий социальный престиж, чем карельский и вепсский.

Опрос, проведенный среди не-карельского населения Республики Карелия в 2003-2004 годах, показал, что почти половина респондентов интересуется языками Карелии. Было опрошено 160 информантов разных национальностей, социального статуса и возраста. Только 15% из них считали, что меры, направленные на

сохранение карельского и вепсского языков в Республике Карелия, не нужны. Подавляющее большинство (75%) ответили, что необходимо сохранять и развивать карельский и вепсский языки. Четверть респондентов были не против преподавания карельского языка детям в школе, в то время как половина респондентов не поддерживала эту идею. Более трети считали возможным лично выучить карельский язык, хотя более половины не видели в этом необходимости. Предпочтения в отношении местных языков выстроились в следующем порядке: 1) только русский; 2) русский и финский; 3) финский, русский и карельский; 4) русский и карельский. Более трети считали, что, если карельский язык станет государственным, то было бы желательно, чтобы те, кто им не владеет, выучили бы его (Ковалева 2006: 12-13).

В ходе экспедиции в Пряжинский район в 2008 году было опрошено 100 респондентов-карел. По этим данным более 90% карел высказывается за повышение роли карельского языка. 70% оценили родной языка как важный для них, 20% не могли решить, является ли родной язык для них важным, и только 10% ответили, что карельский язык не имеет для них никакого значения. По данным этого исследования, в большинстве случаев карелы считают возрождение карельской письменности, а также изучение карельского языка как позитивный сдвиг. Однако, по данным Пюёлли (Pyöli 1996), несмотря на положительное отношение к родному языку, карелы, особенно молодые, не верят, что их язык будет передан следующему поколению (Ивкова 2002).

Кроме того, этно-социологическое исследование, организованное в 2009 г. Министерством национальной политики как часть программы «Карелия – территория согласия» (2009) в сотрудничестве с Обществом вепсской культуры и Советом Съезда представителей карел показывает, что существует парадокс между, в основном, положительным отношением к языку и современным состоянием языка, находящегося под угрозой исчезновения. Почти 50% информантов считают, что карельский язык находится вне опасности, около 8% ответили, что карельский потенциально находится под угрозой , 20% считали, что язык стоит на грани исчезновения, в то время как около 5% ответили, что карельский язык находится под серьезной угрозой исчезновения. Это значительно противоречит последним данным ЮНЕСКО, который классифицирует карельский как язык, находящийся под серьезной или безусловной угрозой исчезновения (UNESCO 2012, Wurm 2001).

Уровень образования карел Республики Карелия оценивался на основе результатов переписи 2002 года, и эта информация доступна. Тем не менее, нет никакой подробной информации об уровне образования карел в других регионах.

2.4.2 Стандартизация карельского языка

В 20 веке на территории Карелии использовались два литературных языка — русский и финский. Два автохтонных языка, карельский и вепсский, использовались, в основном, как языки без письменного стандарта.

Первые опыты карельской письменности представляли собой переводы религиозных текстов, которые появились в первой половине 19-го века. Православная церковь начала издавать религиозную литературу в целях укрепления православной веры среди карел. В 1804 году Синод издал «Перевод некоторых молитв и краткий Катехизис на карельском языке» на олонецком карельском. В 1820 году были переведены на карельский «Евангелие от Матфея» и вскоре «Евангелие от Марка», где использовалась кириллица. Изданный в 1870 году «Карело-русский молитвенник для православных карел» уже имел последовательную орфографию и представлял собой параллельный карельский и русский текст. «Основы христианской доктрины» вышли из печати в 1882 году. В 1895-1897 гг. Комитет Архангельской епархии опубликовал несколько духовных книг для карел Кемского северного округа. Более подробную информацию по религиозным текстам см. в Баранцев (1967: 93-94); Прибалтийско-Финские Народы (2003: 193-197); Клементьев (2008a: 24-31).

После Октябрьской революции в 1920-е годы язык стал центральным вопросом национальной политики России (Юликангас 2000: 424). Наряду с русским в качестве второго официального языка Карельской трудовой Коммуны был выбран стандартный финский. Руководители коммуны, в которой доминировали коммунисты «красные финны», рассматривали карельский как диалект финского языка. Основной целью языковой политики был устойчивый русско-финский билингвизм. Тем не менее, борьба за признание карельского продолжалась, и уже в 1924 году началось преподавание карельского в некоторых школах (Афанасьева, 1989).

В 1937 году в первой Конституции Карельской АССР карельский был назван третьим официальным языком наряду с русским и финским; началось создание единого карельского литературного языка на основе южных говоров собственно-карельского, с использованием кириллицы (Баранцев 1967: 101-103; Анттикоски

2000: 155-156). Под руководством русского лингвиста Д. Бубриха был составлена «Грамматика карельского языка» (Бубрих 1937). Но создатели письменности были обвинены в профинской ориентации, и работа была приостановлена. В 1938 году было принято решение лишить финский язык официального статуса. В том же году карельский язык полностью заменил финский в школах, в прессе и в официальных документах.

Второй литературный стандарт на основе (ближайшего к русскому) олонецкого диалекта с использованием кириллицы был разработан в 1939 году группой под руководством Н. Анисимова (1939), который сам был олонецким карелом. Этот стандарт был отменен в 1940 году, когда была создана Карело-Финская союзная Республика. Финский вновь стал официальным языком наряду с русским в соответствии с Конституцией Карело-Финской ССР (Анттикоски 2000: 157-158, Sarhimaa 1999: 35-41).

Третий литературный стандарт был создан еще в 1930 году в Тверской (тогда Калининской) области на основе латинской графики. В 1931 году карельский начали использовать в качестве языка обучения в некоторых школах Калининской и Ленинградской областей (Баранцев 1967: 99-100, Анттикоски 1998: 208-211). В 1939 году он был упразднен вместе с ликвидацией Карельского национального округа. Подробная история создания карельского литературного языка в 1930-х годах доступна в: Баранцев (1967); Прибалтийско-Финские Народы (2003: 197-202); Строгальщикова (2005: 270-273); Sarhimaa (1999: 35 -41), Õispuu (2000: 144-150).

После Второй мировой войны финский был введен в качестве литературного языка в некоторых областях северной Карелии. После ликвидации Карело-Финской ССР в 1956 году сферы использования финского постепенно и неуклонно сужались, хотя формально он все еще оставался официальным языком наравне с русским в соответствии с Конституциями Карельской АССР 1957 и 1978 годов (Клементьев 2005c: 252 -257).

В течение долгого времени было запрещено поднимать вопрос о создании письменных вариантов для карельского и вепсского языков (Керт 2000: 76-77). Карельский и вепсский литературные языки были возрождены в 1989 году. Носители этих языков активно способствовали разработке двух различных вариантов литературного карельского языка, а именно: собственно-карельского и олонецкого карельского. Помимо них, литературный стандарт был создан и для людиковского, этот вариант близок одновременно к карельскому и вепсскому. Более подробную информацию о формирования письменной традиции карельского языка можно найти в: Ковалева (2006).

Активисты языкового возрождения, национальная интеллигенция и академические круги взяли на себя ведущую роль в возрождении карельского литературного языка после конференции «Карелы: этнос, культуру, язык, экономика: проблемы и перспективы развития в условиях улучшения межэтнических отношений в СССР», состоявшейся в Петрозаводске в мае 1989 года.

К концу 1980-х годов карельский язык использовался почти исключительно в бытовой сфере. С тех пор функциональное пространство карельского языка заметно расширилось. В настоящее время сферы использования карельского языка включают, в некотором отношении, систему образования, а именно, детские сады, школы, профессиональные и высшие учебные заведения, языковые курсы. По некоторым оценкам, опубликованным в России в начале 21-го века, непрерывная государственная поддержка использования языка в этих и некоторых других сферах, таких как средства массовой информации, культура и литература, может поддерживать жизнеспособность карельского языка. Однако те же статьи рассматривают расширение социальных функций языка как маловероятное (Крючкова 2000: 196; Письменные языки 2003: 227).

В настоящее время наиболее значительными текстами, написанными в соответствии с новой литературной нормой карельского языка, являются, в первую очередь, учебники карельского языка и дополнения к ним, лексикографические издания и тематические словари, опубликованные Республиканской комиссией по терминологии и орфографии. Литературный стандарт также используется в художественной литературе, поэтических сборниках и газетных статьях.

Русский язык имеет свою историю в Республике Карелия. Диалект местного русского населения Карелии является самобытным, этот вариант использовался в русском эпосе (былины), в сказках и плачах. Русские говоры Карелии относятся к северному диалекту русского языка (Sarhimaa 1999: 20-25; Saarikivi 2006). В настоящее время этот уникальный говор находится на грани вымирания, как местный диалект, хотя в официальных отчетах сообщается, что «значительная работа была проделана по сохранению, возрождению и развитию традиционной культуры русского населения Поморья, Заонежья и Пудожского района Карелии» (2-й Государственный доклад РКНМ 2005: 22).

2.4.3 Сферы использования языка

Средства массовой информации и культура. Регулярные теле- и радиопередачи на карельском языке были введены еще в 1960-х годах. В настоящее время служба

информационных программ на национальных языках ГТРК «Карелия» готовит передачи на карельском, вепсском и финском языках (Еремеев, 2007).

Программы в карельском языке — это, прежде всего, новости, а также некоторые культурные программы — раньше транслировались по радио в течение одного часа в неделю. Решение, принятое в 2004 г., подчинить все государственные теле- и радиокомпании, такие как ГТРК «Карелия», непосредственно основной национальной телекомпании ВГТРК Российской Федерации, негативно повлияло на количество часов вещания на языках Карелии. Общее эфирное время, посвященное региональным вопросам, сократилось до примерно 50 минут в неделю. Эфирное время на телевидении составляет около 30-40 минут в месяц. В основном это теленовости и несколько тематических программ (Письменные языки 2003: 215-216). В 2009 году ГТРК «Карелия» транслировала на карельском, вепсском и финском языках — 89,2 часов информационных программ и 46,5 часов тематических программы на «Российском телевидении», а также 66 часов информационных программ и 136,9 часа тематических программ на «Радио России» (3-й Государственный доклад РКНМ 2010: приложение 5).

На карельском языке выходят три газеты, а два журнала регулярно публикуют материалы по-карельски. Эти периодические издания были основаны и публикуются Карельской Республикой. Еженедельная газета называется «Oma mua» (выходит на собственно-карельском и на олонецком карельском, имеет средний тираж 900 экземпляров), ежемесячная газета «Vienan Karjala» (выходит на собственно-карельском со средним тиражом 500 экземпляров). Газета «Lyydilaine» на людиковском варианте была запущена в июне 2008 года. Журнал «Carelia» с средним тиражом 860 экземпляров и детский журнал «Kipinä» со средним тиражом 990 экземпляров выходят, в основном, по-фински, но включают в себя также материалы на карельском и вепсском (Письменные Языки 2003: 212-214; Ряменен 2007). Кроме того, имеются страницы на карельском языке в нескольких муниципальных газетах (в Олонецком, Калевальском, Пряжинском, Лоухском районах) (Бойнич и Богданова 2008: 32). Что касается других территорий, помимо Республики Карелия, следует упомянуть ежемесячную газету «Karielan Šana» (тираж 500 экземпляров) и ежемесячный журнал "Karielan koivune», которые выходят в Тверской области (Gromova, 2003).

Пользователи Интернета имеют возможность делиться своими мнениями о языке, культуре и этнографии Карелии в Интернет форумах. Интернет-сайт «Этно-мир Карелии» был создан в рамках программы по гармонизации национальных отношений (2007), как место, где публикуется информация об этносах Карелии, в

том числе о карелах. На веб-сайте министерства национальной политики предоставляется информация о событиях национальной жизни в Республике Карелия. Совсем недавно Национальная библиотека Республики Карелия запустила сайт о коренных народах Карелии. Молодежная организация «Nuori Karjala» также имеет свой сайт и эккаунты для разговоров в социальных сетях. Организация «Uhut Seura» также имеет свой собственный сайт.

Что касается культурных мероприятий, стоит упомянуть спектакли на карельском языке, которые время от времени идут на сцене Национального театра Республики Карелия. Любительский кукольный театр «Čičiliusku» был создан Союзом карельского народа в Республиканском центре национальных культур в 2005 году. Он подготовил спектакли на собственно-карельском и олонецком карельском и гастролирует в районах Карелии. Карельский любительский театр Tilkkuzet был создан в деревне Vitele (Видлица) Олонецкого района; в апреле 2010 года в Петрозаводске состоялась его премьера. Молодежная организация Nuori Karjala выпустила телеварианты пьес *Varis* и *Kuin hukka vazikkale muamona oli*? Народный театр Калевала ставит театральные постановки на собственно-карельском в муниципалитете Калевала.

Карельский язык очень редко используется в кинематографе. Впервые цифровые технологии были использованы для популяризации карельского языка в селе Йессойла (Дессойлю, Эссойла) во время создания первого карельского мультфильма.

В 1930-х годах в Карелии было опубликовано более 300 книг. Более 100 из них были произведениями художественной литературы, были десятки учебников с приложениями, книги для высшего образования и словари. В настоящее время ежегодно публикуется лишь несколько книг на карельском языке (см. таблицу 9). В основном это учебники и приложения, но публикуется также художественная литература, поэзия, словари и религиозные тексты. В период между 1990-2000 гг. появилось 25 книг на олонецком карельском и 9 книг на собственно-карельском (Письменные языки 2003: 211-212). Дважды был издан Календарь на карельском языке (2008, 2009).

Число книг и брошюр					Тираж				
1990	1995	2002	2005	2006	1990	1995	2002	2005	2006
3	2	5	2	9	11,000	8000	11,000	1,000	11,000

Таблица 9: Публикации на карельском языке в Республике Карелия между 1990-2006 гг.

[Данные Российской книжной ярмарки цит. в: Финно-угорский Мир 2008: 42; Финно-угорские народы 2005: 54]

Дошкольное воспитание. На заре Советской власти карельский язык не был инструментом обучения в дошкольных учреждениях в отличие от других Республик с номинальным финно-угорским языком меньшинства (Финно-угорские народы 2008: 147). В результате возрождения языка в 2008 году в Республике насчитывалось 35 детских дошкольных учреждений, где карельский преподавался как второй язык. К сожалению, было очень мало доступных учебных материалов. Педагоги при обучении дошкольников карельскому языку используют материалы журнала «Kipinä». Педагоги для дошкольных учреждений обучаются на Карельском отделении педагогического профессионального училища № 2 г. Петрозаводска (Письменные языки 2003: 214-215).

Лишь в нескольких дошкольных учреждениях карельский язык является средством воспитания. Два детских сада начали работать в Калевале в 1999 и 2002 годах (Encyclopedia 2007: 253). Однако вскоре они были преобразованы в обычные группы детского сада с русским языком. Хотя детский сад «Lintuset» действительно много лет проработал в Калевале, слишком большая величина групп помешала успешному использованию методики «языкового гнезда», которая состоит в том, чтобы карельский последовательно применяется как единственное средство общения с самого раннего возраста. Два таких «языковых гнезда» были открыты в Петрозаводске в сентябре 2009 года: один для карельского и один для обучения финскому языку (Жаринова 2008: 139-142).

Для успешной реализации программы возрождения языка воспитание и общение с детьми по типу «языкового гнезда» должно быть организовано исключительно на языке меньшинства. Эта методика уже позволила оживить язык саамов Инари в Финляндии и язык маори в Новой Зеландии, при этом Новая Зеландия была первой страной, применившей эту методику. «Языковые гнезда» получили методическую и финансовую поддержку Финляндии, поскольку есть стремление повторить положительный опыт активизации языка саамов Инари (см. Pasanen 2003, 2005, 2006, 2008). Однако центральные федеральные органы исполнительной власти отказываются реализовывать методику «языкового

гнезда» и вообще использовать концепцию «языковых гнезд» в России, которую они назвали инструментом «сегрегации детей по этническому признаку» (3-й Государственный доклад РКНМ 2010 года: 103 -104). Тем не менее, важность «языковых гнезд» широко признается местными органами власти, а проблема внедрения новых методик в настоящее время активно обсуждается (см., например, Filippova 2012).

Отсутствие систематического преподавания родного языка в дошкольных учреждениях влияет на перспективы последующего образования и введения карельского языка как инструмента обучения в школе (чего в настоящее время не происходит).

Школа. В конце 19-го века существовало несколько школ, где преподавали карельский язык. Однако в начале 20-го века карельский язык был запрещен и в качестве языка обучения использовался только русский (Илюха 2001, 2001 Витухновская, 2006; Пулькин 2001). Карельский по-прежнему использовался в качестве языка обучения в некоторых школах в 1930 году, но это разрешалось лишь в исключительных случаях, если властям была необходима общественная поддержка, и вскоре карельский был снова заброшен.

В 1992 году преподавание карельского, вепсского и финского языков возобновилось в рамках так называемого национально-регионального компонента государственных образовательных стандартов. Преподавателям этих языков была положена 50% надбавка к заработной плате. Одним из основных принципов финно-угорской школы стал принцип «взаимного двуязычия (многоязычия), то есть ориентация финно-угорской школы на достижение равного владения карельским (вепсским / финским) и русским языком» (1997). До сих пор в Республике нет школ, где карельский язык использовался бы в качестве средства обучения, однако есть как сельские, так и городские школы, где карельский преподается как обязательный или факультативный предмет (Клементьев 2004b; 2006a; Кармазин 2007).

Как можно заметить, сравнивая таблицы 10 и 11, карельский язык преподают, в основном, в национальных школах Республики Карелия. В Тверской области карельский язык преподается в качестве факультативного предмета, и в 2002 году он преподавался в 16 школах (Turicheva 2003).

Кол-во учреждений, где родной (не русский) является учебным предметом: карельский		Студенты, изучающие карельский как предмет			
		Классы 1-4	Классы 5-9	Классы 10-11(12)	Всего
Российская Федерация	40	1186	615	32	1833
Республика Карелия, городские школы	2	38	37	0	75
Республика Карелия, сельские школы	28	617	402	22	1041

Таблица 10: Национальные школы и преподавание карельского языка в Российской Федерации в период 2003-2004 гг.

[2-й Государственный доклад РКНМ 2005: Приложения 5, 6]

Доля национальных школ в общем количестве школ в Республике остается стабильной, как показано в Таблице 11.

	2003/04	2004/05	2005/05	2006/07	2007/08	2008/09
Школ всего	295	279	264	254	247	242
Школы с карельским яз.	49	53	50	47	40	37
Учащиеся	1824	2237	1751	1737	1559	1581
Школы с вепсским яз.	4	5		5	4	
Учащиеся	286	331		326	233	
Школы с финским яз.	64	66		60	53	
Учащиеся	7177	7315		6129	5892	

Таблица 11: Национальные школы с преподаванием карельского, вепсского и финского языков, Республика Карелия, в период 2003-2009 гг.

[Данные Министерства образования]

В период с 1989 по 2002 год доля детей - этнических карел, обучающихся родному языку, увеличилась с 3,4% до 17,6% (Финно-угорские народы 2008: 150). Число студентов, изучающих карельский язык, было самым большим в 2001/2002 учебном году (см. таблицу 12).

Однако после положительных изменений 1990-х годов последние отчеты показали, что, начиная с 2002 года, число учащихся, изучающих карельский язык, уменьшилось. Постоянное снижение числа учащихся можно объяснить

демографическим провалом в России, но в большей степени это следствие языковой политики в образовании. Однако даже школьники - этнические карелы часто предпочитают изучать финский язык, а не карельский (табл. 11), потому что он имеет более высокий социальный статус и позволяет продолжить образование в Финляндии (Бирин 1999). В 1990 году число изучающих финский было в 2,6 раза больше, чем число учащихся - этнических финнов, а в 2002 году оно выросло до 4,1 раза (Финно-угорские народы 2008: 150).

Учебный год	Количество школ	Количество учащихя
2000-2001	52	2149
2001-2002	58	2884
2002-2003	52	1816
2003-2004	49	1824
2004-2005	53	2237
2005-2006	50	1751
2006-2007	47	1737
2007-2008	40	1559
2008-2009	37	1581
2009-2010	33	1657

Таблица 12: Обучение карельскому языку в 2000-2010 гг. в Республике Карелия
[на основе данных Министерства национальной политики]

Одним из последних позитивных изменений является тот факт, что преподавание карельского языка с 1-го до 11-ый класс было начато в 2009-2010 учебном году в некоторых школах Олонецкого района. Впервые карельский стал обязательным, а не факультативным предметом. На основе сотрудничества администрации, библиотеки и Центра карельского языка в селе Эссойла дети изучают язык в школе и продолжают обучение вместе с родителями на языковых курсах.

Однако таблицы 11 и 12 однозначно показывают, что количество национальных школ продолжает уменьшаться, хотя количество учащихся, изучающих карельский язык, уменьшается медленнее и остается относительно стабильным. Несмотря на формальную последовательность языковой политики в области образования, в 2005/2006 учебном году лишь 26,7% карельских школьников имели возможность учить карельский язык в Республике Карелия по данным переписи 2002 года. Этот показатель колеблется от 12,6% в Кондопожском районе до 64% в Медвежьегорском районе (Клементьев 2006а, на основе: Национальный состав в Карелии 2005: 3-4, 30, 33-34).

Официальный план действий / Список (2009) ставит своей целью сохранение нынешнего количества школ с преподаванием языка и количества учащихся, изучающих язык. Однако было признано, что с учетом нынешнего объема преподавания языка принцип «взаимного двуязычия» является слишком амбициозной и нереальной целью. Формально учебная нагрузка составляет три часа в неделю, но на практике это только один или два часа. Мониторинг, проведенный Е. Клементьевым в 2005 году среди преподавателей-носителей языка, показал, что менее 5% студентов могли свободно говорить по-карельски. Кроме уроков родного языка, почти никто не говорил на нем в школе, дома или в каком-либо другом месте. Менее 15% учителей считали потенциал школы в деле сохранения языка значительным. Остальные утверждали, что в течение последних 15 лет никаких серьезных изменений в школах не было (более 40% респондентов), что потенциал школы ограничен (более 35%), что потенциал школы понизился (около 9%). 63% учителей считают, что без увеличения часов занятий родным языком возможности школы в деле сохранения языка будут в будущем ограничены и не помешают языковой ассимиляции (Клементьев 2006a; Клементьев / Варламова, 2007).

Высшее образование и научные исследования. Высшее образование и научные исследования ведутся, в основном, на русском языке. В то же время учителя карельского языка для начальной школы обучаются на факультете дошкольной и социальной педагогики Карельского государственного педагогического университета. Учителя карельского языка для средней школы обучаются на факультете прибалтийско-финской филологии и культуры Петрозаводского государственного университета. Более конкретно этот предмет называется «карельский и финский языки и литература» (2-й Государственный доклад РКНМ 2005: 27). Актеры Национального театра и других театров получают образование в Петрозаводской государственной консерватории им. Глазунова. Вступительные экзамены там проводится в сотрудничестве с Национальным театром (Богданов, 2007: 16). Учителя для начальной школы обучаются также в Лихославльском педагогическом техникуме, на филологическом факультете Тверского государственного университета (Turicheva 2003).

Кандидатские диссертации защищаются на заседании Совета по защите кандидатских диссертаций КМ 212.190.05 при Петрозаводском государственном университете. Исследования по различным аспектам карельского языка проводится в Институте языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской Академии наук, где были изданы нескольких словарей, например, Словарь (1990, 1994, 2000, 2007, 2009).

Язык органов власти. Карельский язык был языком администрации в течение короткого периода в 1930-х годах. В настоящее время он не является рабочим языком федеральных и Республиканских органов власти, таких, как Законодательное Собрание и Правительство Республики Карелия, в частности, потому, что карельский язык не является государственным языком Республики. Использование карельского в муниципальных органах власти очень ограничено. В некоторых районах компактного проживания установлены дорожные знаки на карельском и вепсском языках. Эта ситуация отражает тот факт, что многие этнические карелы говорят по-русски лучше, чем на карельском языке, который функционально недостаточно развит для того, чтобы его можно было использовать в официальных сферах (Письменные языки 2003: 216-217). Введение карельского языка в область государственного и муниципального управления стало одной из долгосрочных задач в Плане действий / Лист (2009).

Суд и другие общественные учреждения. Карельский язык очень редко используется в общественных учреждениях, как в селах, так в поселках и городах. Карельский иногда используется в ходе традиционных видов деятельности и бытового обслуживания в сельской местности (Письменные языки 2003: 217). В остальных случаях он не используется — ни в промышленности, ни в средствах связи, ни на транспорте, ни в сфере энергетики, ни в сельском хозяйстве. Кроме того, карельский не стал языком общественных мероприятий, коммерческой деятельности, аудио-визуальной информации и рекламы.

Язык и трудовая деятельность. Коммуникация на карельском языке происходит, в основном, в моноэтничной среде в сельской местности, где карелы составляют подавляющее большинство. Так, в 1993-1994 году был проведен опрос, в котором приняли участие 200 карел, как сельских, так и городских, представлявших разные возрастные когорты. Результаты ясно показали, что карельский язык редко используется на рабочем месте. Тем не менее, 30% информантов в возрасте 30-50 лет использовали карельский язык в моноэтнической среде и на работе, а информанты в возрасте 50-60 лет использовали карельский в моноэтнических условиях на работе в 60% случаев (Ковалева 2006).

Язык религии. Уже в начале 20-го века православная церковь использовала русский язык как язык церковной службы (см. п. 2.2.3) (Витухновская 2001: 14, 2006). На сегодняшний день в некоторых приходах служба иногда проводится на карельском языке. В Крошнозеро, например, в августе 2009 года священник из Финляндии провел праздничную службу на карельском языке. В деревне Кинерма во время службы в 2008 году Евангелие читалось по-карельски. Священник Павел

Пуговкин, настоятель церкви св. Георгия в селе Видлица Олонецкого района ведет службу на карельском языке. Архиепископ Мануил высказывается в пользу карельского языка, который может использоваться в проповедях и на исповеди. Краткие фрагменты православного богослужения читаются и поются на карельском языке во время большой праздничной службы в соборе Петрозаводска.

В 1995 году на олонецкий карельский была переведена «Библия для детей». В 2003 году на олонецкий карельский перевели Новый Завет (Uuzi Sana), в 2006 г. были опубликованы псалмы. Перевод Нового Завета на собственно-карельский был опубликован в 2011 году.

Внутри групповая коммуникация. Социологическое исследование, проведенное в конце 1990-х — начале 2000-х, основывалось на выборке из 200 информантов-карел различных возрастных и социальных групп, как сельских, так и городских. В докладе показано, что 90% респондентов в возрасте от 50 и более лет в общении с родственниками использовали как русский, так и карельский языки. 20% молодых людей в возрасте 17-30 лет ответили, что они используют карельский язык иногда, в то время как 30% людей среднего возраста в возрасте 30-50 лет сообщили, что при общении с родственниками они используют карельский язык. Цифры показывают постоянное снижение пользования карельским языком в младших поколениях. Однако внутрисемейное языковое поведение по-прежнему отличается от поведения при общении с друзьями и знакомыми. Здесь молодые люди используют исключительно русский. Только 30% пожилых людей используют карельский при общении с друзьями и знакомыми (Ковалева 2006).

Коммуникация между этническими группами. Коммуникация между этническими группами происходит, в основном, на русском языке. Тем не менее, особенностью карельского языка является то, что иногда люди, принадлежащие к другим этническим группам, в особенности, белорусы, владеют карельским языком. (Ковалева 2006).

2.4.4 Языковое поведение, связанное с идентичностью

Некоторые поп-группы используют карельский язык в своих выступлениях. Так, поп-группа *Anna Tulla*, этно-рок-группа *Santtu Karhu & Talvisovat*, молодежная группа *Rock&Roses* из Кондопоги выступают на карельском языке.

Газета «Nuori Karjala» назвала первый CD-альбом поп-группы *Anna tulla — Onnen tähti* («Звезда счастья»). Новый альбом этно-рок-группы ***Santtu Karhu & Talvisovat***

назван ***E.L.O.S.***[2] В 2009 году были выпущены CD с песнями карельского народного хора *Oma pajo* и CD «Сказки» на собственно-карельском. Песни на карельском языке появляются на YouTube.

В последнее время появились новые интернет-форумы, посвященные изучению карельского языка, например, такие как «Мы карелы, и мы гордимся этим!», «*Onko karjala siun oma kieli?* / Карельский — это твой язык?» и другие группы социальной сети vkontakte.ru. Кроме того, есть форум карельского народа на интернет-сайте молодежной организации «Nuori Karjala».[3]

В некоторых случаях местные политики и чиновники, говорящие по-карельски, обращаются к карельской общественности на карельском языке на съездах карел и на научных конференциях. Е. Богданова, министр культуры, например, часто участвует в Республиканских конференциях с пленарными докладами и произносит приветствия по-карельски (см., Богданова 2007: 17-18).

В академической среде карельский используется, в основном, при подготовке книг и статей, посвященных карельскому языку (Зайков 1999, 2000; Федотова1985, 1990, 2000). Соответственно, доклады на конференциях и других научных мероприятиях, посвященных вопросам карельской филологии, делаются на карельском языке. Однако доклады на карельском — это, скорее, исключения из правила, так как доклады делаются преимущественно на русском языке.

Высшие учебные заведения обеспечены материалами на карельском языке, на нем читаются лекции в Петрозаводском государственном университете для студентов специальности «карельский и финский языки и литература».

2.4.5 Гендерные аспекты повседневных языковых стратегий

Поразительная гендерная диспропорция среди карел в России отражена в данных переписи 2010 года; они показывают, что женщин гораздо больше, чем мужчин (см. рис 1 в п. 2.3.2). Данные о состоянии в браке карел по возрастным группам в городских и сельских районах по сравнению с данными переписи и с другими финно-угорскими народами доступны в Финно-угорские народы (2005: 37-44; 2006: 42-59). Тем не менее, нет более современных данных ни о смешанных браках, ни

[2] http://mariuver.files.wordpress.com/2009/05/santtu_karhu.jpg (retrieved in 30.8.2010)

[3] http://nuorikarjala.onego.ru/forum/viewtopic.php?id=14 (retrieved in 30.8.2010)

об использовании языков в смешанных браках, а также по гендерным стереотипам мобильности и гендерным структурам в представлениях меньшинства.

Данные о смешанных браках, по материалам переписи 1989 года, говорят о том, что каждый второй брак в сельской местности и три из четырех браков в городах были смешанными (Бирин 1992; Прибалтийско-Финские Народы 2003: 212-219, 262-263; Lallukka 1990: 219).

2.5 Языковые контакты и сохранение языка

Общие сведения о языке. Карельский язык относится к прибалтийско-финской ветви финно-угорской семьи, иначе называемой уральской языковой семьей. Прибалтийско-финские и саамские языки составляют северо-западную ветвь финно-угорской языковой семьи и состоят из следующих традиционно выделяемых близкородственных языков: ливский, южно-эстонский (вырусский язык), северо-эстонский, вотский, ингерманландкий, вепсский, людиковский, карельский и финский (Grünthal 2007a; Laakso 2001, 1998; Viitso, 2000). В современных социолингвистических исследованиях иногда выделяется также Меянкиели (торнедальский финский) и квенский в качестве независимых вариантов, поскольку они распространены за пределами Финляндии. Среди прибалтийско-финских языков наиболее жизнеспособными являются финский и эстонский. Карельский исторически тесно связан с ингерманландским, вепсским и восточными диалектами финского, в то время как людиковский раньше часто классифицировался как диалект карельского (KKS; Sarhimaa 1999: 13; Virtaranta 1972).

Исследователи в России традиционно различают три основные ветви карельского языка, а именно: собственно-карельский, олонецкий карельский и людиковский, в то время как в Финляндии карельский подразделяется на собственно-карельский, северо-карельский (Viena / Белое море), южно-карельский и диалекты внутренней России (Анттикоски = Anttikoski 1998b, 2009, Virtaranta 1972), в то время как людиковский чаще рассматривается как самостоятельный язык, промежуточный между карельским и вепсским. Карелы (*karjalaizet*), проживающие в центральной и северной Карелии, а также за пределами Республики, в том числе волдайские (Новгородская обл.), тверские и тихвинские карелы, говорят на собственно-карельском. Олонецкие карелы (*livviköit, livgiläzet*) говорят на олонецком карельском и занимают большую часть Олонецкого перешейка на восточном и северо-восточном берегах Ладожского озера.

Предполагается, что исторически олонецкий карельский и людиковский постепенно возникли в начале 2-го тысячелетия нашей эры в результате языковых контактов между предками вепсов и карел на Олонецком перешейке, поскольку олонецкий карельский, вепсский и людиковский разделяют определенных черты, такие как градуальное понижение согласных и грамматикализация вторичных аблативов, что не засвидетельствовано в других прибалтийско-финских языках. Итконен (Itkonen 1971), например, предполагает, что некоторые важные фонологические особенности, а также сходства и различия в градации согласных олонецкого карельского, вепсского и людиковского должны считаться результатом языковых контактов.

Кроме того, следует отметить, что в финской диалектологии самые восточные варианты диалекта Саво классифицируются как северо-карельские диалекты финского языка (Grünthal 2007a, 2007b). Однако, несмотря на терминологические несоответствия, эти варианты нельзя смешивать с карельским языком, объектом текущего отчета. Именно южно-карельские диалекты финского языка и диалекты Карельском перешейка исторически были распространены в области, присоединенной к Советскому Союзу после Второй мировой войны.

Карельский язык (*karjala, karjalan kieli*) подразделяется на две или три основные ветви, которые могут быть разделены на отдельные диалекты / варианты (см. рисунок 5):

(1) Собственно-карельский, который включает
   i. (1a) северо-карельский;
   ii. (1b) южно-карельский;
   iii. (1b) тверской карельский (основной вариант нескольких анклавов карельского языка)
(2) олонецкий карельский (*ливвиковский*)

В современных исследованиях людиковский (см., (3) на рисунке 5), таксономически неоднозначный диалект между карельским и вепсским (Kettunen 1960: 1-26, Laanest 1982: 43-45, Leskinen 1998, Virtaranta 1972), часто считается самостоятельным языком.

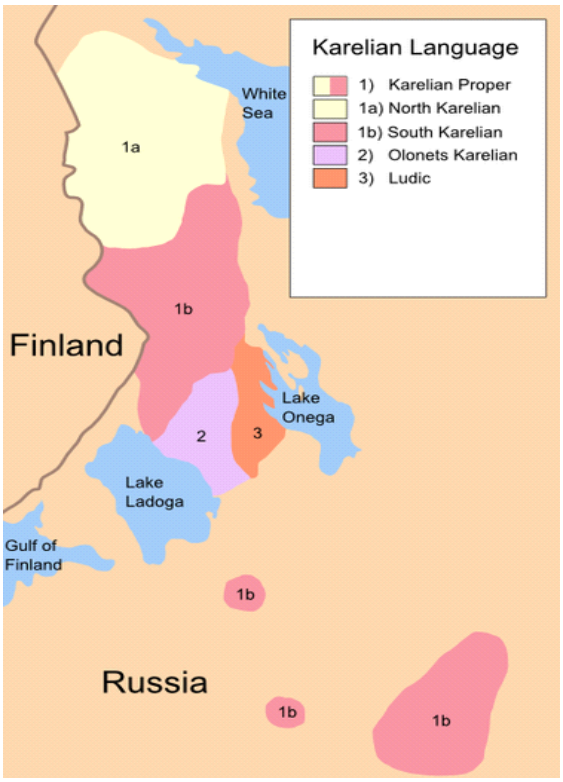

Рис. 5: Карта-схема диалектов карельского языка (ов)
[http://en.wikipedia.org/wiki/File:Karelia_today.png]

Что касается положения людиковского, то, с одной стороны, он разделяет многие характеристики с олонецким карельским, а, с другой стороны, с вепсским. По причине близости к русским городам олонецкий карельский и людиковский оказались под влиянием русского в большей мере, чем другие карельские диалекты. Языковой сдвиг в сторону русского языка был наиболее интенсивным среди людиков. Северные карелы и их язык имеет много общих черт с восточными диалектами финского языка (Зайков в 2000: 3-30, 2008: 9-23; Бубрих 1948: 42-50).

При всех различиях между карельскими диалектами они остаются в целом взаимно понятными, поскольку их лексика и грамматическая система в значительной степени являются общими. Собственно-карельский и олонецкий карельский отличаются друг от друга, в основном, некоторыми особенностями морфологии и фонетики. Дальнейшее обсуждение различий карельских диалектов см. в Leskinen (1998) и Virtaranta (1972).

Русский язык является языком межнационального общения в России и функционально доминирующим языком в Карелии. Это огромное преимущество по сравнению с карельским. Русский был письменным, многофункциональным литературным языком в течение длительного времени. По оценкам, на русском

языке как на родном говорят 145-160 миллионов человек, а общее число носителей языка составляет 255-285 млн. человек, в основном, в России, но и в соседних государствах бывшего СССР. Русский язык является государственным языком России, вторым официальным языком в Республике Беларусь, Казахстане и Кыргызстане. Это один из шести официальных языков Организации Объединенных Наций.

По происхождению русский язык принадлежит к группе восточнославянских языков славянской ветви индоевропейской языковой семьи. Типологически это фузионный / флективный язык. Грамматика и базовая лексика совершенно отличны от грамматики и лексики карельского, типичного финно-угорского языка. Исторически сложилось так, что северо-западные диалекты русского предположительно развивались под некоторым влиянием прибалтийско-финских языков, в том числе карельского. В прошлом в северо-западных диалектах русского языка имелось значительное количество слов финно-угорского происхождения (Михайлова, 2004).

В отличие от русского, карельский лишь недавно приобрел письменный стандарт. Современная карельская письменная традиция существует только двадцать лет. Были попытки создать литературный язык в течение очень короткого периода в конце 1930-х годов, но они были прерваны на более чем пятьдесят лет, и литературный язык был возрожден лишь в 1989 году. Типологически карельский представляет собой агглютинативный язык, обладающий богатой суффиксальной морфологией и разделяющий базовую грамматику и лексику с другими прибалтийско-финскими языками. Как и в других финно-угорских языках в карельском в отсутствует грамматический род. В Атласе исчезающих языков ЮНЕСКО собственно-карельский и олонецкий карельский классифицированы как определенно исчезающие языки, в то время как людиковский помечен как язык, находящийся в смертельной опасности (Encyclopedia 2007: 253, 257, 263). Эти языки характеризуются постоянным снижением числа детей, говорящих на данном языке. Кроме того, абсолютное число носителей насчитывает менее одного миллиона человек.

Функциональное пространство карельского языка значительно у́же, чем пространство русского. Особой областью использования карельского языка является бытовая сфера повседневной коммуникации, которая была основным источником естественного существования карельского в течение многих десятилетий. Вследствие этого карельская лексика и терминология ограничиваются, главным образом, контекстом дома. Тем не менее, некоторые

тематические группы терминов существовали в течение долгого времени. Карельский язык обладает богатым словарем в следующих тематических группах: флора, фауна, ремесла, обряды, традиции, системы терминов родства, анатомические термины (KKS; Ковалева 2006: 13-14).

Со времени второго рождения карельского литературного языка в конце 1980-х были разработаны два различных стандарта, а именно для олонецкого карельского и для собственно-карельского. Совсем недавно отдельный стандарт был создан и для людиковского, который структурно представляет собой промежуточный вариант между карельским и вепсским языками. В принципе, основной стратегией было создание нового лексикона и расширение сфер использования языка, для этого активно создавались новые лексемы с использованием внутренних языковых ресурсов, таких как словообразование и лексические кальки (Пунжина 1991; Ковалева 2006: 14-17). В ходе этой работы принимался во внимание материал финского языка, в новый лексикон вошли также заимствования из финского и русского языков (Маркианова 2003), хотя прямые заимствования новой лексики из других языков не приветствовались.

Комиссия по терминологии и орфографии Республики Карелия первоначально была основным органом, ответственным за языковое планирование («языковая коллегия»), пока ее не расформировали в 2011 году. Новая лексика публиковалась в специальных бюллетенях, которые активно распространялись в школах, высших учебных заведениях, в средствах массовой информации и других организациях (Общественно-политическая лексика (ливвиковское наречие) (2003, 2004); Общественно-политическая лексика (собственно-карельское наречие) (2003, 2005); Лингвистическая терминология (2000)). Считается, что так было создано восемь тысяч слов, принадлежавших к социально-политической лексике, более полутора тысяч слов, обозначающих природные объекты, в первую очередь названия видов, а также более семисот лингвистических терминов. В целом, к 2005 году было введено в обиход около двенадцати тысяч новых слов (Ведомственная программа 2005).

2.5.1 Моноязычие, двуязычие и многоязычие

Ускоряющийся языковой сдвиг у карел оказывал влияние на карельское языковое сообщество в течение нескольких десятилетий, и число говорящих снижалось параллельно с увеличением двуязычия (Sarhimaa 1999). В Советском Союзе двуязычие было основным путем, ведущим к языковому сдвигу (Grenoble 2003; Lallukka 1990). Сокращение численности населения в Карелии шло параллельно с

языковой ассимиляцией (Lallukka 1996; см. раздел 2.3). В настоящее время среди карел существуют лишь единицы монолингвов, все они принадлежат к самому старшему поколению и живут в сельской местности. По оценке, проведенной на основании последних переписей, проводившихся в 1989, 2002 и 2010 годах, значительно менее половины карел являются носителями карело-русского двуязычия. Остальная часть карел, как правило, являются монолингвами, как и подавляющее большинство русских.

Исследования показывают, что доминирующим типом двуязычия среди молодой части карельского населения является пассивное двуязычие (Клементьев 2003a). Карельские дети понимают речь, но даже если родители обращаются к ним по-карельски, отвечают по-русски и общаются с родителями на русском языке. Дети, как правило, социализируются на русском языке и, как следствие, говорят на русском как на родном. Русский язык является языком общения для детей в детском саду и школе. Даже те дети, которые изучают карельский язык, говорят по-русски во время перерывов и свободное время.

За последние несколько лет некоторые молодые карельские родители в возрасте 20-30 лет, которые изучали карельский язык в образовательных учреждениях, пытались наладить общение и функциональное использование карельского языка с детьми. Родители отмечали, что дети естественно общались с родителями на карельском, в том числе в общественных местах и в русскоязычной городской среде. При этом сами родители, принадлежащие к поколению, воспитанному в одноязычной культуре, испытывали гораздо больший психологический дискомфорт. Основной трудностью в такой ситуации является преодоление чувства отчуждения, которое испытывает говорящий по-карельски в привычной русскоязычной среде.

Особенностью карельского многоязычия является знание финского языка многими карелами в дополнение к карельскому и русскому языкам. Выпускники отделения карельского и вепсского языков факультета прибалтийско-финской филологии и культуры Петрозаводского государственного университета владеют карельским, русским и финским, то есть, двумя близкородственными прибалтийско-финскими языками, помимо русского.

Русский язык был доминирующим языком в большинстве функциональных областей и на всех уровнях социальной иерархии во второй половине 20-го века и продолжает оставаться доминирующим в начале 21-го века, несмотря на все пока еще неудачные попытки утвердить официальный статус и поднять социальный престиж карельского. Проекты законов, направленных на утверждение

карельского языка как государственного, рассматривались в Республиканском парламенте в 1998 и 2001 годах, но не были приняты (Карелы 2005: 123-128). Одним из аргументов против законопроекта было отсутствие единого письменного стандарта.

Социально-политические изменения в России за последние двадцать лет мало повлияли на дисбаланс между языками меньшинств и языком большинства в Республике Карелия. Русский язык продолжает считаться высоким кодом, в то время как карельский предоставляет собой обычный код.

Контакт между карельским и русским языками продолжается уже несколько столетий. Ранее важную роль в распространении русского языка играла православная церковь. Однако ситуация языкового контакта лишь незначительно подтачивала позиции карельского языка до 20-го века. Напротив, русский язык и, особенно, его северо-западные диалекты находились под влиянием карельского языка, поскольку их лексика содержит субстратные элементы карельского, вепсского, финского и саамского происхождения (Баранцев, 1967; Мамонтова 1994; Михайлова 2004; Saarikivi 2006; Sarhimaa 1999).

До конца 19-го века в ходе контактов, народы, населяющие Карелию, сосуществовали практически в равном положении, имели место разнонаправленные обширные заимствования между их языками. Подъем русского национализма в 1860-х ознаменовал начало нового периода интенсивных языковых контактов, при которых все участвующие языки сохраняются, но язык, доминирующий в культурном отношении, определяет развитие языков населения, в культурном отношении подчиненного. (Sarhimaa 1999: 311).

В конце 1910-х годов политическая ситуация в Карелии была очень нестабильной — в суматохе Первой мировой войны, когда Финляндия получила независимость (1917), а русской революция (1917-1918) привела к созданию Советского Союза. Перспективы будущего Карелии сначала были неясными, имели место военные выступления, поддержанные группами финских добровольцев (1918-1920). И хотя Карелия стала частью Советского Союза в соответствии с русско-финским Тартуским соглашением, которое утвердило границы между Советской Россией и Финляндией, уже в Советской Карелии в 1921-1922 гг. произошло восстание, и эта политическая напряженность в течение нескольких десятилетий бросала тень на Карелию (Niinistö 2005; Vahtola 1989, 1997).

Первые годы большевистского режима с введением политики *коренизации* в 1920-х гг. принесли благоприятные перспективы для миноритарных языков, таких как

карельский, (см. раздел 2.2, выше), хотя говорящие на языках меньшинств принуждались к тем же политическим и социальным реформам, как и все остальное население Советского Союза.

В итоге, условия были слишком нестабильными, и период, когда в 1930-х годах происходило систематическое языковое планирование, был слишком короток для того, чтобы проявились конструктивные изменения. Все начинания, направленные на укрепление языков меньшинств закончились, в период кульминации сталинских репрессий. После Второй мировой войны реформа образования, которая проходила с конца 1950-х по 1970-е гг., приток русскоязычного населения и другие факторы привели к стигматизации карельского языка и определили его подчиненный статус, а также привели к почти полному разрыву его естественной передачи молодым поколениям (Sarhimaa 1999: 43 -50). В течение следующего десятилетия была полностью заимствована из русского языка советская социальная, политическая, культурная и техническая терминология. С началом нового национального возрождения в начале 1990-х обращалось особое внимание на важность языкового планирования, но на практике возникли трудности, и обратить вспять смену языка не удалось.

Предполагается, что в начале 20-го века большинство карел были одноязычными носителями карельского языка. Следовательно, именно преобразования 20-го века вызвали массовый рост двуязычия среди носителей карельского языка, за которым последовал все ускоряющийся языковой сдвиг в сторону русского (Grünthal 2007a). В настоящее время практически все карелы владеют русским языком, за исключением очень небольшого числа людей старшего поколения. Это привело к появлению целого ряда разнообразных смешанных кодов, которые Сархимаа (Sarhimaa 1999) называет нео-карельский, русский карельский и каруссиан.

Карельский, по-прежнему, является доминирующим языком для некоторых карел старшего поколения, которых можно рассматривать как носителей сбалансированного билингвизма. Однако большинство пожилых карел не являются сбалансированными билингвами, поскольку их доминирующим языком остается русский, в то время как карельским они пользуются только в неформальной обстановке (Pyöli 1996).

В 2007 году Указом главы Республики был принят общий алфавит для обоих письменных вариантов карельского языка. Этот стандарт заменил разные алфавиты для олонецкого карельского и собственно-карельского. Тем не менее литературный язык не стал единым. Отсутствие общей устной формы языка

поддерживает нередкий взгляд на литературные варианты как на результат искусственного создания литературной нормы.

Было несколько попыток ввести карельский язык в новые сферы. В частности, в сферу официального употребления, так, например, переводы законопроектов на карельский язык публиковались в газете Oma mua. Постепенно карельский язык занял определенные позиции также и в академическом мире, поскольку студенты Петрозаводского государственного университета и Педагогической академии стали защищать дипломы и курсовые работы на карельском, а также развивать лингвистическую и другую научную терминологию. Были созданы дистанционные курсы карельского языка. Были предприняты некоторые попытки введения его на конференциях, семинарах и в Интернете. Книги на карельском языке публикуются как в традиционной, так и в электронной форме. Например, в 2009 году на карельском вышло 10 бумажных изданий и два компакт-диска. В некоторых традиционных карельских районах были установлены дорожные знаки и рекламные щиты на карельском языке. Кроме того, названия населенных пунктов, написанных в соответствии с официально принятой орфографией, безусловно, поддерживает принятие новой письменности. Наконец, возникающая карельская молодежная культура имеет большое влияние на язык (Ковалева / Родионова 2008: 26-29; 2009: 176-180).

Карельский не является языком обучения, и большинство населения не обязано его изучать (см. раздел 4.3.4). В школе его изучают, в основном, дети-карелы, но также и некоторые дети других национальностей. Карельский язык преподается в рамках этнокультурного компонента некоторых вариантов основного учебного плана. Однако лишь некоторые школы принимают этот вариант в качестве основы для школьного учебного плана.

Максимальное количество школ с карельским языком обучения было в следующие годы: в 1995-1996 учебном году (60 школ), в 1997-1998 учебном году (57 школ) и в 2001-2002 учебном году (58 школ). В 2009/2010 году язык преподавался в 33 школах. Тем не менее, число изучающих карельский язык несколько увеличилось по сравнению с 2007-2008 и 2008-2009 учебными годами (в настоящее время это 1657 учащихся) (по данным архива Министерства национальной политики).

По оценкам, только один из четырех детей-карел имеет возможность изучать язык, в то время как остальные не имеют доступа к «этнокультурному компоненту», как он обозначен в официальных учебных программах, поскольку он не введен в той школе, которая посещается по месту жительства. Несмотря на то, что двуязычие было заявлено как цель обучения, большинство школьников, изучающих

карельский язык, не получает соответствующей компетенцией в языке. Напротив, даже те, кто раньше говорил на языке, после детского сада и школы перестают говорить на нем.

Неудовлетворительная ситуация с овладением языком свидетельствует о необходимости уделять более пристальное внимание реальной языковой ситуации, разработке новых методов обучения, поскольку нынешняя практика не обеспечивают языковую компетенцию детей и межпоколенческую передачу языка. Как отмечалось выше, сейчас количество учебных часов не достаточно для поддержания языка. Недавние попытки ввести методику «языкового гнезда» для того, чтобы гарантировать передачу карельского языка из поколения в поколение, столкнулись в последнее время с некоторыми проблемами. Как следствие, эта методика реализуется лишь в очень ограниченной мере.

Как отмечалось выше, существуют значительные различия между разговорными вариантами и письменным стандартом. В частности, современный карельский характеризуется постоянным переключением кодов (Sarhimaa 1999), в то время как в письменном стандарте такое переключение полностью отсутствует, там применяются нормативные лексические и грамматические формы. Диглоссия у говорящих по-карельски состоит из разговорного, как правило, сельского варианта и литературного стандарта, которому часто обучаются в городских условиях. Те учащиеся, которые изучали карельский язык только в школе, используют многие особенности письменного языка в своей речи, см, в частности, (Ковалева 2006).

Те молодые люди, кто в высших учебных заведениях учился одному из двух карельских стандартов, олонецкому карельскому или собственно-карельскому, общаются с родственниками и носителями других вариантов, используя именно эту языковую форму. Вследствие этого эти две нормы иногда смешиваются друг с другом. Теоретически контакт между взаимно понятными разновидностями языка мог бы привести к возникновению разговорного наддиалектного койне. Однако это ситуация является исключительной и характерна только для некоторых семей (Ковалева 2006).

Пюёли (Pyöli 1996: 122-179) проанализировала использование карельского языка в шести основных сферах. Она показала, что даже в карельских семьях использование русского поразительно широко распространилось. В ее выборке родители практически перестали говорить с детьми по-карельски, и только некоторые бабушки и дедушки продолжают это делать. По Пюёли, языком обучения является только русский язык. Среда производства мало подходит для карельского языка, однако, по-прежнему, довольно многие из карел используют

свой язык на рабочем месте. Общение с друзьями и соседями является той сферой, где использование карельского является наиболее распространенным. Что же касается досуга, то карелы редко читают по-карельски и, кроме того, не могут писать на нем. Русский, безусловно, является единственным языком в официальных ситуациях. Частная сфера и, в меньшей степени, образование, средства массовой информации и культуры остаются основными сферами использования карельского языка (см. также раздел 4.3, ниже). При этом Sarhimaa (1999: 249), однако, утверждает, что выбор кода не прямо определяется сферой употребления. По ее данным, уровень русской интерференции в карельском определяется тем, какой язык оказывается доминирующим у говорящего. Представители старшего поколения обычно рассматривают карельский как доминирующий язык (в его контактных формах), в то время как молодые карелы считают своим доминирующим языком русский. Те из детей, кто изучает карельский в школе, овладевает его литературной нормой.

Преобладающим типом двуязычия в Республике Карелия является дистрибутивное доминирующее двуязычие. Русский язык является многофункциональным языком, в то время как функции карельского ограничены лишь некоторыми областями использования (Крысин 2000). Распределение языков обусловлено различной функциональной нагрузкой карельского и русского языков. Можно предположить, что основной тенденцией в сложившейся ситуации будет быстрый языковой сдвиг от карельского языка к русскому и установление русского моноязычия.

2.5.2 Результаты языкового контакта

Воздействие интенсивных контактов с русским языком проявляется в карельском языке в морфо-синтаксических изменениях падежного управления, в притяжательных конструкциях. Также увеличилось число отклонений от нормы и употреблений неправильных конструкций (Маркианова 2003; Ковалева 2009).

Ярким показателем языковых контактов является переключение кодов. В данном случае в поток речи, в целом основанной на карельском языке, включаются отдельные русские слова и даже целые фразы и предложения. В отличие от устоявшихся заимствований эти вставки не адаптированы к правилам карельской грамматики и словоизменения. Особенно часто к стратегии переключения кодов прибегают молодые говорящие (Ковалева 2009; Маркианова 2003; Ojanen 1988; Pyöli 1996).

Длительное дву- и многоязычие карел породило ряд новых, смешанных кодов. Эти коды отличаются друг от друга тем, как они сочетают русские и карельские грамматические элементы. Современные карелы используют новые коды во многом так же, как монолингвы используют регистры родного языка. Для более детального обсуждения типов смешанных кодов и многоязычный стратегии, ср. Sarhimaa (1999).

Необходимость адаптации новых заимствований обусловлена отчасти тем, что в терминологии некоторых специфических областей имелись значительные лакуны (см. Pyöli 1996). Однако некоторые заимствования замещают уже имеющееся карельское слово, и, тем не менее, русские слова оказываются более предпочтительными. Широкое использование русских элементов в речи уже воспринимается как своего рода социальная норма.

Массовый языковой сдвиг у карел обусловлен социальным выбором в трех аспектах: прагматическое удобство, ожидания окружающих и самоидентификация. Кроме того, сопротивление общественности карельскому языку, его низкий престиж и осознанный выбор доминирующего языка ускорили языковой сдвиг. Говорить по-карельски до сих пор считается неприличным, благодаря чему русский рассматривается как более удобный выбор. (Encyclopedia 2007: 253).

В социолингвистических обследованиях самооценка членов языкового сообщества часто оказывается предвзятой, так, часто утверждается, что язык активно используются в семьях, где это не так. Это типичное отношение со стороны носителей языка меньшинств (Encyclopedia 2007: 253; Sarhimaa 1999: 83; Pyöli 1996). Тем не менее, есть люди, которые посвятили себя сохранению языка и стараются говорить по-карельски как можно больше. Есть, например, аспиранты, которые выучили карельский язык и стали говорить на нем со своими детьми, тем самым, возрождая двуязычие у самых молодых членов сообщества.

В 1960-е годы языковая политика в образовании немало повлияла на поворот от карело-русского двуязычия к русскому моноязычию. Карельский язык не изучался в школе на протяжении нескольких десятилетий. В результате для людей в возрасте до тридцати лет характерно лишь весьма слабое владение карельским языком, а люди в возрасте 30–70 лет, как правило, владеют им пассивно, и в большинстве контекстов предпочитают русский. Недавно было установлено, что только люди, в возрасте более семьдесят лет и старше по-прежнему используют карельской во всех его традиционных сферах (Encyclopedia 2007: 253).

По данным переписи 1989 года около 45% карел в возрасте 30-40 лет и 54% карел в возрасте 40-50 лет — поколение, которое было наиболее сильно затронуто школьной реформой 1960 года — знают карельский язык. В результате их дети не знают языка тоже. Большинство носителей карельского языка автоматически переходят на русский, обращаясь к молодым людям. Единственным исключением является ситуация обучения языку в образовательных учреждениях, которые стремятся применять методы двуязычного обучения (Ковалева 2006).

Языковой сдвиг обычно происходил в результате миграции карельского населения из деревни в город. Следствием урбанизации является пассивное знание карельского языка или полная утрата языковых навыков. Язык утратил свою социальную функцию, коммуникация на нем стала спорадической или полностью прекратилась. Только незначительная часть урбанизированных носителей использует родной язык на рабочем месте. В деревнях карельский язык сохранился лучше, чем в городах.

В ходе опроса «Современное состояние, развитие и использование карельского языка в Республике Карелия», проведенного в 2007 году Министерством национальной политики, было опрошено 2400 респондентов, в том числе руководители муниципальных органов власти, руководители и сотрудники образовательных, исследовательских и культурных учреждений, средств массовой информации, учителя и другие фигуры, ключевые для возрождения языка. Результаты показали, что семья теряет свою роль в межпоколенческой передаче языка. Единственными носителями языка остаются самые пожилые (Предварительные Итоги 2007).

До сих пор нет специальных исследований, направленных на изучение причин отсутствия передачи карельского языка молодому поколению. Как правило, молодые люди, имеющие карельские корни, как кажется, думают: «если я не знаю, карельского языка, то я не карел». Этот принцип определяет их этническую самоидентификацию. Утрата языка приводит к де-этнизации и потере этнической идентичности, то есть, к полной языковой и этнической ассимиляции (Клементьев 1971a; 1971b, 1974; 1976).

2.5.3 Представление о трудности языка и готовность использовать язык

На протяжении веков карельский и русский языки в какой-то мере влияли друг друга, но они не стали взаимно понятными из-за их различного происхождения.

По-видимому, карельский часто воспринимается русскими как язык, который трудно выучить.

Формально нынешняя официальная языковая идеология поддерживает языковой плюрализм. Согласно Конституции РФ и Конституции Республики Карелия, а также Закону об образовании, Закону о культуре России и Республики Карелия, Закону о поддержке языков в Карелии, признается право изучать карельский язык, в том числе использовать его в качестве средства обучения. (См. раздел 4.3.2.)

Однако эти законы часто реализуются на региональном и местном уровне далеко не в полной мере. Общее представление о языковой ситуации самим населением таково: владение только русским языком воспринимается как норма. Карельский язык изучается примерно каждым четвертым из детей, карел по происхождению, и лишь немногими детьми других национальностей. Преподавание карельского языка в образовательных учреждениях, шаги, направленные на создание городского пространства языка, открытие национальных центров в сельской местности, введение языка в современное информационное пространство — все это привело к увеличению числа говорящих и усилило до некоторой степени их готовность использовать язык.

Некоторые меры были приняты для повышения уровня общественного использования карельского языка. Основная проблема заключается не только в недостатках языковой политики, но в низком статусе языка меньшинства, который является следствием советской практики скорейшей ассимиляции (Клементьев 2001; 2003b; 2006; 2007a; 2007b; 2008b; 2008c).

3 Сбор данных и методы

Исследовательский проект ELDIA является проектом Европейского Союза, поэтому все личные данные находятся под защитой. Данные в вопросниках были анонимными, списки имен и адресов были уничтожены. Имена и адреса ни при каких условиях не передавались лицам, не участвующим в проекте. При публикации части интервью имена и другие личные данные будут удалены. Записи интервью могут быть использованы только в целях исследования. Сами ученые, пользующиеся этими данными, должны соблюдать принципы защиты информации.

3.1 Введение в Полевые работы

Полевое исследование олонецкого варианта карельского языка проходило в январе-феврале 2011 в весьма тяжелых погодных условиях, поскольку пришлось на самый холодный зимний период.

Сбор информации происходил после интервьюирования групп, которое состоялось в марте 2011 года.

По сравнению с другими странами, наибольшим отличием в рамках проекта ELDIA стали результаты исследования в России на основании индивидуальных интервью. Писать случайно выбранным людям по почте или проводить исследования вебсайтов было невозможно, так как численность населения весьма невелика, электронных каталогов, официальных регистров или баз данных информантов не существует. Для заполнения вопросников использовались два метода. В первом случае приглашали группу людей в определенное место, например, в библиотеку. Во втором случае для сбора нужного количества ответов полевые работники встречались лично с людьмиу них дома. Некоторые городские жители были опрошены по телефону. По сравнению с исследованием большинства других малочисленных народов, самым явным недостатком индивидуального интервьюирования стало то, что сбор информации не был основан на методике случайного выбора. В принципе, отбор представителей малочисленных народов был основан на простом вопросе: «Вы вепс?/Вы карел?». Такое определение принадлежности к народу долгое время служило основанием для переписей населения, проводимых в России и Советском Союзе с 1897 года.

Основным координатором выборочного обследования была Наталия Антонова под руководством Нины Зайцевой.

Мы хотели бы выразить благодарность директору Института языка, литературы и истории Ирме Муллонен за то, что в ходе работы по проекту можно было использовать помещения Карельского Научного Центра.

Собственно полевое исследование проводилось людьми с родным карельским языком или свободно владеющими им как вторым; большинство из них имеют опыт полевой и исследовательской работы (Наталия Антонова, Татьяна Бойко, Светлана Ковалева и Александра Родионова). Это позволило использовать олонецкий карельский в ходе выборочного обследования, что оказалось эффективным способом распространения информации о проекте, а также способствовало привлечению интереса публики к проблемам языка меньшинств.

Для интервьюирования респондентов, представляющих малочисленные народы, было принято решение использовать национальный язык в самом вопроснике. В работе для уточнения понятий и терминологии часто использовался русский язык. К счастью, все полевые работники прекрасно владеют и русским языком.

Для проведения интервью с представителями малочисленных народов и встреч контрольных групп использовался образец интервью ELDIA, но окончательный вариант вопросов был утвержден Ниной Зайцевой и Рихо Грюнталем. Младший исследователь Хейни Карьялайнен отвечала за технические вопросы. Все интервью записывались одновременно на два цифровых устройства. Обсуждения в фокус-группах также были сняты на видеокамеры. Позже интервью были расшифрованы Сантрой Янтунен и Ильей Мошниковом.

3.2 Изучение материала

3.2.1 Структура вопросника для представителей малочисленных народов

В ходе работы были использованы два вида вопросников: один для целевой группы с карельским языком, другой – для контрольной группы с говорящими на русском языке. Вопросник для целевой группы состоял из 63 вопросов (некоторые из них включали в себя дальнейшие вопросы), в вопроснике для контрольной группы было 47 вопросов.

Вследствие некоторых технических и практических проблем (ответственный за вопросник партнер вышел из проекта) вопросник был закончен слишком поздно и

не был должным образом протестирован. В результате он оказался слишком длинным и сложным. Однако, благодаря кропотливой работе наших полевых специалистов, их помощников и респондентов, мы смогли собрать необходимую информацию. Опрашиваемые терпеливо отвечали на вопросы и, казалось, даже наслаждались дискуссией на темы, касающиеся их языка и самосознания.

Вопросник для целевой группы включал в себя следующие вопросы:

- об информанте (возраст, место рождения, образование, профессия; вопросы 1–6)

- когда и как респондент выучил карельский и русский языки, какими языками он/она пользовался/пользовалась в семье и с родственниками (вопросы 7–27)

- знание языков (как респонденты оценивали свое знание карельского, русского, английского и других языков и как они использовали эти языки в разных сферах жизни: дома, на работе, на улице или в магазине; вопросы 28–32)

- что респонденты думали об использовании карельского и русского языков с разными группами людей и о смешении языков; как респонденты охарактеризовали бы разные языки и что они думают о «правильном» использовании языка (вопросы 33–59)

- что респонденты думали об использовании карельского языка в обществе и в личной жизни (вопросы 60–61)

- как респонденты используют медиа и продукты культуры (газеты, радио, телевидение, интернет, книги, фильмы и т.д.) и создают тексты (письма, дневники, сообщения и т.д.) на разных языках (вопросы 62–63).

3.2.2 Исследование группы говорящих на карельском языке

Целью проекта было собрать 300 заполненных вопросников. В ходе работы с карелами России количество образцов соотносится с количеством ответов (301). По техническим причинам два вопросника были признаны непригодными. 299 вопросников использовались для считывания информации. Вопросник был переведен на карельский язык с финского и русского языков (оба варианта были переведены с оригинала на английском языке). Структура вопросника не менялась.

3.2.3 Структура вопросника для контрольной группы

По структуре вопросник для контрольной группы состоял из следующих частей: основная информация о респонденте (1−6), история использования языков (7−11), знание языков (14−18), отношение к разным языкам (Q12-13, 19−46), культуре, медиа социальная медиа на разных языках (Q47).

3.2.4 Исследование русской контрольной группы

Исследование контрольной группы проводилось в Петрозаводске. Эту часть работы выполнили три женщины, находящиеся на пенсии. Основной ответственной за работу была г-жа Светлана Пасюкова, которая раньше работала в Министерстве культуры и умела вести переговоры разного характера. Целью было собрать 300 заполненных вопросников. В ходе работы было заполнено 304 вопросника, по техническим причинам два вопросника не были обработаны.

3.3 Индивидуальные интервью проведенные с носителями олонецкого варианта карельского языка

Индивидуальные интервью проводились в Петрозаводске с 13 по 15 марта 2011 г. в помещении организации «Молодая Карелия», в Петрозаводском университете и, главным образом, в Домах культуры. Отбор респондентов осуществлялся на основе имевшихся контактов с уже знакомыми нам носителями языка – участниками проекта. Кроме того, поскольку выборочное обследование было основано на личных интервью, сотрудники на местах имели полное представление о респондентах, которых им предстояло опрашивать индивидуально. Интервью проводили Наталья Антонова и Ольга Огнева. Интервьюеры были уже знакомы с большинством опрашиваемых. Интервью проводились в основном на карельском языке, хотя русский и финский время от времени также использовались.

Было проведено пять индивидуальных интервью с представителями карельского олонецкого меньшинства:

женщина, 18–29 лет (идентификационный код: RU-KRL-IIAG1F)

мужчина, 18-29 лет (идентификационный код: RU-KRL-IIAG1M)

мужчина, 30-49 лет и **женщина,** 30-49 лет (идентификационные коды: RU-KRL-IIAG2m и RU-KRL-IIAG3f)

женщина, 30-49 лет (идентификационный код: RU-KRL-IIAG3f)

мужчина, 50-64 лет и **женщина,** 50-64 лет (идентификационные коды: RU-KRL-IIAG4m и RU-KRL-IIAG4f)

Большинство опрошенных были прекрасно осведомлены о том, что карельский язык находится под серьезной угрозой исчезновения, и что число говорящих по-карельски неуклонно снижается. Многие из них активно способствуют сохранению карельского языка и культуры и лично наблюдают уменьшение карельского сообщества и языковой сдвиг в нем происходящий. В целом, большинство опрошенных много раз возвращались к тем же вопросам, касающимся судьбы и будущего карельского языка и культуры. В некоторых интервью информанты подчеркивали, что принимавшиеся меры, такие как последовательное языковое планирование и борьба за права меньшинств, что делалось в течение многих лет, тем не менее, результаты были не столько значительны, как хотелось бы надеяться.

3.4 Интервью с фокус-группами

3.4.1 Интервью с фокус-группами носителей олонецкого варианта карельского языка

Интервью с фокус-группами носителей олонецкого варианта карельского языка проводились 14-15 марта 2011 г. в трех местах: на факультете финской филологии и культуры Петрозаводского государственного университета, в Карельском научном центре и в Центре национальных культур Республики Карелия. Интервью проводили Наталья Антонова и Ольга Огнева. Использовался, главным образом, карельский язык. Фокус-группы были собраны местными исполнителями проекта, которые участвовали в выборочных обследованиях. Исполнители проекта использовали свои собственные контакты с носителями карельского языка. Руководящим принципом при отборе участников для интервью была, в первую очередь, компетентность в карельском языке, что особенно сказалось на самой младшей возрастной группе, состоящей исключительно из студентов университета, изучающих карельский язык. Во-вторых, исполнителям проекта был дан совет подобрать респондентов различных типов. На практике учет необходимых навыков в карельском языке привел тому, что младшая возрастная состояла из студентов университета, изучающих карельский язык.

Младшая группа (18-29 лет) состояла из студентов университета. Хотя было решено, что студенты будут каждый самостоятельно участвовать в обсуждении, присутствие преподавателей влияло на поведение студентов. Учитывая, что многие из этой возрастной группы не говорили по-карельски с раннего детства, некоторые студенты в ходе обсуждения иногда обращались за помощью к преподавателям. Вторая возрастная группа (30-49 лет) состояла из активных людей, выросших в сельской местности и переехавших в город, как правило, они говорили по-карельски очень свободно. В третьей возрастной группе (50-64 лет), некоторые участники высказывали противоположные взгляды на перспективы и смысл содействия поддержанию карельского языка. Идея собраться и поговорить по-карельски была встречена с большим энтузиазмом и дала толчок дальнейшим встречам между участниками.

3.4.2 Интервью с представителями контрольной группы

Совместные фокусные контрольные группы использовались для анализа ситуации карельского и вепсского языков в России и особенно в Республике Карелия. Интервью состоялись 12 марта 2011 года в Петрозаводске. Светлана Пасюкова, специалист по полевым работам, раньше была сотрудником Министерства культуры и имела обширные связи. Она пригласила участников и сформировала контрольные фокус-группы. Она связалась с Министерством образования и собрала для обсуждения группу политиков. В интервью с группой СМИ и группой политиков участвовали два модератора (Рихо Грюнталь и Нина Зайцева). Обсуждения в основном велись на русском языке. Группа СМИ состояла из девяти участников, в группе политиков было пятеро интервьюируемых. По гендерному составу контрольные фокус-группы были почти равны. Интервью с политическими деятелями проводилось в кабинете заместителя министра образования Республики Карелия, интервью с представителями СМИ – в Центре национальных культур.

В основном отношение участников двух контрольных фокус-групп к изучаемым малочисленных народам было позитивное. Во время интервью не прозвучало негативных комментарий. Оба интервью оставили впечатление, что с точки зрения участников контрольных фокус-групп изучаемые малочисленные народы, а именно карелы и вепсы в России, являются неотъемлемой частью этнического и культурного наследия Республики Карелии. Однако, несмотря на общее положительное впечатление, похоже, нет более точной информации по состоянию и происходящему языковому сдвигу. Респонденты, недавно принимавшие участие в семинарах по двуязычию и обратному языковому сдвигу,

были более осведомлены о вопросах и трудностях нынешней ситуации и способах борьбы с полной утратой языка.

Небольшие выводы по проведению полевых работ в России. Несмотря на определенные риски, полевые работы прошли очень хорошо, и благодаря ответственной и компетентной в своей работе группе результаты были должным образом обработаны. В целом, собранный материал отвечает поставленным целям в полевой работе и сопоставим с целями проекта ELDIA.

3.5 Принципы, лежащие в основе анализа данных ELDIA

(автор Аннели Сархимаа и Ева Кюххирт)

Материал, собранный в ходе полевых работ по проекту ELDIA, был проанализирован в соответствии с центральным планом в рамках Рабочего Пакета 5 (под руководством Аннели Сархимаа/Майнц).

3.5.1 Языки малочисленных народов как часть многоязычия в современном обществе

В отличие от большинства исследований по многоязычию, целью проекта ELDIA было изучение жизнеспособности языков малочисленных народов на фоне многоязычного окружения, принимая во внимание то, что современные малочисленные народы живут и взаимодействуют со многими языками. Важно было не просто исследовать отношения между языком малочисленного народа и местным доминирующим языком, но весь спектр языков, используемых в обществе в данном регионе. Нашей целью было определение самих форм многоязычия, несут ли окружающие языки угрозу или помогают языку малочисленного народа.

3.5.2 Цель проекта ELDIA

Цель проекта ELDIA – создание Барометра Жизнеспособности Европейских Языков (EuLaVIBar). Барометр будет представлять собой конкретный инструмент, легкий в использовании для измерения степени жизнеспособности определенного языка малочисленного народа или любого другого языка.

Барометр EuLaViBar создается в два этапа. Во-первых, для каждого изучаемого малочисленного народа будут созданы индивидуальные барометры

жизнеспособности (Барометр Жизнеспособности Языка для [ЯЗЫКА] представлен в Главе V данного отчета). На втором этапе междисциплинарная группа исследователей создаст общий барометр EuLaViBar на основании данных индивидуальных анализов. Он будет представлен на рассмотрение в Европейский Совет и опубликован только в завершающей стадии проекта в августе 20113 года, вместе с инструкцией EuLaViBar.[4]

3.5.3 Определение и измерение жизнеспособности языка

Для обозначения определения жизнеспособности языка проект ELDIA опирается на давнюю исследовательскую традицию. Подход ELDIA многое почерпнул из работ Джошуа Фишмана, Леены Хусс, Кристофера Строуд и Анны-Риитты Линдгрен. Он также во многом основывается на отчетах ЮНЕСКО по жизнеспособности языков и угроз языкам (2003; 2009). Более того, в создании Барометра EuLaViBar мы используем идеи двух выдающихся исследователей по языку и экономике: Франсуа Грина (François Grin) и Микеля Струбеля (Miquel Strubell). От Грина мы заимствовали (и несколько модифицировали) концепции «способности», «возможности» и «желания»; от Струбеля – идею о том, что говорящие на определенном языке люди являются потребителями «продуктов языка». Мы также разработали шкалу жизнеспособности языка, которая взяла начало (но не является идентичной) от Градуированной межгенерационной шкалы разрушения Джошуа Фишмана, которая с 1990-х годов являлась ведущей моделью в изучении жизнеспособности языков.

Анализы ELDIA проводились на четырех уровнях:

- Интересующие сферы: **Способность** (насколько уверенно говорящие на языке чувствуют себя с данным языком, как часто они осмеливаются использовать его), **Возможность** (насколько часто можно использовать язык в официальных институтах, школах и т.д.). **Желание** (насколько часто владеющие языком хотят использовать этот язык), и **Продукты Языка** (сколько текстом или других продуктов языка, таких как программы или спектакли доступны на языке и насколько сильно «потребители» их желают).
- **Масштабы**: **Законодательство** (законы, поддерживающие или препятствующие использованию языка, осведомленность и мнение населения), **Образование** (использование языков, от детского сада до

[4] http://phaidra.univie.ac.at/o:301101 .

университета, мнение людей), **Медиа** (каким образом используется и используется ли вообще язык в газетах, на телевидении, в радиопрограммах и т.д.; каким образом малочисленный народ представлен в прессе на доминирующем языке и т.д.), **Использование Языка и Взаимодействие** (как язык используется в различных ситуациях, с разными людьми и т.д.).

- Переменные величины в Масштабах: например, **установки** по отношению к изучаемому языку и другим языкам (и говорящим на данном языке), **межгенерационное использование языка** (используется ли язык между носителями языка, являющимися представителями разных поколений), **существование медиа, родной язык** (как носители языка определяют из родной(ые) язык(и)), **роль языков на рынке труда, самооценка языковой компетентности** (насколько хорошо носители языка сами оценивают свой уровень владения языков) и т.д.
- На основании результатов анализа по этим переменным, жизнеспособность языка может быть расположена на следующей шкале жизнеспособности языка ELDIA:

Оценка	Описание
0	Язык не используется, не находится под защитой и не обеспечивается средствами к существованию; язык находится под большой угрозой.
1	Существуют признаки и параметры, показывающие, что язык находится под угрозой.
2	Признаки и параметры показывают четкую смену языка или предпосылки к этому.
3	Признаки и параметры показывают, что цели по сохранению языка достигаются или, по крайней мере, язык используется, находится под защитой и обеспечивается средствами к существованию.
4	Признаки и параметры показывают, что язык используется, поддерживается в полном объеме, что является этапом стабилизации языка.

3.5.4 Анализ данных

В ходе анализа интервью и вопросников по исследованию, лингвисты ELDIA могли сконцентрироваться только на нескольких важных измерениях, главным образом на вопросах, важных для барометра EuLaViBar в целом. Следовательно, они не могли проработать каждый вопрос, который мог бы быть важным для

определенного языка или группы людей. Более детальный анализ для каждого языка может быть проведен в будущем.

Специалисты по статистике ELDIA обработали результаты заполнения вопросника, поместив их в таблицы, которые стали основой для иллюстраций (графиков, диаграмм) в Главе 4.

Ответы и комментарии на открытые вопросы были проанализированы лингвистами ELDIA без применения компьютерных технологий.

Интервью были расшифрованы (записаны в письменном виде) и аннотированы (даны отметки со ссылками на центральные темы, такие как «использование языка», «образование», «мобильность» и т.д.). Лингвисты ELDIA также написали короткие описания и краткие резюме о каждом интервью.

4 Анализ данных

4.1 Анализ правовых и институциональных рамок

В Российской Федерации, многонациональном государстве с единственным доминирующим языком, правовые нормы, касающиеся карельского и вепсского языков, является достаточно сложными и характеризуется постоянными, иногда непредсказуемыми изменениями. В России русский язык обладает сильными позициями как закрепленными законодательно, так и в реальности. Языковое законодательство осуществляется на федеральном, региональном и местном уровнях и представляет собой сложную картину нередко противоречивых постановлений[5].

В результате национального возрождения, происходившего во многих регионах России после распада СССР, появился федеральный закон № 1807 «О языках национальностей Российской Федерации» (1991), который дает республикам возможность принять свой собственный государственный язык, помимо русского. Другим важным законодательным актом является Федеральный закон «О государственном языке России», принятый в июне 2005 г. Этот закон определяет обязательное использование русского языка в федеральных, региональных и муниципальных учреждениях Российской Федерации. Языковое разнообразие на общественном и индивидуальном уровне, в принципе, гарантировано Конституцией 1993 г. (ст. 26). Кроме того, в соответствии со статьями 68.3 и 69 языки небольших меньшинств, такие как вепсский, пользуются особой защитой. Эти положения уточнены в Законе «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» (1999 г.).

В соответствии с Карельской Конституцией, официальным языком Карелии является русский язык. Из этого следует, что карельский язык лишь потенциально, но не на деле, охраняется федеральными структурами Российской Федерации и их методами защиты языков (принципом этнического федерализма).

Вместо этого в Карелии мы находим закон «О государственной поддержке карельского, вепсского и финского языков в Республике Карелия» от 2004 г. (так

[4] Информация, представленная в данном разделе, основана на исследовании ELDIA, проведенном Андерс Фогельклоу «Анализ правовых и институциональных рамок: карельский, вепсский и сету в России» (готовится к печати в качестве WPELD, http://phaidra.univie.ac.at/o:80726)

называемый «Закон о поддержке»). Что касается его практической реализации, то в пояснительной записке к приказу от 28 мая 2009 г., принятому Карельскими Министерствами Национальной политики и контактов с религиозными ассоциациями, Образования и культуры, выражается серьезная обеспокоенность утратой родного языка (карельского) гражданами, проживающими в Карелии. В записке отмечается падение способности карел говорить на их (бывшем) «родном языке», и этот факт относится за счет урбанизации и глобализации. В том же порядке был принят список «Комплексных мер» для осуществления плана «Развитие карельского языка в Республике Карелия на период 2009—2020», где предлагались контрмеры против снижения использования карельского языка. Иными словами, как проблемы, так и их возможные решения хорошо известны, по крайней мере, на республиканском уровне. В то же время, изменения, внесенные в 2002 г. в Закон «О языках национальностей Российской Федерации» от 1991 г., согласно которым во всех региональных государственных языках должен использоваться кириллический алфавит, могут послужить препятствием для того, чтобы карельский стал одним из официальных языков Республики Карелия, при этом вепсский язык становится еще более маргинальным.

Если иметь в виду весьма скромные цели постоянной поддержки языковых и культурных мероприятий, таких как радиопередачи, семинары, фестивали, издание книг, то Карельское законодательство и соответствующие программы можно считать, в принципе, удовлетворительными. Но с более амбициозных позиций, имея в виду цель предотвратить или даже обратить вспять процесс полной ассимиляции, Карельский «Закон об образовании» и «Закон о поддержке» могут рассматриваться как недостаточные, поскольку в них отсутствуют, как инициативы, так и возможности их воплощения. В целом, в то время как нынешняя правовая ситуация может рассматриваться как весьма удовлетворительная на бумаге, ее практическое воплощение и поддержка весьма ограничены. Современная правовая ситуация, тем самым, характеризуется неоднозначностью и непредсказуемостью для носителей языка. Является ли это двусмысленное и в долгосрочной перспективе противоречивое положение устойчивым, на данный момент сказать трудно.

4.2 Анализ СМИ

Дискурсный анализ СМИ[1] в России проводился с целью определения отношения к языкам малочисленных народов, сохранению, утрате и возрождению языков в средствах массовой информации, издаваемых на языках малочисленных народов,

по сравнению с изданиями на доминирующем языке. Исследование должно было дать больше информации по развитию в области межэтнических связей в изучаемых странах. Предположения о том, каким образом пресса отзывается о языковых меньшинствах, в конечном итоге отражают ситуацию, в которой языковые меньшинства пытаются сохранить и возродить свой родной язык. Отношение, высказываемое в прессе на доминирующем языке, в определенной степени объясняет отношение доминирующей части общества к сообществам, представляющим малочисленные народы. Мнения и отношения, выражаемые через СМИ на языках малочисленных народов, говорят о трудностях и перспективах национальных общин, которыми члены сообщества делятся друг с другом.

Ключевые вопросы по дискурсному анализу СМИ можно сформулировать следующим образом:

1. Каким образом выражается отношение к языкам малочисленных народов в национальных СМИ и в СМИ на доминирующем языке? 2. Каким образом СМИ, издаваемые на языках малочисленных народов и на доминирующих языках, позиционируют себя, или какое место, по мнению самих СМИ, они занимают в медиа относительно друг друга? 3. Как СМИ, издаваемые на языках малочисленных народов и на доминирующих языках, информируют общество о событиях в области взаимодействия групп? 4. Является ли сохранение языков важной темой, и каким образом она обсуждается? 5. Какую роль играют доминирующие языки и языки малочисленных народов в СМИ, и какие функции они несут?

Для получения объективных данных во временной перспективе и определения статуса и состояния национальных общин, при анализе были определены три разных периода времени. В России для проведения дискурсного анализа СМИ были выбраны следующие временные отрезки: февраль-апрель 1998 г., когда вступили в силу Европейская хартия региональных языков и языков меньшинств и рамочная Конвенция о защите национальных меньшинств; весна 2004 г. (предложение по закону о языке в Республике Карелия); и ноябрь 2010 г. - январь 2011 г. для получения информации о развитии в данное время.

В России был проведен дискурсный анализ СМИ двух малочисленных финно-угорских народов. На вепсском и карельском языке говорят в Карелии, недалеко от границы с Финляндией. В основном, оба языка используются людьми пожилого возраста. В России и в Финляндии были предприняты попытки возрождения карельского языка.

В республике Карелия выходит три газеты на карельском языке и два журнала, содержащих материалы на карельском. Газета *Oma mua* (“Родная земля”) издается на ливвиковском диалекте карельского языка. Газета *Vienan Karjala* (“Беломорская Карелия”) – на северно-карельском диалекте. В июне 2008 года стали издавать газету *Lyydilaine* (на людиковском диалекте). Для вепсов выходит только одна газета – *Kodima* (“Родная земля”). Она издается на двух языках: вепсском и русском. Журнал Karelia и детский журнал *Kipinä* выходят на финском языке, но в них есть материалы на карельском и вепсском языках. Также в муниципальных газетах есть страницы на карельском языке (Олонец, Калевала, Пряжа, Лоухи).

ГТРК “Карелия” выпускает программы на карельском, вепсском и финском языках (Еремеев 2007, 32-33; Письменные Языки, 2003, 215-216). Вещание не охватывает все районы республики. Телевизионные и радиопрограммы на вепсском языке доступны только на территории Республики Карелия. Две еженедельные радиопрограммы выпускаются на северно-карельском диалекте и одна – на ливвиковском диалекте карельского языка. Также каждый день выходят новости на Радио Карелии. Программы 2009 и 2010 годов хранятся в архиве и доступны через Интернет.[6] На Первом канале России один раз в неделю выпускается телевизионная программа *Omin silmin*, продолжительность которой 55 минут. Она освящает культурные мероприятия карелов, финнов и вепсов. ГТРК Карелия также два раза в неделю выпускает новости на вепсском языке и другие программы продолжительностью 15 минут за один раз.[7] Один раз в неделю на ГТРК выходит вепсская литературная программа (Puura & Zaytseva 2010: 65).

Материалы в новых цифровых СМИ на карельском и вепсском языках очень скудные. Нет новостных порталов, блогов, чатов и т.д. По всей видимости, в Фейсбуке и в ВКонтакте есть как минимум пару групп, связанных с вепсским языком (см., например, “Republic of Vepsia”). (Бойнич / Богданова 2008: 25–32; Puura & Zaytseva 2010: 72.) Роль новых СМИ на карельском и вепсском языках остается маргинальной частично из-за пожилого возраста людей, хорошо владеющих карельским и вепсским языками, частично из-за ограниченного доступа к интернету в сельской местности. СМИ на русском языке очень разноплановые и хорошо организованы по районам. Самые популярные газеты республики Карелия – региональные еженедельники *Карельская Губерния, ТВР-*

[6] См. www.karjalanradio.narod.ru/finnish.html, последнее посещение в феврале 2012.

[7] См. http://petrozavodsk.rfn.ru, последнее посещение в феврале 2012.

Панорама, Курьер Карелии и еженедельное издание *Петрозаводск*, являющееся местной газетой города Петрозаводска. Читателями других газет являются жители сельской местности. Самыми популярными центральными газетами являются *Аргументы и факты* и *Комсомольская Правда*. (Puura & Zaytseva 2010: 102.)

Согласно исследованию 1997 года, почти 90 % респондентов сообщили, что они смотрят программы на языках малочисленных народов как минимум раз в неделю. Еще большее количество респондентов смотрит местные программы на русском языке один раз в неделю. Программы на языках малочисленных народов были менее популярны среди молодежи. Объяснением этому стало плохое владение языком, сниженный интерес и недостаточное национальное самосознание. (Skön & Torkkola 1997: 71, 73, 153.) По этому вопросу нет свежих сведений, но можно сделать вывод, что интерес среди молодого поколения угасает. На основании того же исследования, наиболее важная роль, отведенная национальным СМИ, заключалась в сохранении и возрождении языка и поддержке национальной культуры и фольклора (ibid. 71), что подтверждается активным участием СМИ малочисленных народов во всероссийских соревнованиях и фестивалях. (Ряменен 2007: 65.) Невозможно было найти источники, проливающие свет на популярность газет среди языковых сообществ. Можно сказать, что читательская аудитория национальных СМИ состоит в основном из людей пожилого поколения, активистов национального движения и студентов, изучающих карельский и вепсский языки. Телевидение и радио являются самыми важными источниками информации в общероссийском масштабе, тогда как газеты информируют население по региональным вопросам. Телевидение является самым популярным основным национальным средством передачи информации. (Pietiläinen 2005: 99–100; 110.) Радио более популярно в городе, чем в сельской местности, среди молодежи и более обеспеченных слоев населения. Роль интернета сильно варьируется. (Pietiläinen, Fomicheva & Resnianskaia 2010: 50–51.)

В России в дискурсе карельских СМИ фольклор, история и традиции считаются основным признаком принадлежности к народу карелов. Их значение больше, чем значение самого языка, и чаще язык является их частью. Вопрос сохранения карельского языка важен. Обычно сами карелы считают себя ответственными за сохранение языка, но часто не совсем понятно, кто должен предпринимать усилия. Дискурс остается на низком уровне, конкретные советы или предложения каких-то действий появляются редко. Чаще всего карелов побуждают больше использовать язык во всех областях жизни. Их не призывают принимать участие в политических мероприятиях, хотя в письменных источниках указано, что ресурсы по сохранению языка зависят от властей.

Часто в сторону властей направлены обвинения в том, что язык слабеет, утрачивая свои позиции. Постоянной причиной критики является недостаток ресурсов. Национальная принадлежность представителей властей не подчеркивается, но больше симпатий со стороны карелов отдается тем представителям властей, которые сами являются этническими карелами, по сравнению с представителями других национальностей. Считается, что карельским языком владеют преимущественно деревенские жители. В городской жизни карелов почти полностью игнорируют. Это сильно ограничивает возможности для использования языка.

Героями статей в большей степени являются люди пожилого возраста и молодежь. Очень часто в статьях рассказывается о прежнем образе жизни в деревне, чувстве ностальгии. Нередко повествуется о людях пожилого возраста и их жизни. С другой стороны, появляются новости о детях и студентах, изучающих и использующих карельский язык. Данное сочетание может отразить аудиторию читателей, где старшее поколение активно использует язык, а младшее поколение его изучает. Такая форма языкового взаимодействия помогает наладить связь между старшим и младшим поколениями. В ранние периоды это могло призывать людей посылать статьи в газеты, давая им чувство принадлежности к национальному сообществу в республике.

На людей среднего возраста обращают меньше внимания, скорее всего, из-за их слабого знания языка, или, возможного статуса потенциальных учащихся. Среди них выделяются некоторые активные личности, учителя и работники культуры.

Можно сделать вывод, что с 2004 г. по 2010 г. содержание газеты *Oma Mua* и в некоторой степени газеты *Vienan Karjala* изменилось. В 2010 г. ставятся прямые вопросы и все больше слышны критические нотки по отношению к правительству Республики Карелия, Москвы и другим властным структурам; больше внимания отдано преподаванию и будущему языка.

Проанализированные газеты на карельском и вепсском языках не являются альтернативой русскоязычным СМИ, несмотря на то, что содержание статей определенно рассчитано на представителей малочисленных народов. Их работа заключается в укреплении самосознания карелов и вепсов как представителей финно-угорских народов и оказании помощи в развитии языка. По сравнению с русскоязычными региональными газетами, новое содержание национальной прессы достаточно ограниченно, но они освящают, например, вопросы прав языков намного чаще, чем их коллеги в русскоязычных изданиях. Нужно отметить, что СМИ на карельском и вепсском языках принадлежат правительству, что может

объяснять схожесть содержания публикаций. В СМИ на карельском и русском языках можно найти некоторый дискурс. Он включает в себя достаточно расплывчатое описание языковой ситуации с некоторыми определенными предложениями к действию, трепетное описание традиционной деревенской жизни и объединение сохранения языка меньшинства с сохранением традиций.

Сохранение вепсского языка считается важным в дискурсе вепсского языка, да и в карельском языке тоже. Ответственность возлагается на носителей вепсского языка. Авторы обычно побуждают их использовать родной язык. Важным считается преподавание вепсского языка детям, и к студентам, изучающим вепсский язык, относятся как к молодым людям, заинтересованным в их родном языке. С другой стороны, авторы часто обеспокоены тем, что изучающие прибалтийско-финскую филологию студенты обычно заинтересованы не в вепсском языке, а в карельском, и особенно в финском. Праздники и национальные первенства, в которых используется вепсский язык, описываются подробно. Также с большой гордостью рассказывают о мероприятиях, в которых участвуют вепсы – конгрессы и т.д. В этом можно увидеть произошедшие изменения за последнее время: быть вепсом и говорить по-вепсски больше не стыдно.

В прессе на русском языке можно достаточно часто встретить статьи о языках малочисленных прибалтийско-финских народов, но авторы описывают проблемы поверхностно, не вникая в суть вопроса. На прибалтийско-финские народы Карелии, особенно на карелов и вепсов, возлагается роль основателей местных традиций и колорита. Их культура связана с традиционной деревенской жизнью, о которой часто вспоминают. Упадок деревни и борьба за ее жизнь является постоянной темой в газетах на карельском языке. Это можно сказать и о русскоязычной прессе. Тон статей в основном позитивный и ободряющий; все внимание в них направлено на отдельные личности, которые стараются добиться лучшего в жизни, хоть и против социальных тенденций к урбанизации. Таким образом, хоть карелов, вепсов и финнов воспринимают как часть Республики Карелия, но когда говорят о важности сохранения языка, дискуссия сводится к сохранению особенного характера республики. Иногда могут сказать о фольклоризации, подчеркивая важность видимых признаков культуры: танцев, одежды, кухни и т.д.

Часто языки малочисленных народов остаются без внимания или считаются незначительной традицией. Другие элементы карельской культуры, по всей видимости, более близки русским авторами и читателям. Сохранение языков возложено на самих карелов, вепсов и финнов и являются главной задачей

карельских организаций. Критика властей в области сохранения языка и культуры в русскоязычной прессе отсутствует, и никто фактически не несет ответственности за ухудшение нынешней ситуации, хотя часто встречаются упоминания о проблемах в прошлом.

Анализируемая русскоязычная пресса не рассматривает такие феномены, как сохранение языка, права малочисленных народов или результаты изменения в законодательстве, касающиеся языков малочисленных народов. По всей видимости, существует определенное распределение работы, посредством которого эти темы освящаются в правительственной национальной прессе. Однако, принимая во внимание темпы смены языков среди носителей карельского, вепсского и финского языков в Карелии, очевидно, что опубликованные на этих языках издания недоступны всем представителям малочисленных народов. Это сильно сокращает материалы по вопросам языков меньшинств. Издания рассчитаны на людей пожилого возраста, языковых активистов и, возможно, студентов, но молодежь и люди среднего возраста, включая родителей детей, которые могли бы сформировать свою целевую группу для возрождения языка, оставлены без внимания. Они получает минимальное количество информации по вопросам языковых меньшинств из основных источников СМИ. То же самое относится и к доминирующему населению. Поэтому можно сделать вывод, что вопросы языков малочисленных народов играют маргинальную роль в доминирующих СМИ, которые не являются универсальным источником информации по данным темам. СМИ на вепсском и карельском языках финансово зависят от основных издательств, и это в какой-то степени объясняет их неспособность поднимать вопросы в области национальной политики.

4.3 Социолингвистический анализ данных, полученных путем опроса и интервьюирования

В следующих главах 4.3.1-4.3.4 обобщены данные, полученные путем анкетирования (MinLg и CG). Эти данные дополнены материалами, полученными из резюме интервью, проведенными с отдельными респондентами и контрольными группами, при этом для каждого пункта приводятся оригинальные цитаты из интервью и анкет. Номера конкретных вопросов (например, Q7) соответствуют номерам в Анкетах, приведенных в Приложениях 2 и 3.

4.3.1 Использование языка; взаимодействие языков

4.3.1.1 Родной язык

В ходе исследования респондентам было предложено указать свой родной язык / языки (вопрос Q7 в краткой анкете и Q9 в полной анкете). В анкете Karelian MinLg (**(**«Языки карельского меньшинства») понятие *родной язык* было в дальнейшем раскрыто, как «язык или языки, которые были выучены первым (первыми)».

Отвечавшие на анкету «Языки карельского меньшинства» указали русский и карельский в качестве первого языка почти в равных пропорциях. Карельский был назван первым языком 52,4% респондентов, русский — 60,8%. Одна из респонденток указала своим первым языком финский. Лишь 13,9% отвечавших заявили, что имеют два первых языка, а именно русский и карельский (за исключением упоминавшегося случая с финским и русским). Соответственно, 38,9% отвечавших из числа карел, указали, что их первым языком был исключительно карельский.

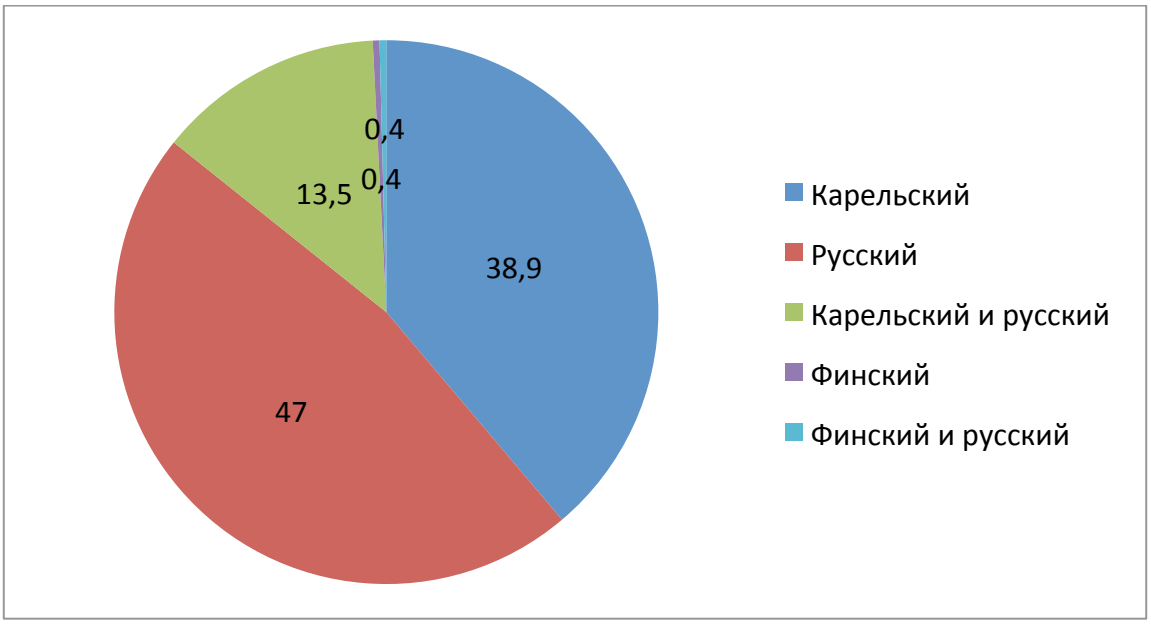

Рис. 6: Родной язык отвечавших на анкету «Языки карельского меньшинства»

Респонденты, опрошенные в ходе интервью, показали иные результаты, отличающиеся от данных, полученных путем анкетировании; они значительно чаще называли своим единственным родным языком карельский. Ни один из них не объявил русский единственным родным языком. Эти ответы не соответствуют результатам опросов, вероятно, из-за выборки опрашиваемых, большинство из которых были активистами карельского движения. Следует заметить, что

определить свой родной язык было не просто для всех интервьюируемых. Возможно, на некоторых респондентов оказывало влияние присутствие интервьюера, а в случае групповых интервью — присутствие других опрашиваемых. Тем не менее, эти расхождения в данных представлюется соответствующими действительности, поскольку уровень владения карельским языком среди опрошенных в ходе интервью был в целом выше, чем у отвечавших на анкеты по их собственной оценке.

Как известно, понятие *родной язык* понимается несколько иначе в русской традиции, нежели в западном дискурсе. По словам Малахова и Осипова (2006: 503-504) в России понятие «родной язык» в широком понимании не является точным соответствием понятия *mother tongue* (первый язык, на котором заговорил человек) в западном понимании. Скорее, это язык той этнической группы, с которой ассоциирует себя говорящий. Этническая принадлежность или национальность передаются по наследству от родителей детям, а вместе с ними наследуется и «родной язык» независимо от степени фактического владения им. Однако оценка респондентов ELDIA собственной компетенции в карельском языке показала, что те, кто назвал карельский своим родным языком, стараются использовать этот язык и улучшать свою компетенцию. Два из трех респондентов оценили свое владение разговорным карельским языком как свободное или хорошее (см. 2.3.2.).

Как и предполагалось, чем старше были респонденты, тем чаще они указывали карельский в качестве своего единственного родного языка. Как показано ниже на рисунке 7, почти 90% из старшей возрастной группы объявили единственным родным языком карельский. В младшей возрастной группе лишь 4,5% назвали единственным родным языком карельский, напротив, почти 80% указали своим родным языком только русский.

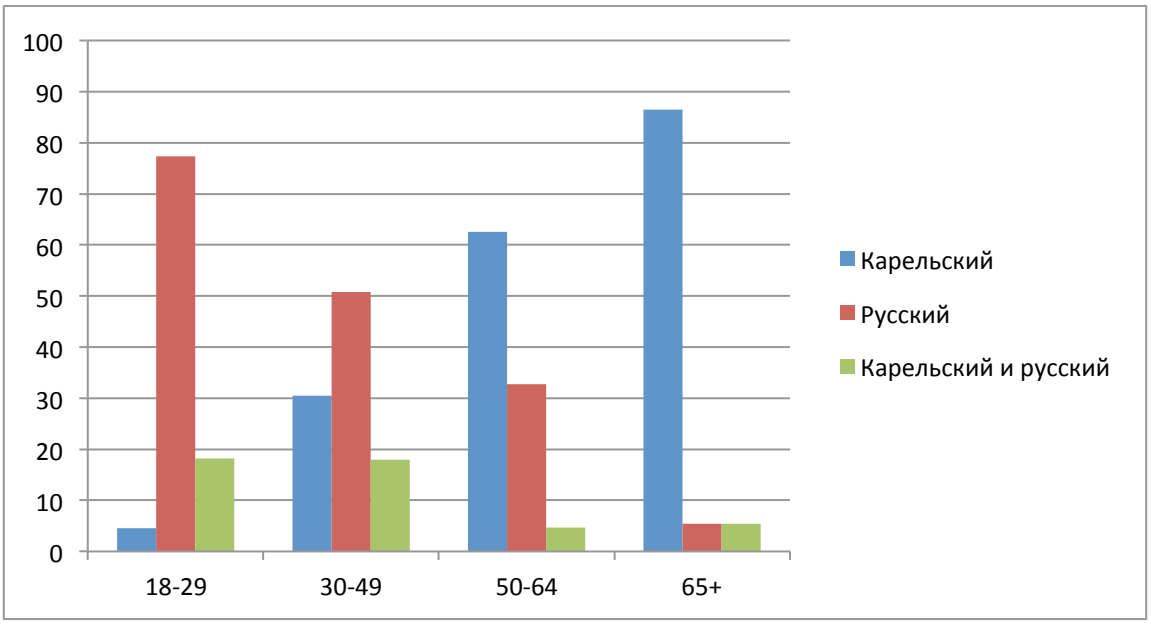

Рис. 7: Указанный родной язык в зависимости от возраста респондента

Большинство наших респондентов рассматривали владение карельским языком как важнейшую составляющую понятия «быть карелом». Тем не менее, ни один из опрошенных не утверждал, что нельзя считаться карелом без знания карельского языка. В то же время вопрос о том, можно ли быть карелом, не зная карельского языка, оказался для многих трудным:

(1) RU-KRL-IIAG1F:
kudamis rodnil oli karjalastu, ket kun'n'ivoija omii juurii, omaa kultuuraa, omii perindölöi, hos hüö ei malteta paista karjalaksi, no ellendetäh karjalan kieldü, minä voinusin sanuo gu hüö ollah tozikarjalazet - - se rippuu ičes ristikanzas gu tahtonou häi ollah karjalaizen. no häi rodiou Karjalas no ei tahto, no sit midäbö luajit?
«Те, кто родились карелами, кто уважает свои корни, культуру и культурное наследие, но не владеют карельским языком, хотя и понимают его, они, я бы сказал, настоящие карелы. Это зависит от человека, хочет ли он быть карелом или нет. А если он родился в Карелии, но не хочет быть карелом, что тут поделаешь?»

(2) RU-KRL-IIAG2M:
pagizzou ga sit se on karjalaine, ei pagize ga sit on venä jo
«Если он говорит (по-карельски), то он карел, а если нет, то он русский уже».
RU-KRL-IIAG3F:
minus voibi jogahine sanoa ičedä karjalaizekse, no kieli se on piällimäine. erähil karjalaizis nügöi on passiivine kieli, erähil karjalaizis nügöi, no hüö ičedä pietäh karjalaizennu

«Мне кажется, что любой может называть себя карелом, но все-таки язык — это главное. Сейчас некоторые карелы владеют языком пассивно, но они тоже считают себя карелами».

Более молодые респонденты — среднего возраста (AG2) оказались самыми терпимыми по отношению к тем карелам, кто не говорит на языке: они считают, что люди не говорят по-карельски по самым разным причинам, и что карельские корни — вот что определяет карельский народ.

Как показано в следующем разделе, указанный в анкете родной язык вовсе не обязательно был тем языком, на котором респондент говорил с родителями. Вместо этого, основным связующим звеном в передаче карельского языка были бабушки и дедушки. В то время как лишь 13,9% респондентов назвали карельский и русский родными языками, значительно большая часть респондентов ответила, что в детстве, общаясь с родителями, они использовали оба языка — и карельский, и русский. При этом с матерью в детстве говорили на обоих языках 28,1% опрошенных, с отцом — 20,1%. Только карельский был собственно «материнским» языком — то есть языком матери — лишь у 28,8% респондентов. В общей сложности 56,9% респондентов ответили, мать говорила с ними в детстве по-карельски. В то же время именно карельский был языком общения с бабушками и дедушками для трех четвертей респондентов (см. 4.3.1.2). Как видно из следующего отрывка, даже по материалам интервью видно, что понятие «родной язык» воспринимается как нечто иное нежели «первый язык», т.е. фактический язык матери или язык, которым опрашиваемый владеет наиболее свободно.

(3) RU-KRL-IIAG1F:
minun oma muamankieli on karjalan kieli, sendäh gu minä, perehes kasvoin karjalases perehes i ja lapsusajas olen kuullu karjalan kieldü omis buabas buabas da died'ois omis vahnembis.
«Мой родной язык — карельский, потому что я вырос в карельской семье и с детства слышал карельского речь от бабушки с дедушкой, от родителей».

При этом, как показывает следующий отрывок, родители опрашиваемого говорили по-карельски не свободно:

(4) RU-KRL-IIAG1F:
muamo da tuatto sežo ollah karjalazet, ga hüö ei muga hüvin paistu karjalakse. minä kuulin enimüöl'l'eh kieldü omas buabas da died'ois.

«Мои мать и отец карелы, но они говорили по-карельски не очень хорошо. Я слышал этот язык, в основном, от бабушкой с дедушкой.»

Многие респонденты говорят о русском языке как о «своем» (oma kieli), а о карельском как о «родном» (материнском) (muamankieli). Чаще всего опрашиваемые называли карельский язык «родным языком», в том числе один из респондентов, который начал изучать карельский лишь в университете. Карельский интервьюер так описывает различие между этими случаями:

(5) Интервьюер (in RU-KRL-FGAG1):
kuulkua, a vot sanotah što on olemas muamankieli da libo on olemas oma kieli. ezimerkikse minul muamankieli on karjalan kieli, livvin kieli, a minun omat kielet ollah livvi, ven'a
«Понимаете, как говорится, есть родной язык, а есть свой язык, например, мой родной язык — карельский, а свои языки у меня — олонецкий диалект карельского и русский».

4.3.1.2 Меж-поколенческое и внутри-поколенческое использование языка

Как правило, связь между поколениями, передача родного языка следующему поколению в семье, рассматривается как наиболее важный фактор выживания языков меньшинств (Fishman 1991; UNESCO 2003). Нарушение такой передачи часто приводит к языковому сдвигу. В случае олонецкого карельского передача родного языка следующему поколению серьезно нарушена.

Подавляющее большинство бабушек и дедушек наших карельских респондентов говорят или говорили по-**карельски со своими внуками. Когда наши респонденты были детьми, их родители чаще говорили с ними по-карельски, чем** говорят **в настоящее время.** Доля **родителей, использующих карельский со своими детьми, быстро уменьшается.** Подавляющее большинство респондентов сообщили, что их бабушки и дедушки говорили с ними по-карельски. Это касается как родителей матери (81,6%), так и родителей отца (75,3%). Из данных анкеты следует, что карельский язык несколько чаще использовался матерями при общении с детьми, чем отцами. Тем не менее, при сравнении с современной ситуацией, видно, что доля респондентов, использующих карельский с родителями, уменьшилась. Это справедливо особенно в отношении отцов. Чуть менее половины опрошенных (48,1%) сообщили, что их мать говорит с ними по-карельски в настоящее время, и лишь более четверти опрошенных (29,4%) сообщили, что по-карельски с ними говорит отец.

Респонденты сообщили, что менее 40% бабушек и дедушек говорили с ними по-русски. По мнению респондентов, по-русски с ними говорили только 35,5% родителей матери и 38,0% родителей отца. Кроме того, несколько наших интервьюированных выучили карельский язык у своих бабушек и дедушек:

(6) RU-KRL-IIAG3F:
perehes minä elin, küläs, buabo da died'oi keskenäh paistih karjalaks, sit minägi harjavuin pagizemah karjalakse, hos huö ühtel aigua minul lugettih kniigoi lapsien kniigoi ven'akse da opastettih kuda-midä pajoi da runoo ven'akse dai suomekse, no minä pien omannu muamankielennü omannu enzimäizennü kielennü karjalan kieldü
«В моей семье, в деревне, бабушка и дедушка говорили между собой по-карельски. Я постепенно привык говорить по-карельски. Кроме того, они читали мне детские книги на русском языке, научили меня стихам и песням на русском и финском языках. Но я считаю, что мой родной язык, мой первый язык — карельский».

Русский язык и раньше, и сейчас значительно чаще используется при разговоре с родителями. Доля матерей и отцов, использовавших русский при общении с детьми во времена детства наших респондентов, практически совпадает: 71,7% респондентов сообщили, что отец говорил с ними по-русски, а 71,5% указали, что по-русски с ними говорила мать. На сегодняшний день доля родителей, которые разговаривают с детьми на русском языке, еще более увеличилась. Это касается, в особенности, отцов. 87,4% респондентов сообщили, что в настоящее время их мать говорит с ними по-русски. Подавляющее большинство респондентов (92,2%) ответили, что в настоящее время русский язык в разговоре с ними использует их отец.

В настоящее время респонденты используют оба языка — **карельский и русский чаще всего при общении с матерью. Пользование обоими** языками (**карельским и русским) с отцом или с бабушкой и дедушкой менее типично.** Только около пятой части респондентов используют или использовали в прошлом карельский и русский языки при общении с бабушками и дедушками: 20,9% с родителями матери и 18,6% родителями отца. Использование обоих языков было наиболее характерно для матерей. По мнению респондентов, доля матерей использующих оба языка в настоящее время еще выше (36,6%), чем это имело место в их детстве (28,1%). Когда наши респонденты были детьми, русским и карельским пользовались при общении с отцом 20,1% респондентов. Доля отцов

использующих оба языка с респондентами увеличилась к настоящему времени до 21,6%.

(7) RU-KRL-IIAG4F:
muamo kudai minul oli ven'alaine - - häi oli opastunu karjalan kielen mindäh sendäh tuli umbiven'alaine karjalaizeh küläh i oli o- opastunu jo karjalaks pagizemah. sikse muamo pagizi jo minunkel karjalakse - - vahnembien veljilöinkel da sizarienkel häi pagizi ven'ua - - häi tuli silloi se ei malttanuh vie karjalakse
«Моя мать, которая была русской, выучила карельский язык. Она приехала, как русская, в карельскую деревню и выучила карельский язык, поэтому со мной она говорила по-карельски. С моими старшими братьями и сестрами она говорила на русском языке, потому что когда она приехала, она не еще не знала карельского.»

В настоящее время очень мало кто из родителей наших респондентов пользуется исключительно карельским языком. В период детства наших респондентов чуть более четверти матерей (28,8%) и отцов (28,3%) использовали при общении с ними исключительно карельский. В настоящее же время только 11,5% матерей и 7,8% отцов говорят с респондентами только по-карельски.

Некоторые бабушки и дедушки использовали финский и некоторые другие языки при общении с респондентами. Другие языки, помимо карельского, русского и финского, использовались 2,5% родителей матери и 1,8% родителей отца. Это были: литовский, белорусский, польский, украинский, чувашский и вепсский языки. Два отца говорили с респондентами на трех языках: русском, карельском и финском. В настоящее время есть сведения об одной матери, которая пользуется при общении с респондентом каким-то другим языком.

Подавляющее большинство респондентов используют со своими детьми русский язык. Наиболее типичным языком, используемым в разговоре с детьми, был русский. 93,5% респондентов ответили, что говорят с детьми по-русски. Не наблюдается никаких существенных различий, идет ли речь о старших детях (87,2%) или младших (86,9%). Особенно высока была доля родителей (98,6%), кто ответил, что использует с детьми русский язык, если в семье был только один ребенок.

Если рассмотреть данные по использованию языков между **поколениями, становится очевидным, что доля родителей, использующих карельский** при общении **с детьми, стремительно уменьшается.** В то время как большинство бабушек и дедушек с материнской (81,6%) и отцовской (75,3%) сторон говорят или

говорили со своими внуками по-карельски, доля родителей, использующих карельский, гораздо меньше. Это особенно касается современной ситуации: только 48,1% респондентов сообщили, что их мать использует при общении с ними карельский язык, и лишь 29,4%, указали, что их отец по-прежнему говорит с ними по-карельски. См. Рисунок 8 ниже.

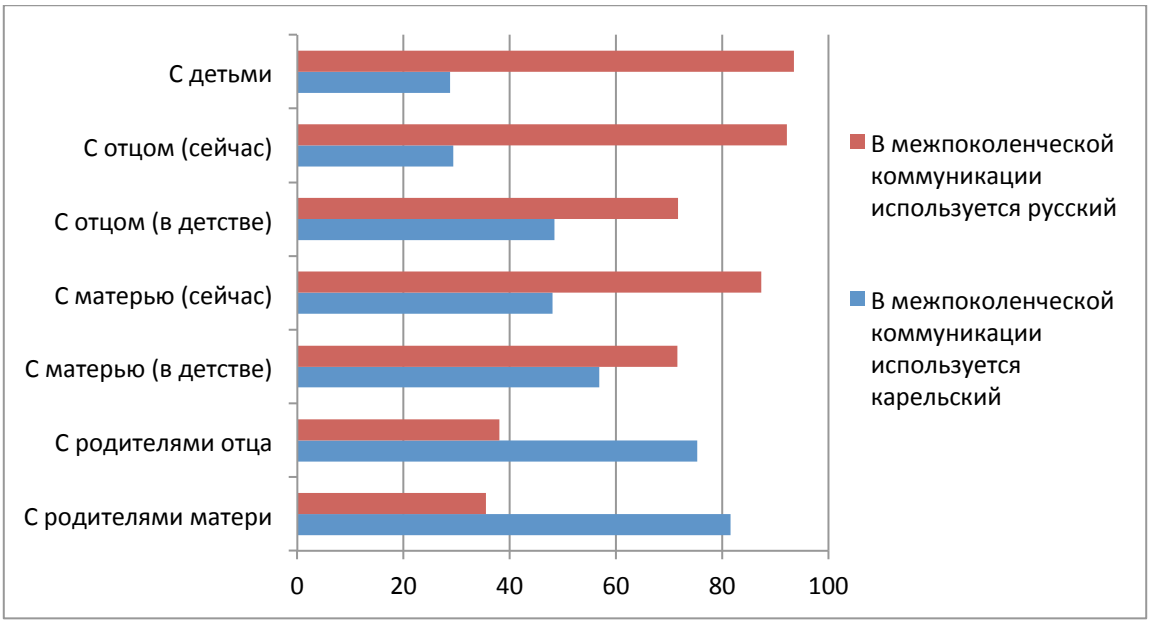

Рис. 8: Использование языков между поколениями, %

Как показано на следующем рисунке 9 доля членов семьи, использующих карельский (исключительно или в дополнение к русскому), быстро уменьшается по отношению к младшим возрастным группам.

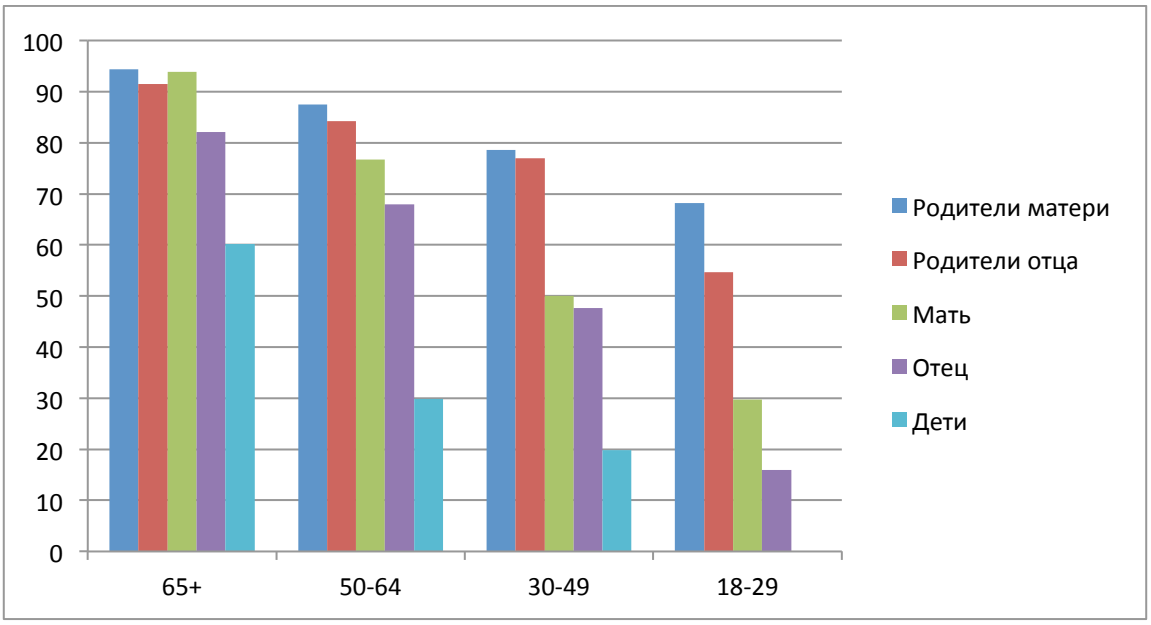

Рис. 9: Межпоколенческое использование карельского в зависимости от возраста респондентов

Аналогичная тенденция наблюдается почти во всех наших интервью. На карельском языке говорили с бабушками и дедушками, которые сами пользовались этим языком. Родители респондентов старшей возрастной группы говорили по-карельски. Однако некоторые из них говорили на карельском языке только между собой, а с детьми говорили по-русски. Чем моложе поколение, тем более типична русская речь, обращенная к ребенку. Похоже, что в настоящее время многие пытаются использовать карельский, общаясь со своими детьми, но чаще всего дети не в состоянии ответить по-карельски, не смотря на то, что есть несколько исключений.

(8) RU-KRL-FG-AG2AG3-05F:
pahakse mielekse en omale poijal opastannuh karjalua, sit toiči häi minuu moittiu nygöi - - sanou no miksebo sinä et paissuh minunkel. nygöi ku mama lähti penziel kois istuu a häi ainos nygöi pagizou karjalakse ku tulemmo sinne kyläh, sit mama vai karjalua karjalua, häi ellendä ei midän, sit čakkuau minuu: miksebo miksebo minuu et opastannuh. a mama sanou što nygöi pidäy alloittua davai vähäizel sanat panemmo piäh, sit erähät sanot mustau da ei pagize.
«К сожалению, я не научила своего сына карельскому, и сейчас он иногда меня за это ругает. Говорит, почему вы не говорили со мной. Теперь, когда моя мама на пенсии и дома, она говорит только по-карельски, когда мы приезжаем к ней в гости. Мать говорит только по-карельски, и он ничего не понимает, а потом винит меня: почему вы меня не учили? И мать говорит,

что мы должны начать сейчас, пусть у него в голове будет несколько слов. Теперь он знает несколько слов, но не говорит».

Примерно равные доли родителей наших респондентов говорили между собой по-карельски и по-русски. Нет больших различий в доле родителей, которые говорили между собой по-карельски (67,5%) или по-русски (61,3%). Более четверти родителей (27,4%) пользовались как карельским, так и русским языками при коммуникации друг с другом. Лишь несколько пар (1,5%) использовали также финский язык.

Подавляющее большинство респондентов (85,4%) ответили, что при общении со своими братьями и сестрами они используют русский язык. Число тех, кто говорит со своими братьями и сестрами по-карельски, значительно меньше (44,8%). Менее трети респондентов (31,8%) ответили, что они используют более одного языка при коммуникации со своими братьями и сестрами. У нескольких респондентов вторым языком, используемым при общении с братьями и сестрами, был финский (1,9%) или английский (0,4%).

Подавляющее большинство респондентов(88.4%) указали, что при общении с супругом/супругой говорят по-русски. Менее одной трети респондентов (29.8%) ответили, что в этой ситуации используют карельский язык. Доля респондентов, использующих при общении с супругом/супругой два языка, была равна 22.3%. Обычно это были русский и карельский. Некоторые респонденты, которые использовали два языка, заметили, что переходят на другой язык в зависимости от окружения или обстоятельств. Кроме того, 5.1% респондентов ответили, что используют финский, а 1.4% — что используют английский при общении с супругом/супругой.

Сравнение данных по поколениям показывает, что доля **пар, использующих карельский** при общении **друг с другом, сократилась вдвое**, а доля **использующих русский значительно возросла.** Сравнение использования языков родителями респондентов между собой и респондентов со своими супругами четко демонстрирует, что доля пар, использующих карельский, уменьшается, а доля тех, кто использует русский, стремительно растет. Анализ статистических данных по поколениям показывает, что доля пар, использующих русский друг с другом, увеличилась с 61,3% до 88,4%, а доля пар, использующих карельский, уменьшилась более чем вдвое с 67,5% до 29,8%.

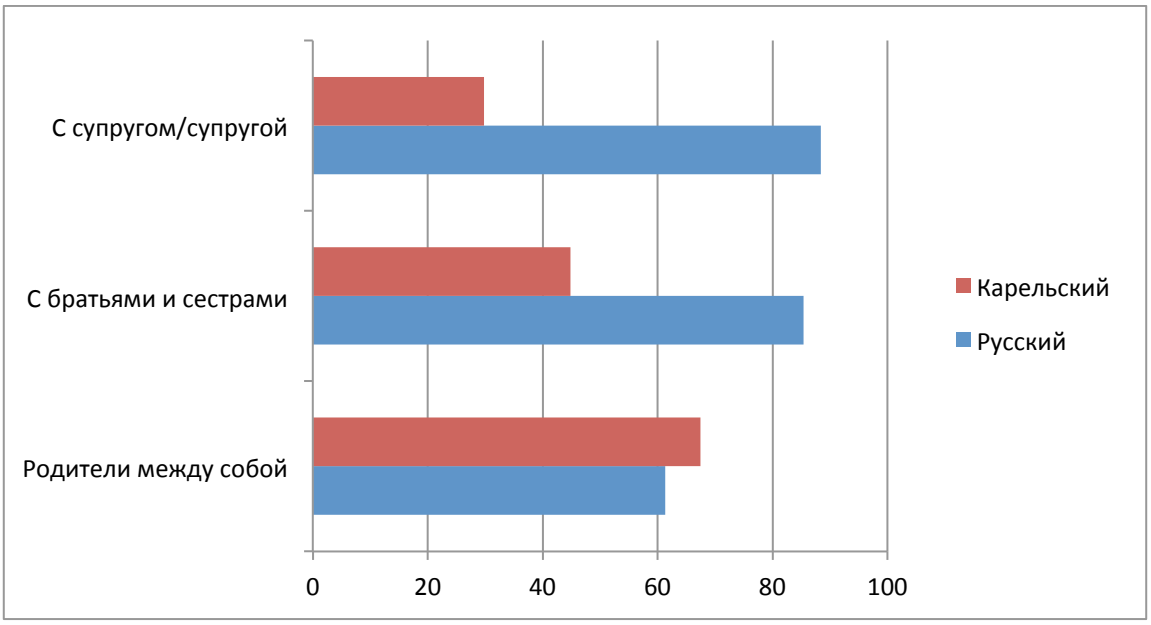

Рис. 10: Использование языков по поколениям, %

Значительное число респондентов из **контрольной группы использовали карельский, вепсский и финский** при общении **с родителями или бабушками и дедушками.** Респондентов контрольной группы также спрашивали, пользовались ли они в детстве другими языками помимо русского в семейном общении с бабушками и дедушками или с родителями. Судя по их ответам, в контрольную группу в действительности вошло некоторое количество представителей карельского меньшинства. Из 302 респондентов 31 человек ответили, что использовали карельский при общении с родителями или бабушками и дедушками, 21 — использовали вепсский и 14 — использовали финский. Это означает, что, по крайней мере, 10,3% респондентов контрольной группы имели карельское, 6,9% вепсское и 4,6% финское происхождение. Другие респонденты контрольной группы указали следующие языки: украинский (5 человек), белорусский (7), польский (2), армянский (1), азербайджанский (1), чувашский (1), коми (1), болгарский (1) и английский (1). В некоторых семьях говорили на двух языках, помимо русского: на карельском и финском (3 респондента), вепсском и белорусском, украинском и польском и чувашском и коми. В одной семье помимо русского использовались три языка: вепсский, карельский и финский.

Подавляющее большинство **респондентов контрольной группы используют русский язык** при общении **с супругом/супругой**, но **было несколько пар, использующих другие языки, такие как карельский и вепсский**. Респондентам контрольной группы также был задан вопрос о языке или языках, используемых при общении с супругом/супругой. Большинство из них (175 человек, или 94,1%)

ответили, что языком общения является русский. Доля респондентов, которые указали другие языки, используемые при общении с супругом/супругой, составила 5,9%. Были названы такие языки: карельский (4 респондента), вепсский (2), азербайджанский (1), армянский (2), украинский (1) и английский (1). Один из респондентов сообщил об использовании при общении с супругой двух языков, азербайджанского и английского.

4.3.1.3 Самооценка языковой компетенции

В связи с использованием метода **выборки почти все респонденты из группы карельского меньшинства имели,** по крайней мере, **пассивное знание карельского языка.** Это резко отличается от результатов всеобщей переписи населения в Карелии, по данным которой в 2010 г. примерно 42% из тех, кто считает себя карелом, были способны хотя бы на каком-то уровне говорить по-карельски. В наших данных почти все понимают карельский язык в какой-то степени, но 13% респондентов вообще на нем не говорят. Трое из четырех респондентов способны читать по-карельски, большинство, по их собственной оценке, достаточно хорошо. Однако более трети респондентов вообще не умеют писать на карельском языке. Чем старше респондент, тем обычно более свободно она владеет разговорным карельским. Напротив, компетенция в письменном языке, особенно навыки письма, оцениваются как наиболее слабые взрослыми в возрасте 30-49 лет.

Почти две трети респондентов указали, что понимают олонецкий карельский свободно или хорошо. При этом 20,9% ответили, что понимают олонецкий карельской удовлетворительно и 13,0%, что плохо. Только 14 респондентов (4,8%) ответили, что они вообще не понимают этот язык. Почти половина респондентов говорят по-карельски свободно или хорошо. Пятая часть (21,1%) опрошенных сообщили, что говорят на нем свободно, и более четверти (28,6%) — хорошо. Доля тех, кто назвал карельской своим первым языком (52,4%), несколько больше, однако мы не знаем в точности, все ли свободно владеющие карельским, являются теми, кто указал его своим первым языком. 16,7% сообщили, что говорят удовлетворительно, и 20,4%, что плохо. 39 человек (13,2%) сообщили, что совсем не говорят на олонецком карельском.

Пассивное владение карельским еще более заметно при обращении к письменному языку. Почти половина респондентов читают на олонецком карельском свободно (22,6%) или хорошо (24,3%). Для сравнения, треть респондентов ответила, что они пишут на олонецком карельском свободно (13,1%)

или хорошо (17,6%). Почти 40% респондентов читают на олонецком карельском удовлетворительно (20,9%) или плохо (17,8%). Одна треть респондентов ответили, что пишут по-карельски удовлетворительно (15,5%) или плохо (19,7%). 42 респондента (14,4%) сообщили, что совсем не умеют читать по-карельски, а чуть более трети респондентов (99 человек, 34,1%) ответили, что вообще не умеют писать.

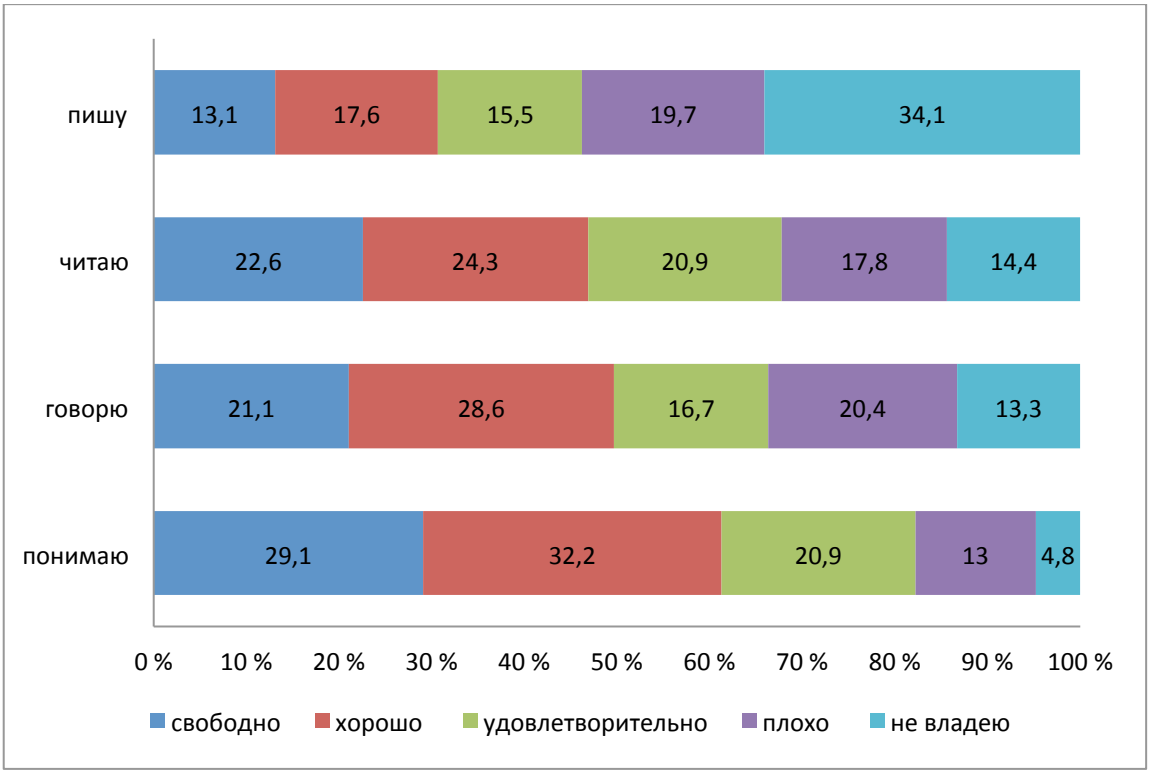

Рис. 11: Уровни владения карельским языком, %

При оценке степени владения карельским языком возраст респондентов играет важнейшую роль, и этот факт полностью соответствует тому, что было сказано о современной ситуации с карельским языком в других разделах (см. 2.3.2). **Чем старше респонденты, тем чаще они оценивают свое владение разговорным карельским как свободное. Напротив, навыки чтения и письма, особенно письмо, оцениваются как слабые, особенно взрослыми в возрасте 30-49 лет.** Как видно на следующем рисунке 12, респонденты из самой старшей возрастной группы оценивают свою способность понимать и говорить по-карельски чаще всего очень высоко (свободное владение), это касается и следующего по старшинству поколения.

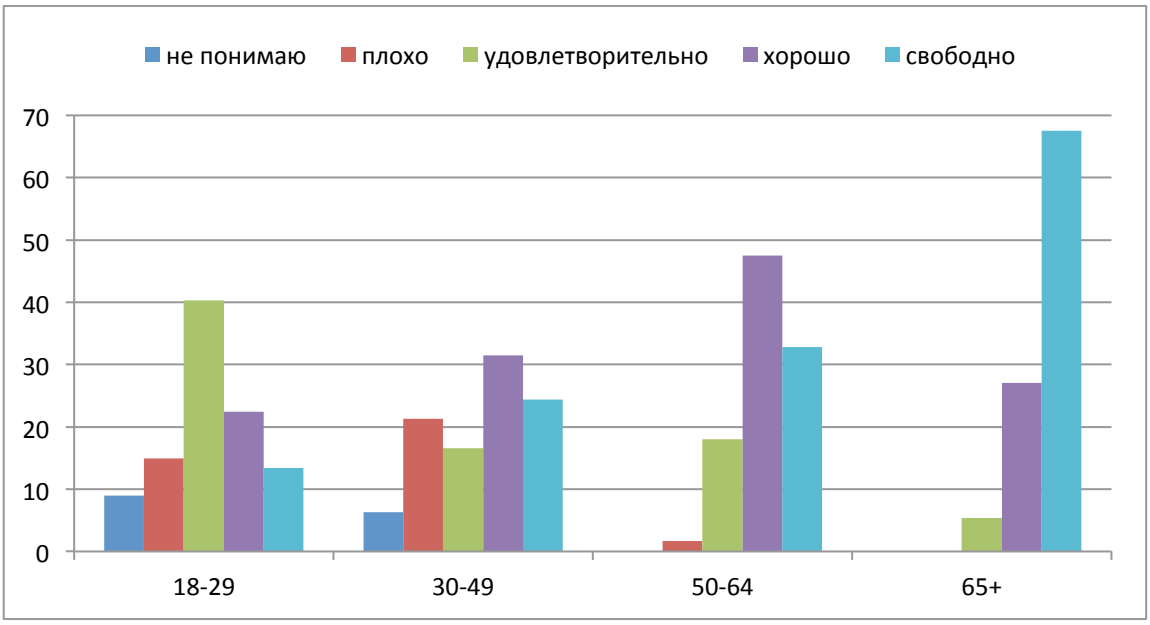

Рис. 12: Указанный уровень понимания по-карельски в зависимости от возраста, %

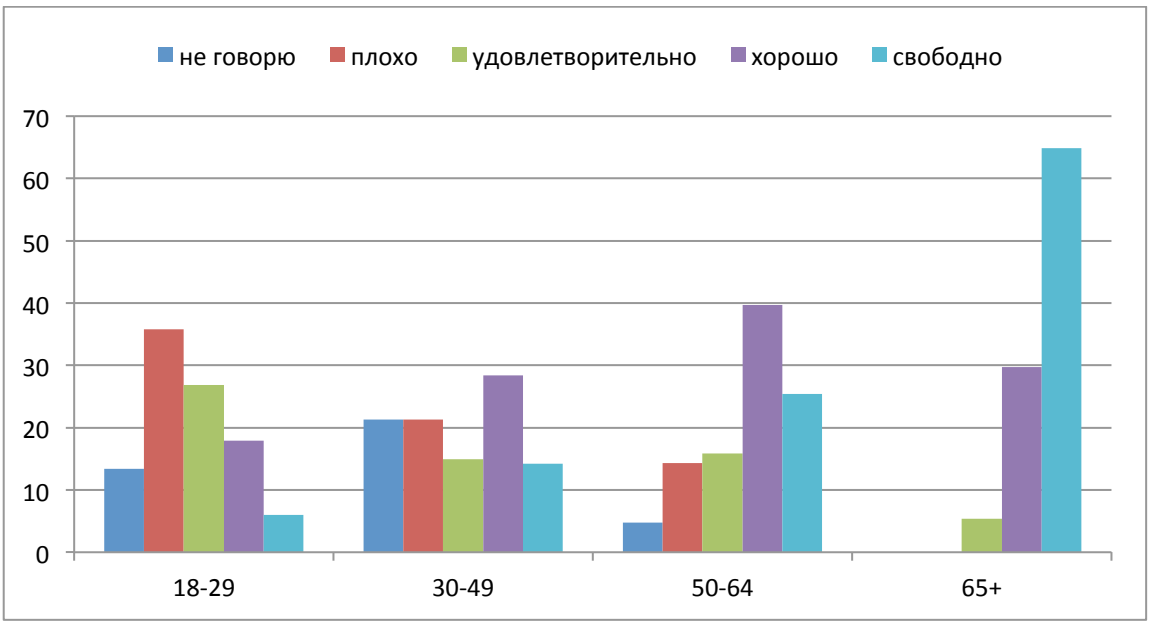

Рис. 13: Указанный уровень способности говорить по-карельски в зависимости от возраста, %

Как показывают приведенные выше цифры, существует заметное различие в степени беглости между двумя старшими возрастными группами в соответствии с их собственной оценкой уровня владения устным карельским. Такая существенная разница в самооценке степени владения языком отражает резкое снижение межпоколенческой передачи карельского языка в 1960-х гг., предпосылки для чего создавались уже в 1950-х гг. в период угнетения малых народов в СССР (см.

Sarhimaa 1999: 49). Насильственная коллективизация (возникновение колхозов, совхозов, и больших сборных деревень) заставила многих карел переехать из их (карельских) деревень в многонациональные центральные усадьбы. В то же время приток русских и белорусских рабочих мигрантов изменил языковой ландшафт прилегающих районов и значительно усилил использование русского языка в 1950-1960 гг. (См., например, Laine 2001: 58-59). Наиболее пожилые из респондентов родились самое раннее в 1946 г. Они, соответственно, принадлежат к последнему поколению, которое воспитывалось преимущественно в одноязычных карельских языковых сообществах.

Две младшие возрастные группы из наших данных не так хорошо вписываются в ожидаемую схему уменьшения свободы владения карельским языком, несмотря на общие знания (см. п. 2.3) и отношение к языку, освещенное в предыдущих разделах (см. Отношение к языку):

(9) RU-KRL-IIAG4M:
harvah vähän löüdüü semmostu nuortu ristikanzuokudai vois paista karjalan kielel eri azijolois
«Редко можно встретить молодого человека, который был бы способен говорить по-карельски на разные темы».

Это может быть связано с несколькими причинами. Во-первых, наша выборка не объективна: самая младшая возрастная группа состоит из 63 респондентов, которые, вероятно, отбирались более тщательно, поскольку среди молодежи знание карельского языка — редкость. Во второй по возрасту группе почти в два раза больше респондентов (119), и она состоит не только из таких исключительных носителей карельского языка. Во-вторых, самооценка степени свободы во владении карельским языком, вероятно, зависит от того, с кем сравнивается собственная компетенция. Эти молодые люди могут говорить и понимать по-карельски лучше, чем подавляющее большинство людей их возраста. Среди их знакомых может даже и не быть по-настоящему компетентных носителей карельского. Следующий отрывок беседы между студенткой, изучающей карельский язык, ее преподавателем и интервьюером демонстрирует языковую некомпетентность молодой студентки, которая считает карельский родным языком, но имеет возможность говорить по-карельски только с несколькими знакомыми.

(10) RU-KRL-FGAG 1-08F:
minun oma kieli da muamankieli on karjalan kieli
«Мой язык и мой родной язык — карельский».
Интервьюер:
a mibo sit sinul on ven'an kieli, mibo se on sinun elaijas?
«А что для тебя русский язык, какую роль он играет в твоей жизни?»
RU-KRL-FGAG 1-08F:
nu tiettäväine minä enembi paistan – ven'aks pagizen
«Ну, конечно, я жарю [*paistan*] говорю [исправляет себя: *pagizen*] больше по-русски».
Преподаватель карельского языка:
pagizen, tiijät kui sanoa oigei
«*Я говорю*, ты же знаешь, как правильно сказать».
RU-KRL-FGAG 1-08F:
minä pagizen enembi ven'akse kui karjalakse, muga sendäh gu ülen vähän rahvastu on kuduat ellendetäh karjalan kieldü da maltetah da nu se on
«Я больше говорю по-русски, чем по-карельски, потому что очень мало людей, которые понимают или изучают карельский язык».
Интервьюер:
no üksikai sinun muamankieli oma kieli on karjalan kieli
«Но все равно твой родной язык, твой язык — карельский».
RU-KRL-FGAG 1-08F:
muga, vaigu maamankieli tiettäväine minä pais- pagizen karjalaloi ven'a
«Да, единственный родной язык, конечно, я жар.. говорю на карельском русском».

Как свидетельствуют следующие цифры, навыки чтения и письма оказываются более гетерогенными у разных возрастных групп. Тут есть несколько существенных соображений. В возрастной группе 30-49 лет — наибольшее количество тех, кто неграмотен на карельском языке. Почти половина из них вообще не умеет писать по-карельски. Интересно, что младшая возрастная группа, наоборот, считает, что более свободно владеет письменным карельским, чем устным. Это отчасти может быть связано со смещением выборки, о чем упоминалось выше, но это может быть также следствием возрождения карельского языка, и той положительной общественной оценки, которую оно недавно получило; следствием обучения языку и появления многочисленных публикаций в течение последних трех десятилетий.

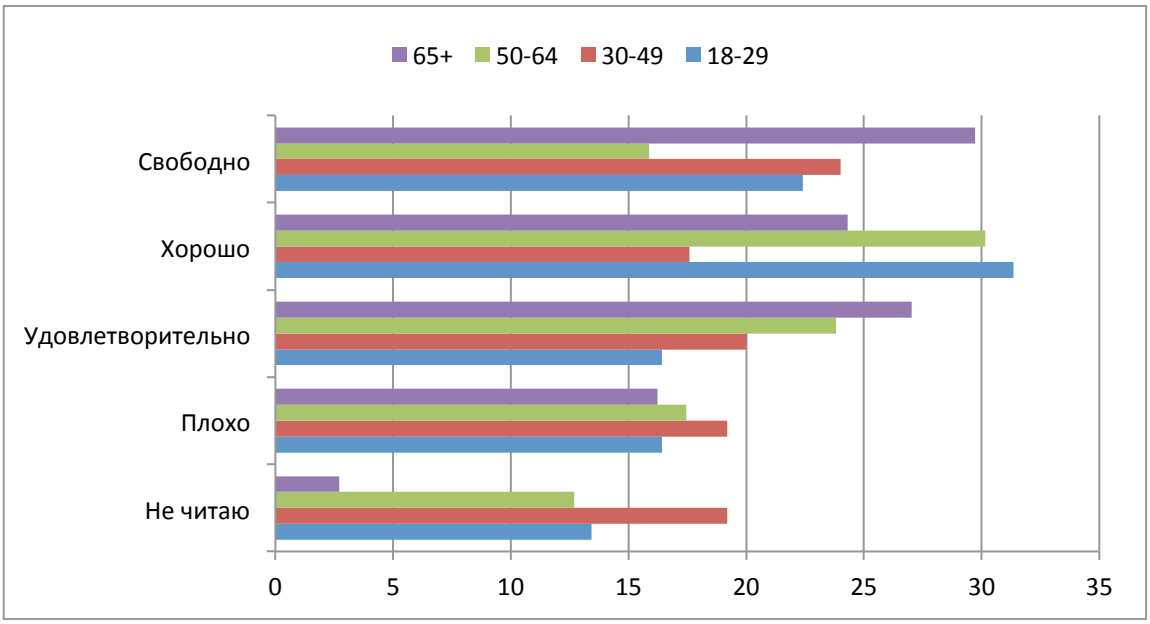

Рис. 14: Указанный уровень способности читать на карельском языке в зависимости от возраста, %

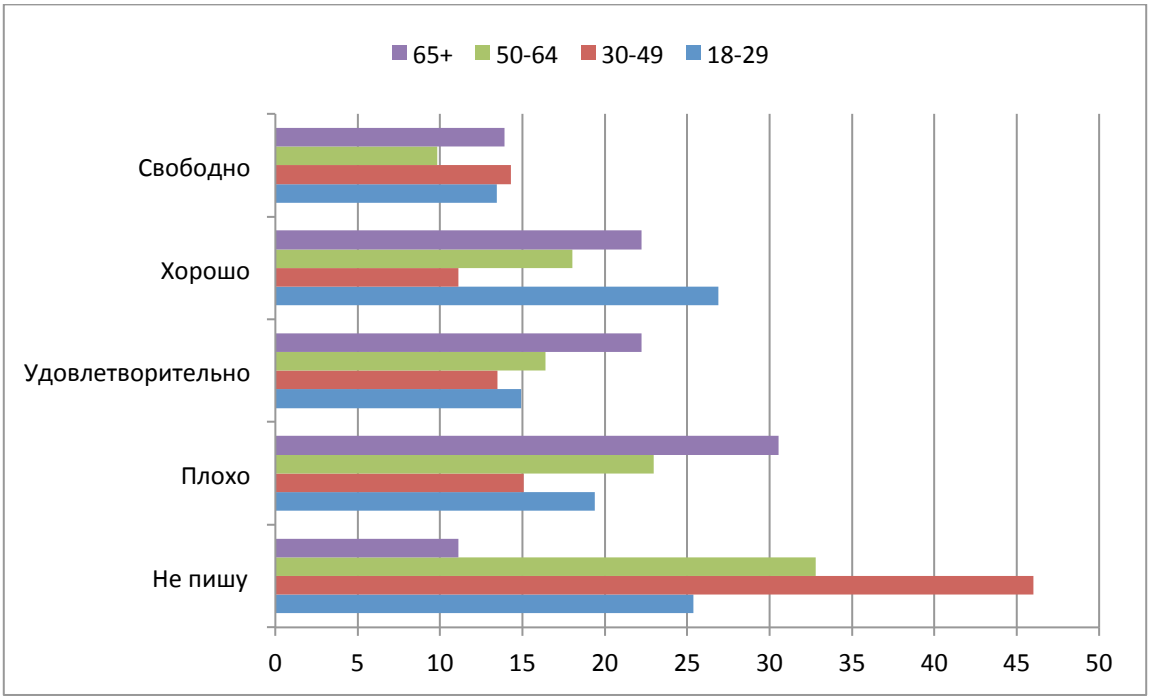

Рис. 15: Указанный уровень способности писать на карельском языке в зависимости от возраста, %

Следующая цитата демонстрирует, что такого рода возрастные различия в свободе владения карельским и вепсским языками считаются само собой разумеющимися также и респондентами контрольной группы.

(11) RU-RU-FG-CG-P:
Старшее поколение да конечно же двуязычно, молодые люди конечно же язык плохо знают. И в свою время вот когда я училась, то есть когда учились мои дети не преподавался ни финский ни карельский ни вепсский языки в школах да, то есть вот поэтому к сожалению выбора не было и говорили только на одном русском языке да, ну и иностранном языке, который, был в программе.

При сравнении самооценки степени владения карельским языком респондентами группы карельского меньшинства **с общей ситуацией (см. 2.3.1) языковой компетенции карел, выясняется, что не только** те, с кем мы проводили **интервью**, но и те, кто отвечал на **анкеты, представляют собой избранную группу карел, более свободно владеющих языком. Это, естественно, произошло по причине использовавшегося метода** выборки **(см. 3.2)**. Одним из основных различий между данными официальных переписей и выборочных обследований ELDIA является то, что официальные переписи России учитывают население всей страны, как городское, так и сельское, тогда как в проекте ELDIA собираются данные только по деревням, расположенным в местах традиционного расселения карельского языкового сообщества. Несмотря на отсутствие точных цифр о языковой компетенции в карельском языке тех, кто считает себя карелом, данные переписей от 2010 г. показывают, что не более 42% из них указывают, что в какой-то мере владеют карельским. В данных нашего выборочного опроса только 13,2% сообщили, что вообще не говорят по-карельски.

Что касается компетенции наших карельских **респондентов в других языках**, то, безусловно, **важнейшим языком** является русский, а не **карельский**. **Почти все респонденты владеют русским языком, по крайней мере, хорошо.** Подавляющее большинство из них **понимает и говорит**, читает и пишет на русском языке **по крайней мере хорошо, по их собственной оценке.** Большинство респондентов ответили, что понимают по-русски свободно (73,2%), или хорошо (24,7%). Только пять респондентов указали, что понимают по-русски лишь удовлетворительно, и один респондент заявил, что понимает по-русски плохо.

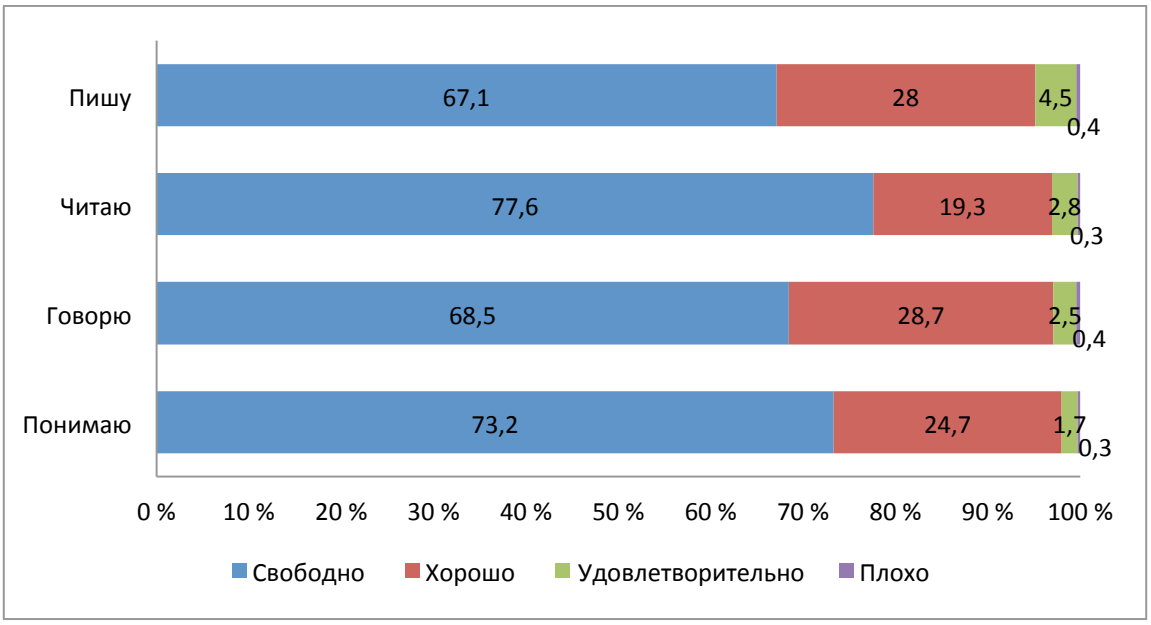

Рис. 16: Указанный уровень компетенции в русском языке, %

Учитывая возраст респондентов, можно предположить, что чем моложе респондент, тем более свободно он владеет русским языком. **Как и предсказывалось, именно в старшей возрастной группе есть люди, имеющие самую слабую компетенцию в русском языке.** Все остальные возрастные группы указывают, в основном, свободное владение устным русским языком, в том числе и люди старше 65 лет. Письменные навыки также оцениваются как «хорошие» большей частью респондентов, однако почти 30% из них оценивают свои навыки письма только как удовлетворительные. Выше всего оценивает свою компетенцию в русском языке возрастная группа 30-49 лет.

Финский является тем иностранным языком, которым наши карельские респонденты владеют лучше всего. Один из четырех понимает и говорит на финском языке, **по крайней мере, хорошо. Тем не менее, почти каждый четвертый** совсем **не знает финского.** Навыки в чтении и письме на финском языке кажутся особенно хорошими по контрасту с уровнем грамотности на карельском языке.

Некоторым из опрошенных задавался вопрос, помогает ли знание финского языка сохранению карельского. Многие считают, что финский может стать угрозой для обучения карельскому языку, так как он может вытеснить карельский (см. также, например, Kunnas & Arola 2010: 128 об отношении «русских» карел к финскому языку). Следующий рассказ является примером такого отношения.

(12) RU-KRL-IIAG3F:
Pientü bunukkua ruvettih puijoittamah päivükodih. - - Häi rubieu opastumah suomen kieldü. Mie sanoin: mittumuo suomen kieldü, oletgo sie tolkus vie. Sinä karjalainehäi olet, karjalaine, minä sanoin, opastakkaa karjalan kieldü lapsele älgää tüö nečidä. Gu suomen kielen häi oppii jällespäi sinähäi hänenkel pagizet kenbo rubieu suomeks pagizemah.
«Маленкая внучка поступала в детский сад. Она начнет учить финский язык. Я говорю: какой финский язык, ты в своем уме? Ты карел, карел, я говорю, учи ребенка карельскому, а не этому [финскому]. Потому что она выучит финский потом. Ты же будешь сейчас с ней разговаривать, а кто будет говорить с ней по-фински?»

Очевидно, что в последнем фрагменте собеседник чувствует, что изучение финского языка совсем не обязательно поможет сохранению карельского, как это иногда утверждают:

(13) RU-KRL-IIAG3F:
Gu müö tahtonemmo säilüä Karjalan tazavallaks, tahtonemmo säilüttiä karjalaizii, i se on meijän vastus. Minä sanon gu sidä pidää ga käättiä kui sanotah suomen kieldü sidä meile pidää opastua kelle se on muamankieli.
«Если мы хотим сохранить Республику Карелия, мы должны сохранять карельский язык, и это наша ответственность. Я говорю, также должен использоваться и, как бы вы сказали, финский язык, мы должны изучать язык, который является нашим родным языком».

Английский язык освоен карельскими **респондентами, как правило, удовлетворительно**. **Треть респондентов из группы карельского меньшинства вообще не знают английского языка.** Хорошо понимают по-английски лишь немногие из респондентов: только 13,2% ответили, что понимают английский язык хорошо, и лишь 8 человек (2,9%) указали, что понимают по-английски свободно. Большинство респондентов ответили, что понимают по-английски удовлетворительно (31,0%) или плохо (22,8%). 30,3% составили те, кто вообще не понимает по-английски.

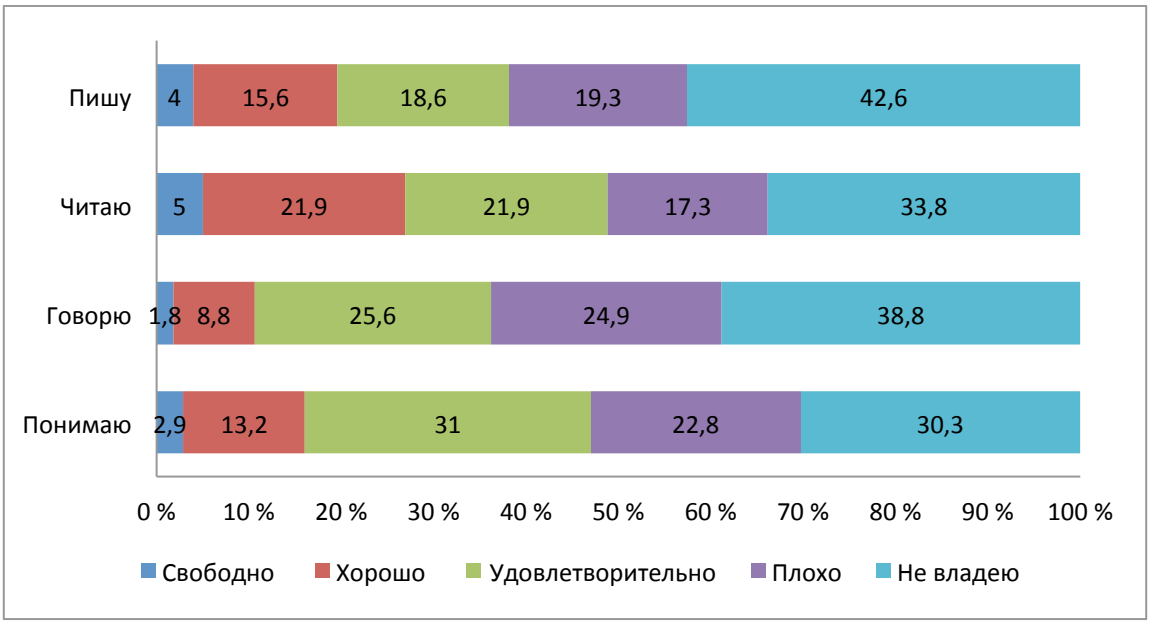

Рис. 17: Указанный уровень компетенции в английском языке, %

Среди карельских респондентов 90% не имели вообще никакой компетенции в немецком, французском или любом другом языке. 28 человек сообщили, что немного знают немецкий, 22 — французский. Из других языков чаще всего упоминался вепсский. Несколько респондентов указали также северный карельский как отдельный язык и, кроме того, один респондент указал, что свободно говорит по-людиковски. Были названы также: эстонский, итальянский, латышский, японский и латынь. Три респондента ответили, что чуть-чуть понимают по-шведски.

Респонденты **контрольной группы русским языком, естественно,** владели **свободно. Как мы знаем**, **293 человека из общего числа 305** человек, составлявших **контрольную группу респондентов, указали русский своим родным языком. Соответственно**, нашлось **меньше десяти человек, которые указали, что понимают**, **говорят и читают на русском языке** лишь «хорошо», а не «свободно»**. Кроме того, было два респондента, которые оценили свои навыки письма как «удовлетворительные».**

Имелись некоторые проблемы с переводом на русский язык анкеты для контрольной группы. Поэтому у нас нет данных о компетенции контрольной группы в английском языке, за исключением уровня понимания. Эти цифры означают, что владение английским языком в контрольной группе респондентов несколько выше, что, вероятно, объясняется лишь разницей в возрасте между группами.

Данные по контрольной группе показывают, что карельский язык присутствует и в жизни некоторых людей из русского большинства в Республике Карелия. Один из шести респондентов указал, что на каком-то уровне понимает по-карельски. Как отмечалось ранее, девять респондентов контрольной группы указали карельский родным языком. Каждый десятый из респондентов контрольной группы (30 человек) также понимает по-вепсски. Вепсский был указан родным языком двумя респондентами контрольной группы. Среди наиболее распространенных из трех прибалтийско-финских языков Республики, финский находится на втором месте после английского, когда речь идет о владении иностранными языками.

Среди респондентов контрольной группы есть также люди карельского происхождения.

Самым существенным различием в языковой компетенции между карелами и респондентами контрольной группы является их знание финского языка. В то время как среди карельских респондентов менее 25% вовсе не имеют никакой компетенции в финском языке, в контрольной же группе лишь чуть более 20% сообщили, что имеют какую-то компетенцию в финском языке. Тем не менее, близость финской границы и важность финского языка влияет и на респондентов контрольной группы, поскольку финский язык занимает второе место как наиболее известный иностранный язык после английского (см. также 2.5). Важность различных иностранных языков была оценена одним из интервьюируемых контрольной группы следующим образом:

(14) RU-RU-FG-CG-P:
Я просто показал насколько какие языки распространены у нас на территории Республики Карелия. Вот на втором месте идет английский язык.
S1:
Английский да и по анкетам это видно
S2:
Так ведь.
S1:
Вот финский тоже у нас популярен. Но при этом финны из всех знающих финский язык финны…
S2:
…сами финны. Среди карелов, особенно северных, финский язык он тоже так сказать не то, чтобы второй родной почти. Так вот да для северных карелов, поэтому вот видите. А дальше кто какой язык изучает, кому какой нужно вот те же белорусы, украинцы изучают финский язык за милую душу.

4.3.1.4 Конкретные области использования языков

Нашим карельским респондентам было предложено оценить степень использования языка в различных сферах жизни. Как известно, карельский язык, в основном, используется в неформальных сферах: с родственниками, дома, с друзьями и соседями. Как показано ниже на рисунке 18, наиболее распространенными областями, где используется карельский язык, оказались: дома (32,1%, часто или всегда), с родственниками (32,0%, часто или всегда), с друзьями (18,7%, часто или всегда) и с соседями (14,1%, часто или всегда). Работа, улица, общественные мероприятия также являются теми местами, где карельский язык используется, по крайней мере, «редко» примерно половиной респондентов — предположительно, это места, где можно встретить других карел. В официальных сферах использование карельского не поощряется. Подавляющее большинство (около 80%) респондентов никогда не использовали карельский язык в церкви, в библиотеке или с официальными лицами.

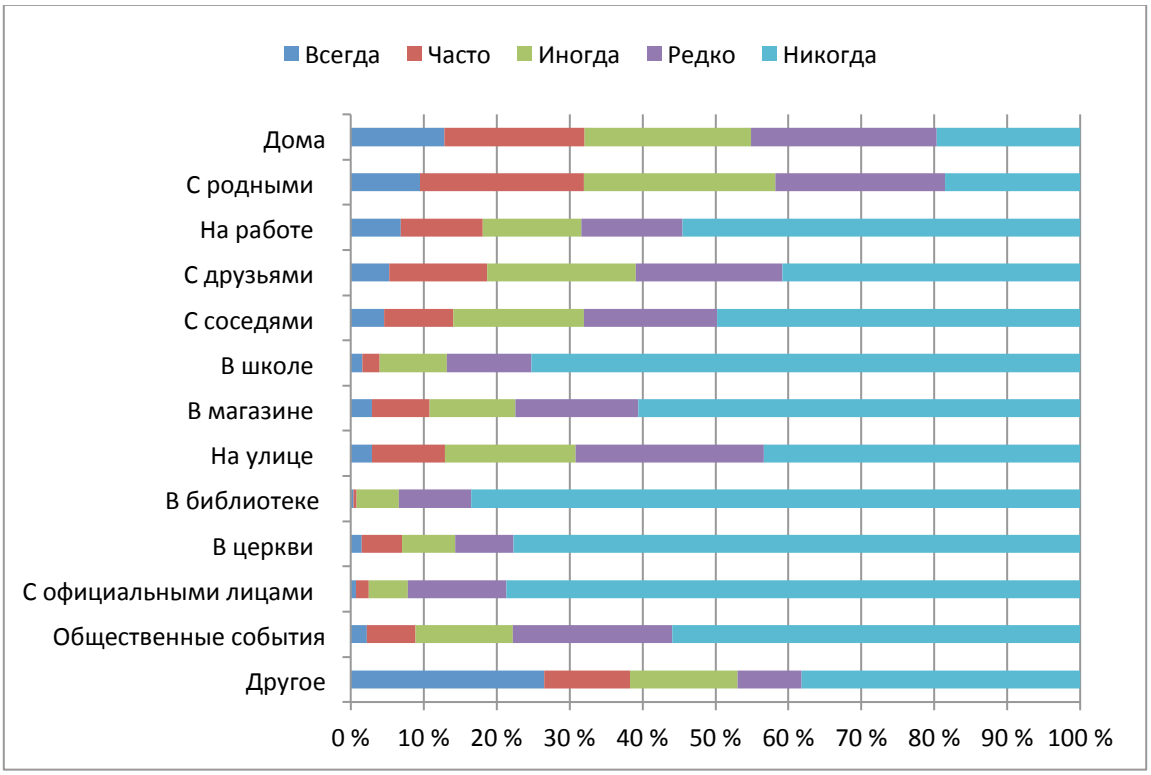

Рис. 18: Использование карельского языка в различных сферах, %

По общему мнению, карельский язык исчезает, поскольку он сначала стал домашним языком, а затем, когда носители покинули свои карельские деревни, было утрачено языковое сообщество, и произошел языковой сдвиг:

(15) RU-KRL-IIAG4M:
kuitah se kieli jäi ükskai perehes kodikielennü - - no konzu perehespäi muutti täh suurembih kohtih elää sie libo opastumah kunne lähtettih - - tiettäväine linnah tulduu pakko oli paista ven'an kielel
«Язык оставался домашним языком. Но если вы уехали из дома в более крупный центр или уехали учиться, конечно, вам пришлось говорить по-русски, приехав в город
Интервьюер:
a ongo Petroskois kebjei vai vaigei püzüö karjalazennu, ongo küläs kebiembi ?
«Но легко ли в Петрозаводске оставаться карелом, или это трудно? Легче в деревне?»
RU-KRL-IIAG4M:
küläs on äijän kebiembi. täs on vaigiembi olla, sidä ümbäristöö kieliümbäristöö, niilöi ristikanzoi kuduat on kazvettu sit kieles
«Там намного проще, здесь труднее. Окружение, языковая среда тех людей, которые выросли с этим языком».

Русский язык доминирует во всех сферах жизни респондентов группы карельского меньшинства. Как видно ниже на рисунке 19, подавляющее большинство респондентов используют русский «всегда» во всех представленных сферах.

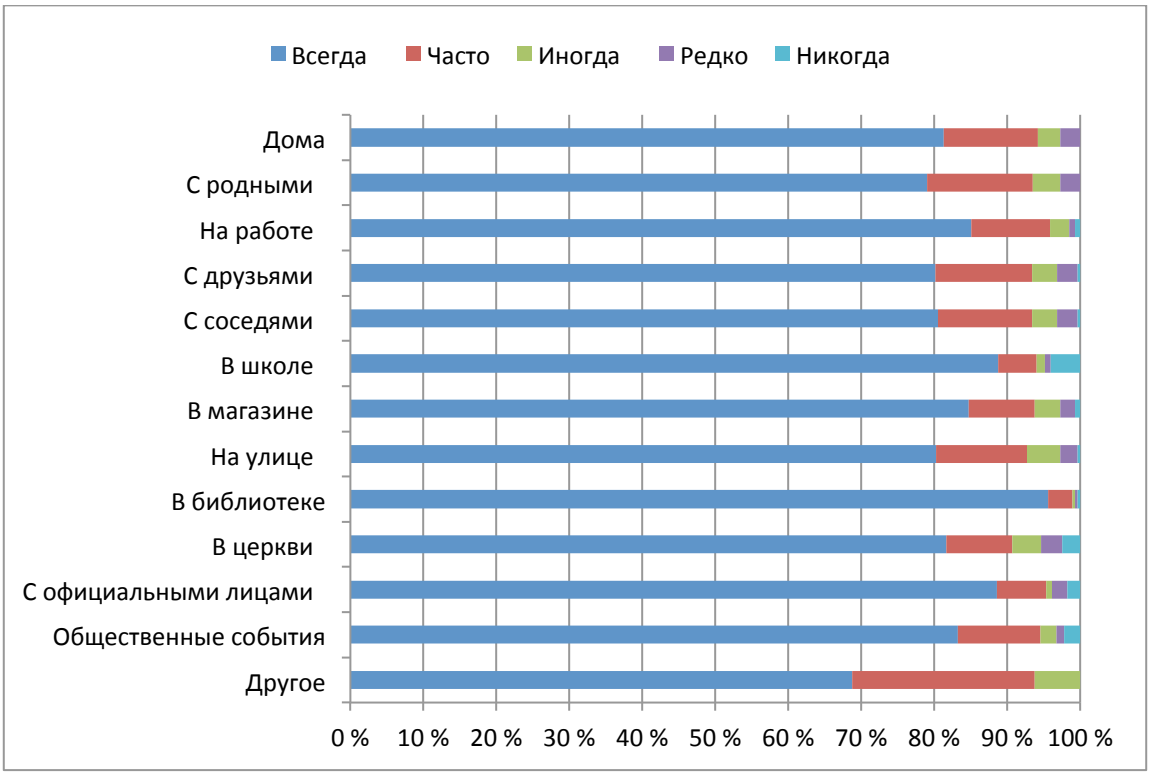

Рис. 19: Использование русского языка в различных сферах, %

Английский язык не играет важной роли в жизни карельских респондентов. Как видно из рисунка 20 ниже, более четырех человек из пяти никогда и ни в какой сфере не использует английский язык. Возможностей использовать английский язык в селах, городах или даже в городе Петрозаводске, по-видимому, очень мало, если только ты не учишься или не связан с ним по работе. В отличие большинства европейских стран, где английский является языком-посредником, по всей России языком-посредником между различными этническими группами служит русский язык. Кроме того, следует отметить, что количество ответов было очень небольшим: более 40% респондентов вообще не ответили на вопросы, касающиеся знания английского языка.

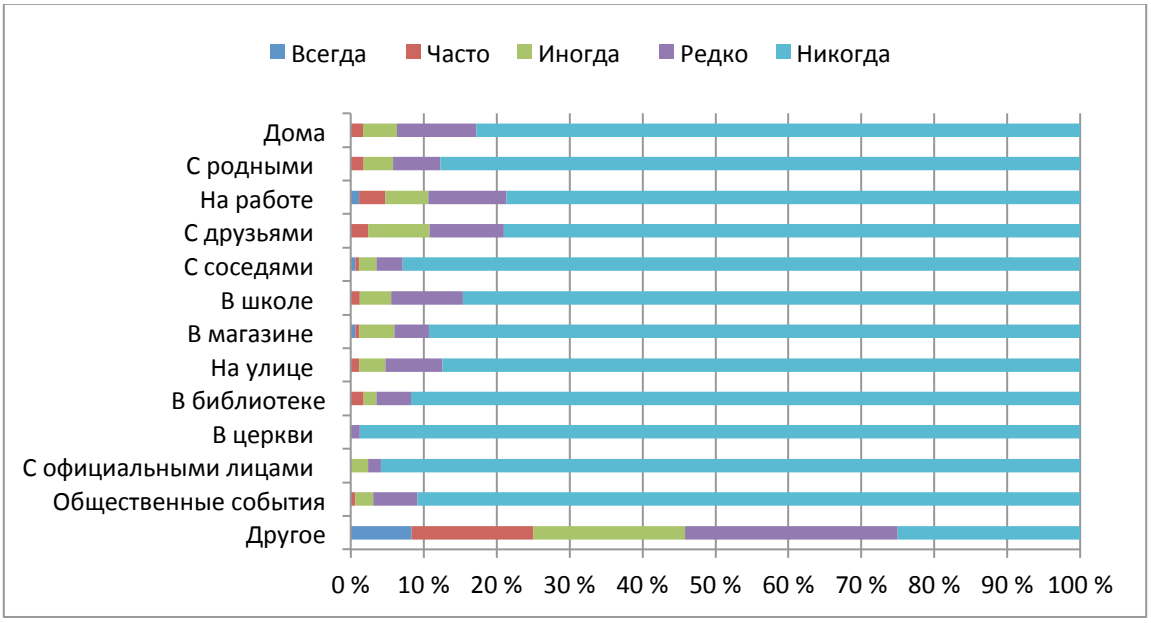

Рис. 20: Использование английского языка в различных сферах, %

Те же вопросы об использовании русского и английского языков в различных сферах были заданы респондентам из контрольной группы. Во всех сферах употребления у **респондентов контрольной группы также доминирует русский язык.** Различия между ответами двух групп респондентов — группы, представляющей карельское меньшинство, и контрольной группы — были незначительными. Большинство респондентов обеих групп сообщили, что всегда используют русский язык в указанных областях.

Английский язык также не играет значительной роли в жизни респондентов контрольной группы. Так же как и карельские респонденты, большинство респондентов контрольной группы никогда не используют английский язык в представленных сферах, хотя, возможно, доля респондентов контрольной группы, использующих английский, немного больше. Частота ответов на этот конкретный

вопрос также была очень низкой: более 60% респондентов контрольной группы вообще не ответили на вопросы, касающиеся знания английского языка.

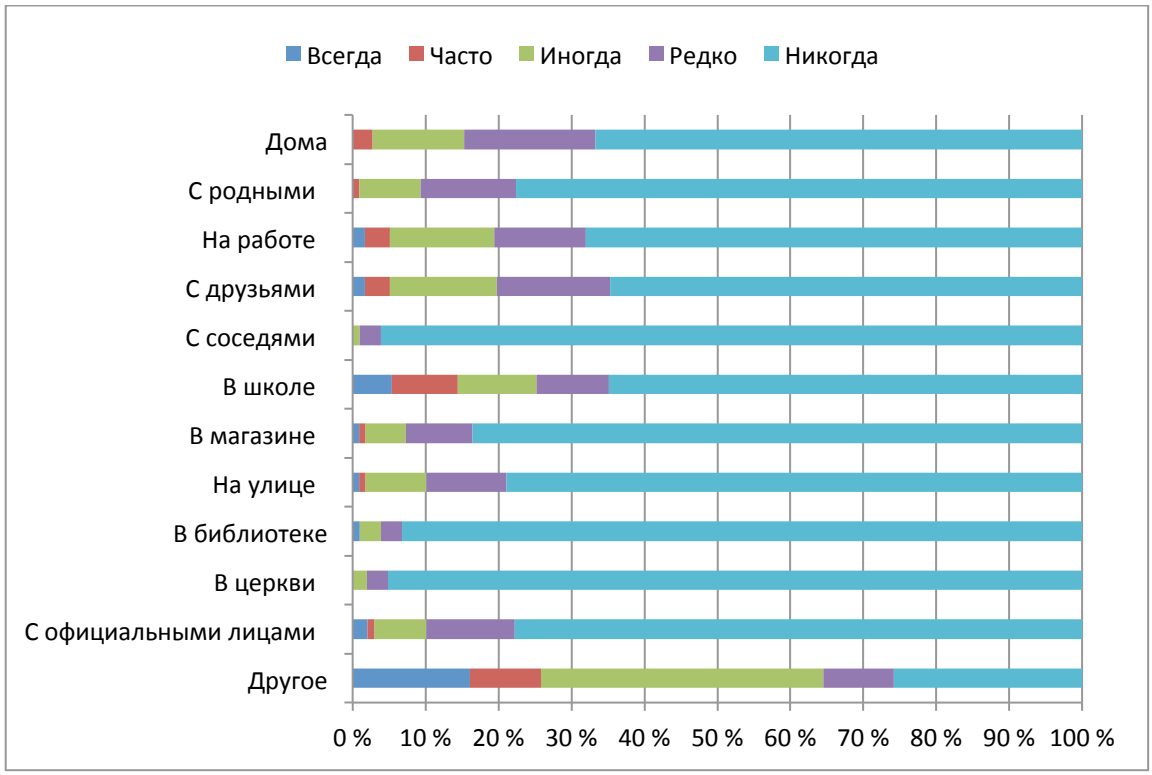

Рис. 21: Использование английского языка в различных сферах, контрольная группа, %

Нашим респондентам было предложено указать, в какой мере они согласны с утверждениями относительно использования карельского языка **в общественных сферах в России.** Во-первых, следует отметить, что перевод вопроса Q39 из карельской анкеты может быть интерпретирован двумя различными способами: в начале спрашивается, *используется* ли карельский языка в следующих сферах (*kui livvinkieldy käytetäh*), но дальнейшая часть переводятся в соответствии с целью данного вопроса, в каких областях карельский язык *должен использоваться* (*livvinkieli on käytettävy*).

По словам наших респондентов олонецкий карельский следует использовать на телевидении, в Интернете, в системе образования и в больницах, однако они не считают необходимым использовать этот язык в парламенте, в суде или в отделении полиции. Респонденты были наиболее единодушны в том, что карельский язык должен использоваться на телевидении: 90,8% респондентов согласились или частично согласились с этим утверждением. Система образования (87,1%), Интернет (61,9%) и больницы (56,8%) также оказались теми областями, где

использование карельского языка оказалось важным для большинства респондентов, которые согласились или частично согласились с этим. Вопрос об использовании карельского в официальных и правительственных учреждениях вызвал колебания: 41,5% респондентов не смогли ответить на вопрос, должен ли карельский язык использоваться в парламенте, 39,7% — должен ли он использоваться в суде и 47,6% — должен ли он использоваться в полицейском участке. Следует отметить, что доля респондентов из группы карельского меньшинства, которые были не согласны или частично не согласны с необходимостью использования карельского языка в этих более формальных институтах, была довольно высокой. 29,9% респондентов этой группы выступили против использования карельского языка в полиции, 21,2% — в суде, 19,7% — в парламенте, 16,4% — в больницах и 12,5% — в интернете. Полиция оказалась тем местом, использование карельского языка в котором было не поддержано большинством респондентов (против высказались 29,9%, за — 22,5%).

Один из интервьюируемых (AG4) считает, что нет никакого смысла в развитии карельского языка, чтобы сделать его пригодным для употребления в различных сферах, поскольку те, кто работает в государственных учреждениях — это все равно молодежь, не владеющая карельским языком.

(16) Интервьюер:
a kuibo sinä ajattelet ongo karjalan kieles sen verdua sanua gu paista ihan kaikki kaikis dielolois
«Как вы думаете, обладает ли карельский язык достаточным лексиконом, чтобы говорить на любые темы?»
RU-KRL-FG-AG4-08F:
ei ole, ei voi olla. a miksebo pidäy, kunnebo myö menemmö sen karjalan kielenker, laukkah, bol'niччah? nuoret ei paišta, a nygöi bol'ničois da školis da joga paikas on nuoret ruavos kolmekymmenviiživuodiaat. kusbo, kenenkerbo sit pagižemmo?
«Нет, не обладает и не может обладать. Откуда бы ему взяться, куда мы пойдем с нашим карельским языком, в магазин или в больницу? Молодые не говорят по-карельски, а сейчас в больницах и в школах работает молодежь. Где и с кем мы будем говорить?»

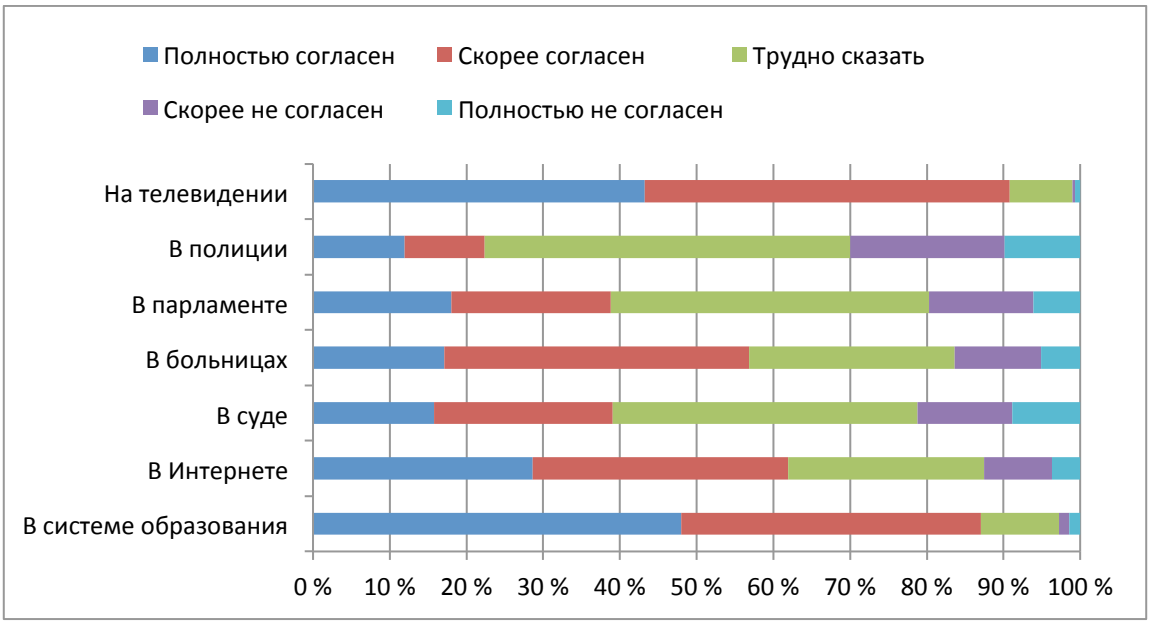

Рис. 22: Области, где мог бы использоваться карельский язык

Аналогичным образом, респондентам **контрольной группы было предложено указать**, **согласны ли они с предложением использовать карельский язык в публичной сфере в России (Q 23).** Респонденты не **сочли необходимым использование карельского языка в большинстве** указанных **областей. Важными посчитали только телевидение и систему образования.** Большинство респондентов контрольной группы согласились или частично согласились только относительно двух сфер: телевидения (73,2% респондентов) и системы образования (61,8%). Интернет рассматривается в качестве важной области 32,7% респондентов. Предложение использовать карельский язык в официальных и правительственных учреждениях вызвало неуверенность или рассматривалось как ненужное. Большинство респондентов затруднились ответить на эти вопросы. В целом, они чаще были против использования карельского языка в этих областях, чем за него. Так, 37,1% респондентов не согласны или частично не согласны, и только 18,4% согласны или частично согласны с утверждением, что карельский язык должен использоваться в больницах.

Ответы респондентов контрольной группы следовали тем же общим тенденциям, что и ответы респондентов группы карельского меньшинства: телевидение, Интернет и система образования рассматриваются как важные области, а остальные сферы — как неважные.

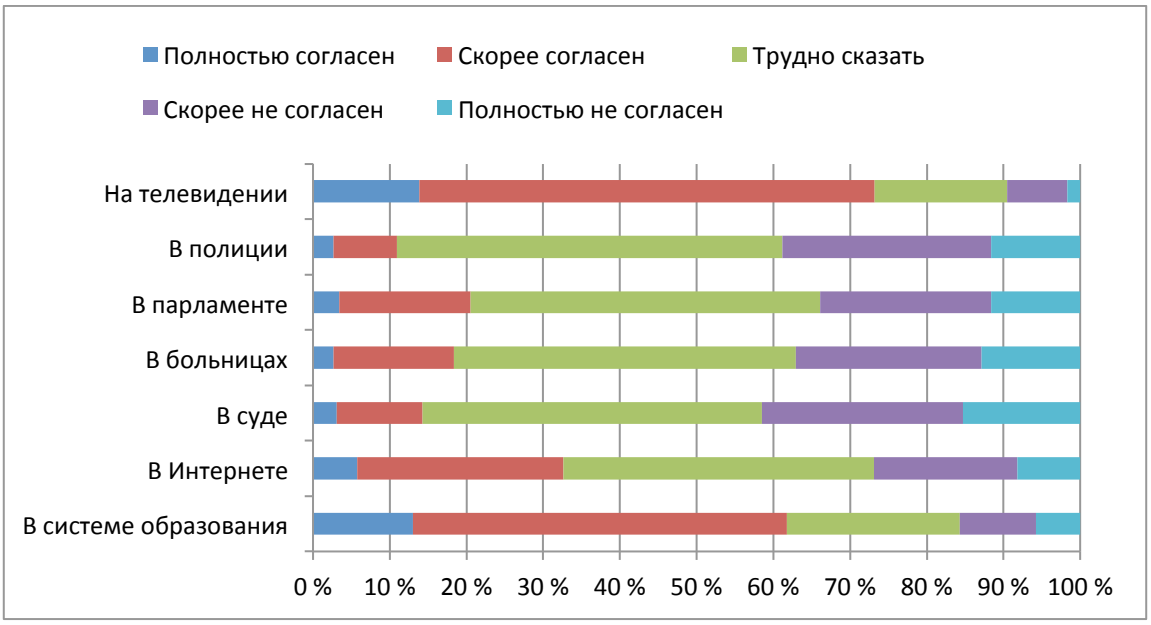

Рис. 23: Области, где мог бы использоваться карельский язык, контрольная группа.

Далее респондентам было предложен вопрос (Q59): легко ли пользоваться **олонецким карельским в большинстве ситуаций повседневной жизни России. Большинство респондентов считают**, что **в этих ситуациях олонецким карельским пользоваться не просто. При этом не все респонденты считают, что карельский** язык вообще **должен использоваться в таких ситуациях.** Подавляющее большинство респондентов (60,8%) ответили на вопрос (в Q59) так: олонецкий карельский не просто использовать в большинстве жизненных ситуаций. Таким образом, доля респондентов, которые считают использование карельского языка простым, составила только 39,2%. В целом, ситуации, где карельский используется или где он, по мнению респондентов, должен использоваться (Q39), оказываются скорее частными, а не общественными: телевидение, интернет, образование.

(17) RU-KRL-FG-AG2AG3-07F:
erähii dieloloi ylen helpoh sanot karjalakse i maltat parembi karjalakse sanuo. a ven'akse tiettäväine midä koskou sidä nennii politiekkua da kaikkii nennii aloi on tiettäväine helpombi paista ven'akse. a joga päiviä tiettäväine kebjiembi on paista karjalakse.
«Некоторые вещи очень легко сказать по-карельски, и даже лучше сказать по-карельски. Но по-русски, конечно, если речь идет о политике и подобных вещах, конечно, легче говорить на русском языке. Повседневные дела, конечно, проще обсуждать на карельском».
Интервьюер:
a mittumis dielolois on karjalakse kebjiembi paista?

«Что именно легче обсуждать по-карельски?»
RU-KRL-FG-AG2AG3-07F:
perehdielolois, ruadodielolois
«Семейные дела, дела, связанные с работой».
RU-KRL-FG-AG2AG3-09F:
no ruadodielolois on tiettäväine kebjiembi
«Конечно, проще говорить о том, что связано с работой».
RU-KRL-FG-AG2AG3-06F:
no sen kielensäilyttämizes dielolois - -
«Темы, связанные с сохранением языка».

Респондентам из **группы карельского меньшинства задавался вопрос о том, знают ли они о фактах использования олонецкого карельского в общественных сферах (**Q61). **Карельский используется на телевидении, радио**, в печатных **средствах массовой информации и** в **образовании.** Респондентам было предложено (в вопросе Q61) ответить, используется ли карельский язык в различных общественных сферах, таких как средства массовой информации, образование, в офисах и т.д. Подавляющее большинство респондентов были осведомлены о фактах использования карельского языка на телевидении (94,5%), на радио (93,2%), в печатных СМИ (91,2%) и в образовании (86,7%).

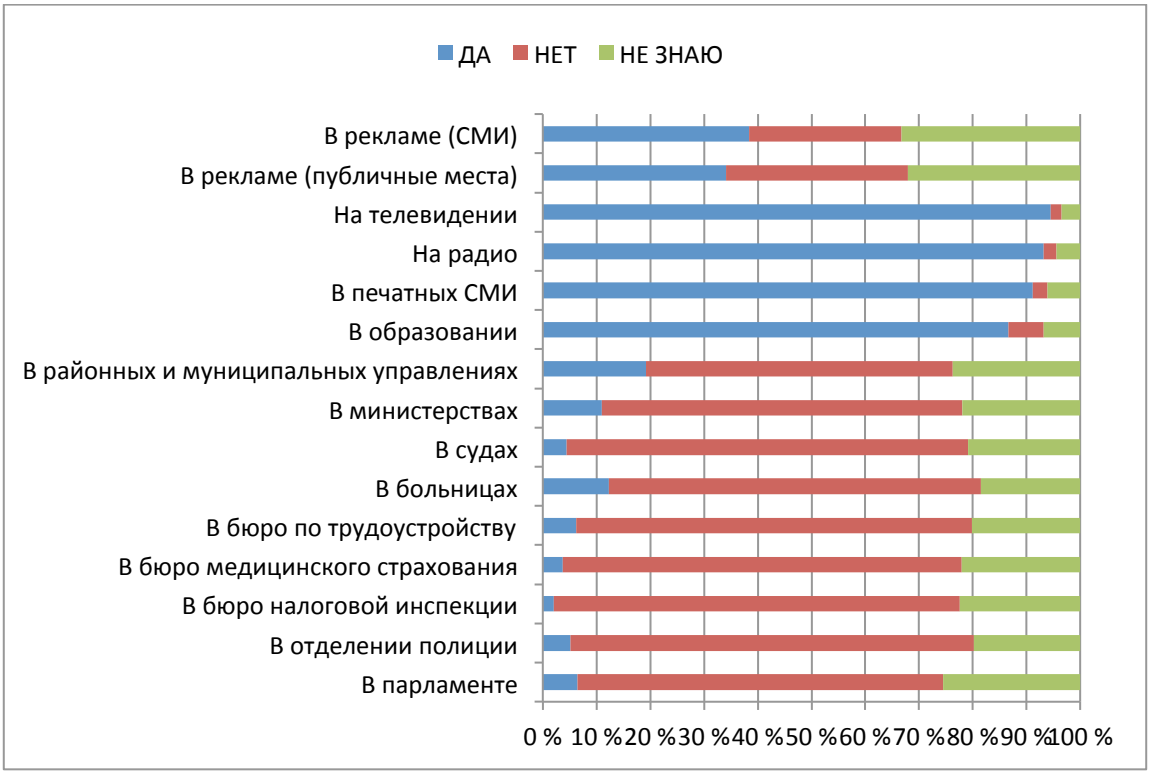

Рис. 24: Осведомленность о использовании карельского языка в России

При сопоставлении ответов на эти два вопроса — о сферах, где карельский язык должен использоваться (Q39) и где он реально используется (Q61) — мы наблюдаем единую тенденцию. По мнению респондентов, карельский язык используется на телевидении, радио, в печатных СМИ и в образовании, и он и должен использоваться именно в этих областях. Представляется, что респонденты фактически считают необходимым использование карельского в тех областях, где он уже используется. По-видимому, респондентам трудно представить себе ситуацию, когда официальные лица в отделении полиции или в суде будут говорить по-карельски. Тем не менее, в одной важной области, а именно в больнице, где, как считает большинство опрошенных (56,8%), карельский язык должен использоваться, на его реальное употребление указало незначительное меньшинство респондентов (12,3%). В особенности важным оказывается использование родного языка для пожилых людей в ситуациях, когда они особенно уязвимы, например, во время болезни.

(18) RU-KRL-FG -AG4-07F:
bol'niччah minä tulin mamankeu linnah. konzu mama oli elos häi nikonzu vračoilluo ei ollut. pideli v respublikanskoih bol'niччah tulla. myö tulimmo, häin vai bäl'bättäy karjalakse pagizou. häin ven'akse ei paissut. i sit minä sanon "mama sano kai minä sanon minä sit kiännän". a vračal san minä san prostikkua rauku minä san häi häi parembi sanou kai karjalakse gu ven'akse sit minä hänen käi kai kiännin
«Я повез мать в больницу в город. Когда мама была жива, она никогда не посещала врача. Мы должны были ехать в республиканскую больницу. Когда мы приехали, она говорила только по-карельски, она не владела русским языком. И тогда я сказал матери, что я буду переводить, а врачу я сказал, простите несчастную женщину, она говорит по-карельски лучше, чем по-русски, а потом я все переводил».

4.3.1.5 Языки и рынок рабочей силы

Свободное владение русским языком рассматривается как обязательное на русском рынке труда. Владение английским языком считается ценным качеством, но не все считают его необходимым. Респонденты из числа карельского меньшинства не считают владение карельским языком полезным на производстве. По-видимому, им довольно трудно совместить карельский язык и трудовую деятельность даже мысленно, поскольку значительная часть респондентов посчитала вопросы, касающиеся использования карельского языка на рынка труда, слишком сложными для ответа. Исключением были

только рабочие места, связанные с карельским языком и культурой — в университете или в карельских СМИ.

В целом, владение карельским языком не рассматривается как ценное качество на рынке труда нашими карельскими респондентами. Лишь примерно каждый десятый опрошенный согласился с утверждением, что знание карельского языка облегчило бы поиск первой работы, способствовало бы получению более высокой зарплаты, продвижению по службе или помогло бы сменить работу. Примерно каждый четвертый был категорически против утверждения, что на рынке труда можно извлечь пользу из владения карельским языком. Более одного из каждых трех респондентов посчитали эти вопросы слишком трудными для ответа, это может означать, что для большой группы респондентов использование карельского языка в трудовой сфере звучит как нечто нереалистичное.

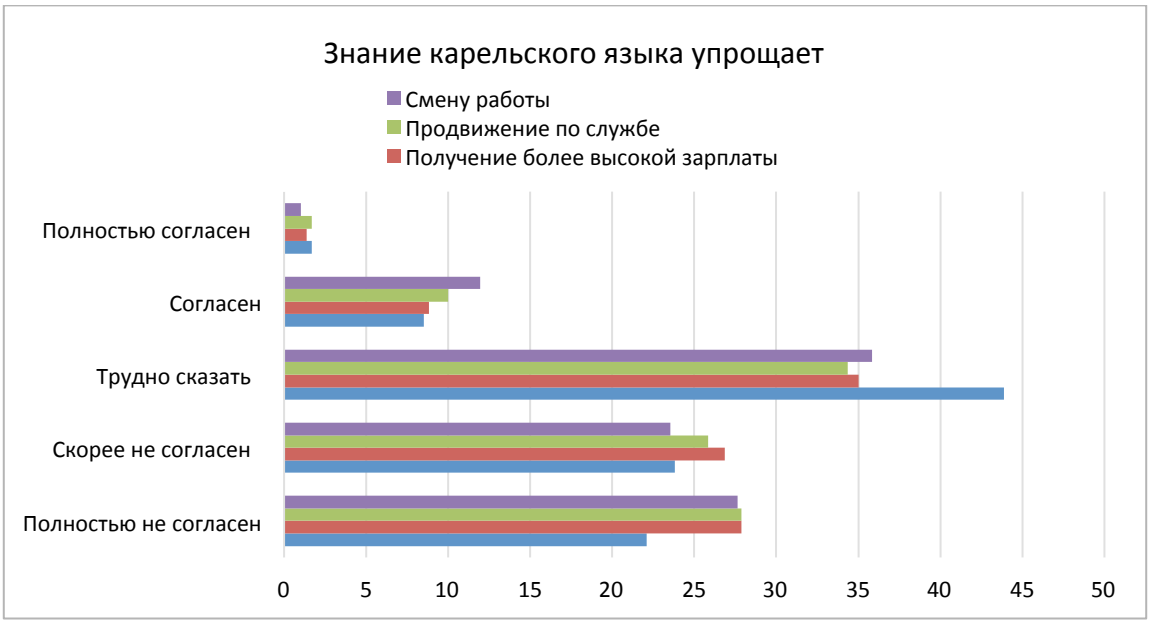

Рис. 25: Значение карельского языка на рынке труда, %

Несколько респондентов прокомментировали этот вопрос на полях анкеты:

(19) KAR-64334073:
Ku tahtonet puuttuo ruadoh sinne, kus livvin kieldy pidäy maltua, sit ihan tottu. A kaikkih toizih kohtih pyrgies se on yksikai.
«Если вы хотите найти работу, где нужен карельский язык, тогда да [он полезен]. Но если искать любую другую работу, он совершенно не нужен». (женщина, 30-49)

(20) KAR-64344355:
Ylen harvah voi olla ku meijän kieli auttau piästä suurembah virgah (kuulin Suuren Mäin tyttö piäzi ministrakse ku hyvin tiedäy karjalan kielen), enämbiä en ole kuulluh.
«Очень редко наш язык помогает получить высокую должность. Я слышал, что одна девушка из Суури Мяги стала министром, потому что она так хорошо знает карельский, но это все, что я слышал».
(мужчина, +65)

Именно по этим причинам, как считают наши интервьюируемые, отделение карельского языка в университете Петрозаводска не привлекает молодежь. В 2011 г. университете было всего 10 новых студентов, изучающих карельский, вепсский и финский языки. По нашим данным, студенты беспокоятся, что им будет трудно найти работу в качестве специалистов по карельскому языку.

(21) RU-KRL-FG-AG1:
Учитель:
minä duumaičen gu äijät lähtiettäs ruadamah kielialal gu löüdüs sidä ruadoo. gu olis enämbi sidä aloa kus käütettäs kieldü. sen tiijän varmah.
«Я думаю, что многие стали бы работать в области языка, если бы такие рабочие места были в наличии. Если бы было больше таких мест, где используется язык. Это я знаю точно».
RU-KRL-FG-AG1-05F:
ei ole ruadoa
«Работы нет».

Материалы интервью подтвердили известное положение, что невозможность трудоустройства серьезно влияет на разрушение карельских языковых сообществ. Так как в карельских деревнях нет работы, и нет рабочих мест, где требовался бы карельский язык, молодые люди часто уезжают в более крупные центры и работают в русской языковой среде. По-видимому, никто не извлекает, например, материальной пользы из владения карельским языком: Возможно, проще найти работу, зная несколько языков, но никто не платит за знание карельского:

(22) RU-KRL-IIAG3F:
sit parembi voibi ruadoh puuttua libo kunne a toine dielo on meijän kielen tiijändäs tiä emmo äijä dengua sua sendäh da ei ni rebois kahtu nahkoa oteta ei ni meile kahtu palkkua sit makseta
«Может быть, найти работу и легче, но другое дело, что никто не платит за

знание нашего языка. Как с лисы две шкуры не содрать, так и нам никто не даст двойную зарплату».

Кроме того, в прежние времена владение карельским рассматривалось как фактор, мешающий получить надлежащее образование и найти хорошую работу (см. дальнейшее обсуждение в 4.3.1.8).

Знание русского языка рассматривается как обязательный навык на российском рынке труда, что показывает следующий пример:

(23) Интервьюер:
a minnü teile on ven'an kieli
«И что для вас тогда русский язык?»
RU-KRL-II-AG4M:
ven'an kieli on ezimerkiksegi ruadokieli, ven'an kieli on ümbäri meis kaikkii - -se on meile minä sanozin toizennu kielennü no ülen tärgiennü kielennü meijän tämänpäiväizes elaijas
«Русский язык является, например, рабочим языком. Русские вокруг нас повсюду. Это для нас второй, но очень важный язык для нашей жизни сегодня».

Более 90% согласились с тем, что владение русским языком облегчает поиск первой работы. Более 80% респондентов согласились с тем, что владение русским языком облегчает смену места работы. Приблизительно три четверти респондентов считают, что владение русским языком способствует получению более высокой зарплаты и продвижению по службе. Менее 10% опрошенных не согласились с этими двумя утверждениями, а 17% затруднились ответить.

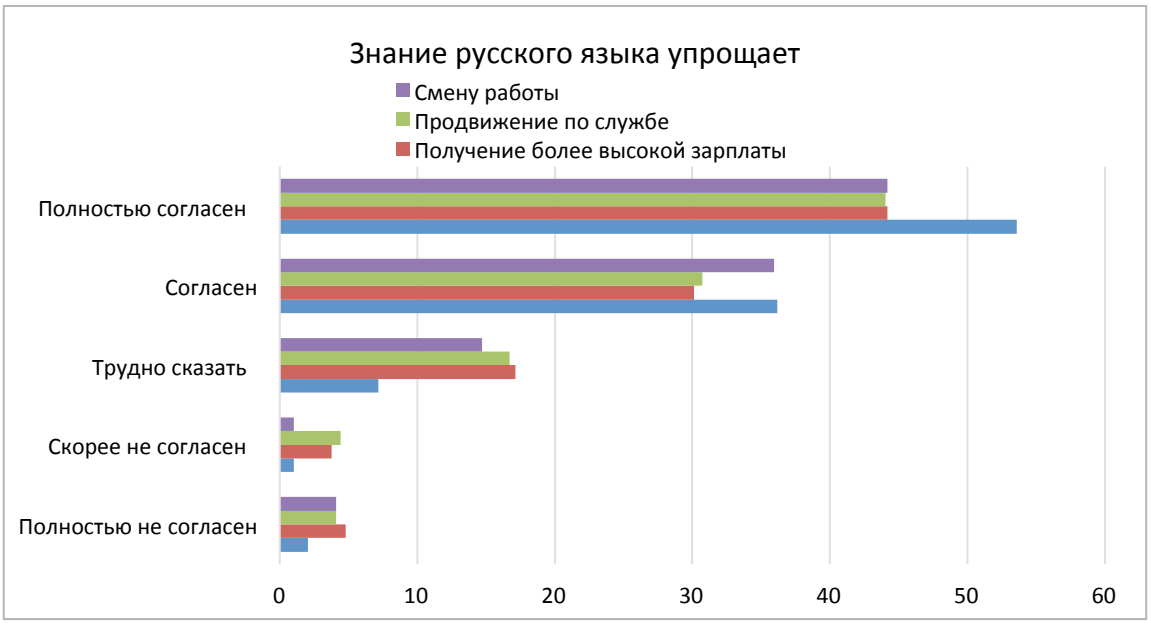

Рис. 26: Значение русского языка на рынке труда, %

Знание английского языка, безусловно, рассматривается как ценное качество на рынке труда. Представляется, что владение английским языком высоко ценится, хотя нельзя сказать, что английский часто знают и широко используют.

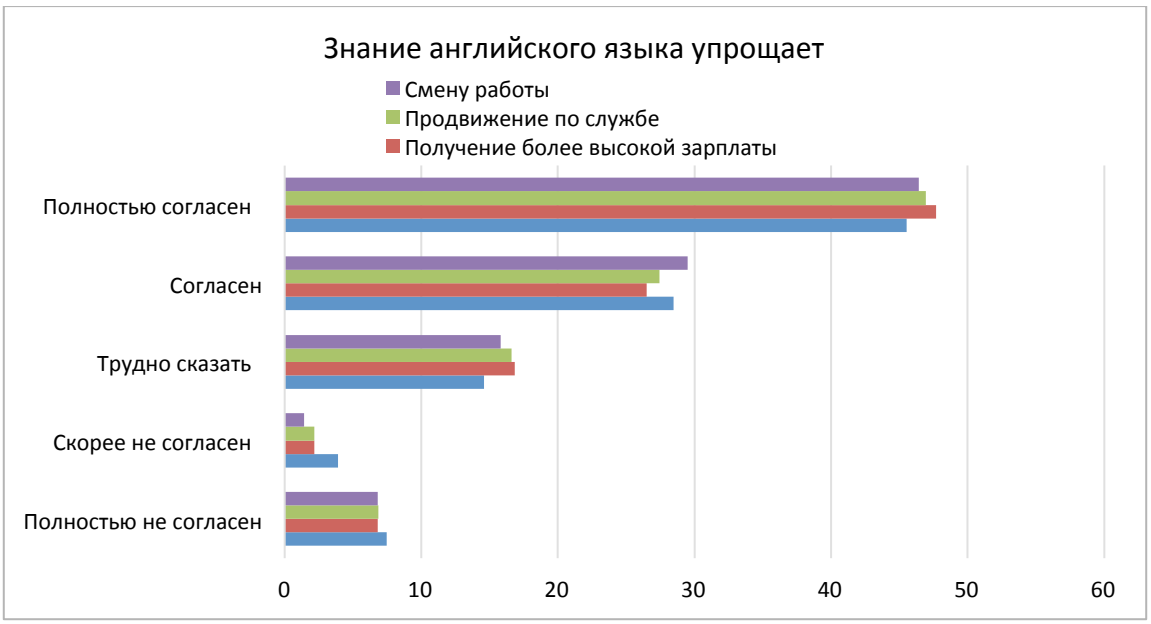

Рис. 27: Значение английского языка на рынке труда, %

Ответы респондентов контрольной группы отличаются от ответов группы карельского меньшинства в оценке знания русского языка как фактора, облегчающего получение более высокой зарплаты. В то время как трое из четырех карельских респондентов считают, что владение русским языком

облегчает получение более высокой зарплаты, с этим согласны лишь чуть более 40% респондентов контрольной группы. Еще 40% не уверены, влияет ли знание русского на заработную плату. В целом респонденты контрольной группы были менее уверенными в том, есть ли преимущества на рынке труда у носителей русского языка, за исключением того, что русский язык помогает найти первую работу.

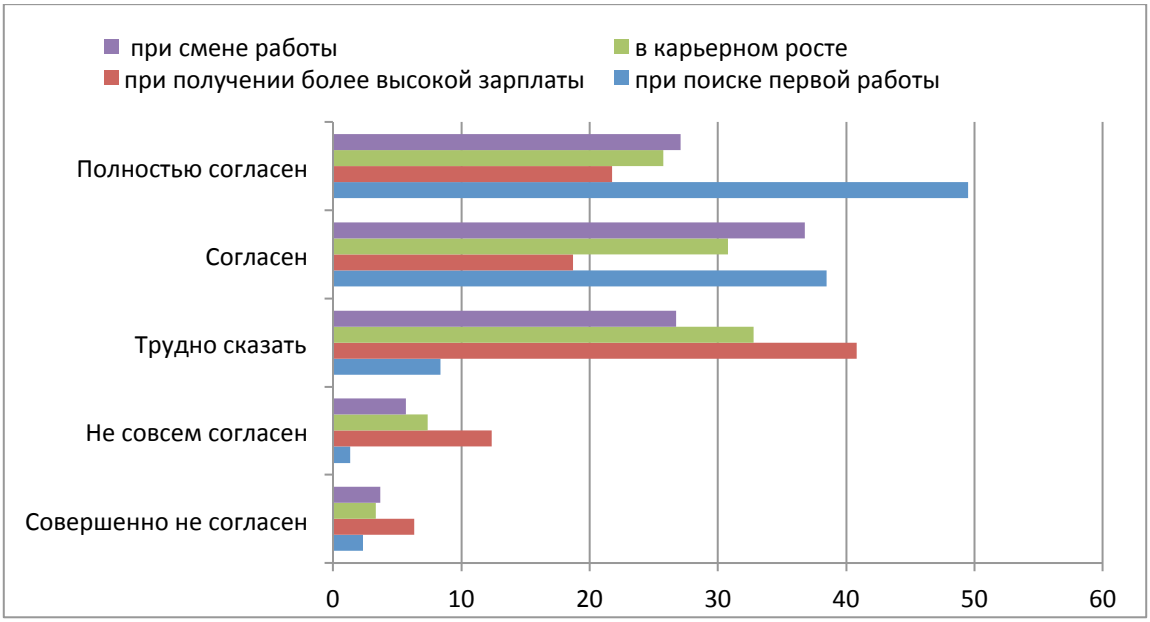

Рис. 28: ”Говорить по-русски как на родном языке помогает”. Значение русского языка на рынке труда, контрольная группа, %

Кроме того, в контрольной группе было еще несколько респондентов, которые считали, что русский язык переоценивается на рынке труда. 36,61% респондентов контрольной группы по крайней мере скорее согласились с утверждением, что русский язык переоценивается на рынке труда, а 25% с этим не согласились.

Как и карельские респонденты, большинство респондентов контрольной группы согласились, что владение английским языком облегчает поиск первой работы, получение высокой зарплаты, продвижение по службе и смену работы. Только 5 процентов не согласились с преимуществами владения английским языком.

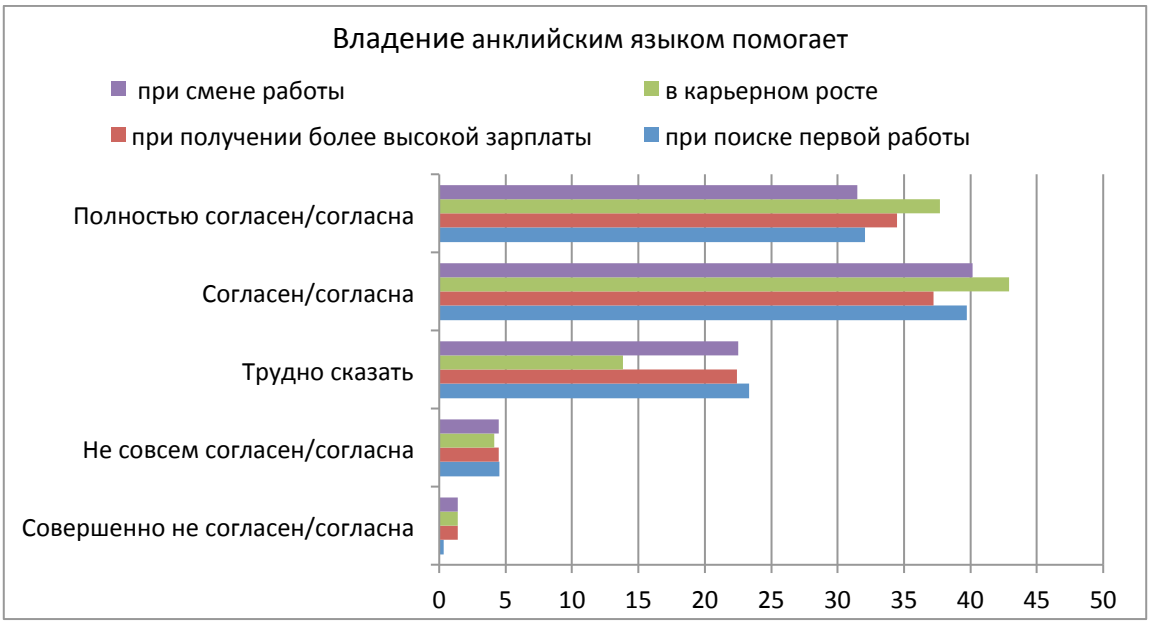

Рис. 29: Значение английского языка на рынке труда, контрольная группа

Как видно на следующем рисунке, более 50% респондентов контрольной группы затруднились сказать, является ли владение карельским языком преимуществом на рынке труда. Те, кто имел какое-то мнение, придерживались того мнения, что на рынке труда нет никаких преимуществ от владения карельским языком.

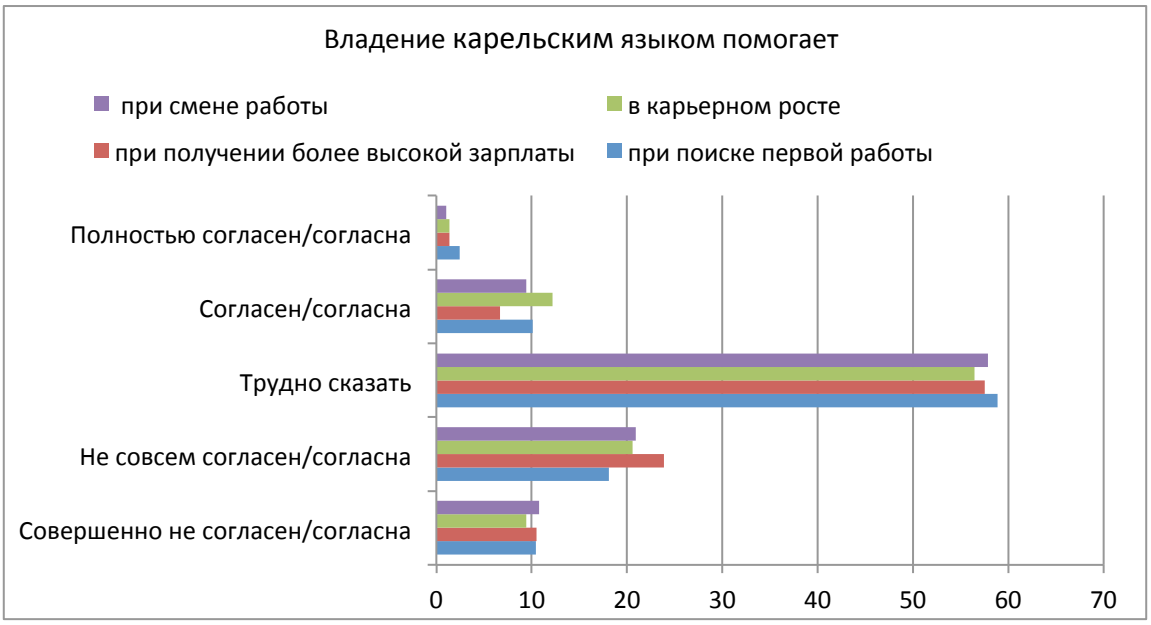

Рис. 30: Значение карельского языка на рынке труда, контрольная группа, %

4.3.1.6 Сохранность языка

Наши карельские респонденты, по-видимому, осведомлены о существовании организаций, занимающиеся сохранением и развитием карельского языка. Однако, имеется значительная группа тех, кому это безразлично и кто не уверен в том, есть ли в этом вообще какая-то необходимость.

По мнению большинства наших карельских респондентов, необходимость развивать карельский язык есть. Чем выше уровень образования респондента, более он(а) уверен(а), что развивать язык необходимо. Почти две трети (59,4%) респондентов согласились с тем, что необходимо развивать карельский язык для того, чтобы он соответствовал современным социальным потребностям (Q58). Только 5,8% респондентов не видели необходимости в развитии олонецкого карельского. Тем не менее, немало людей (34,8%) не были уверены в том, следует ли развивать карельский язык. Чем выше был уровень образования респондентов, тем более они отдавали себе отчет в необходимости развития языка: среди людей с высшим образованием 67,9% считали необходимым развивать язык, в то время как среди людей с начальным образованием 56,3% не смогли ответить на данный вопрос.

Ниже показано, как некоторые из наших интервьюируемых описывают необходимые шаги для развития языка: с одной стороны, языковое сообщество само должно проявлять активность, а, с другой стороны, государственная поддержка представляется им жизненно важной для того, чтобы карельский язык смог выжить.

(24) Интервьюер:
a kuibo työ ajatteletto kenen se on vastus, kenen se olgupiälöil on tämä dielo
«А как вы считаете, кто несет ответственность, чья это обязанность?»
RU-KRL-FG-AG2AG3-10M:
gosudarstvo, mutta se ei hoida yhtään mitään
«Общества, но оно ни о чем не заботиться».
RU-KRL-FG-AG2AG3-06F:
meijän olgupiälöil
«Все на наших плечах.»
Интервьюер:
mindäh se ei hoija?
«Почему оно ни о чем не заботиться?»
RU-KRL-FG-AG2AG3-08M:
se on meijän dielo, se on se on
«Это наше дело, не так ли.»

RU-KRL-FG-AG2AG3-09F:
yhtehine ruado, valdivon da meijän
«Это общее дело, и нас и государства».
Интервьюер:
voibigo kanzu rahvas ilmai gosudarstvua tallendua omua kieldy
«А люди могут сохранить свой язык без помощи государства?»
RU-KRL-FG-AG2AG3-03M:
keskenäh pagize vai karjalakse
«Если все будут друг с другом говорить по-карельски».
RU-KRL-FG-AG2AG3-05F:
voibi da pagize vai
«Только одна возможность — говорить».
RU-KRL-FG-AG2AG3-08M:
ne dak meijän Ven'al
«Не у нас в России».

По словам одного из наших интервьюируемых, работающего в средствах массовой информации, для большинства носителей карельского языка проще использовать русские заимствования и склонять или спрягать их в соответствии с карельской грамматикой, чем создавать новое слово или заимствовать его из финского:

(25) RU-KRL-IIAG1F:
minä puaksuh küzün rahvahal, ellendättegö tüö paginuo. hüö sanotah parembi ven'aks sanuo. ven'alaizia sanoi kiännä karjalakse muga gu se olis gu karjalaine sana.
«Я часто спрашиваю людей, понимают ли они мою речь. Они говорят, что лучше сказать по-русски. Склоняй русские слова по-карельски, как будто это карельское слово».

Большинство респондентов из карельского меньшинства (72,1%) были в курсе, что существуют организации и отдельные лица, которые стремятся развивать олонецкий карельский. Четверть опрошенных (25,2%) не были уверены или не знали, существуют ли такие организации или такие люди. Лишь незначительное меньшинство опрошенных (2,7%) ответили, что таких организаций или людей нет. (Q55). Наиболее важной в деле языкового планирования была признана роль учителей. Организации, участвующие в языковом планировании, оказались более известны, чем отдельные люди. Среди организаций чаще всего, безусловно, назывались различные научные учреждения Петрозаводска: Карельский научный центр Российской Академии наук, Карельская государственная педагогическая Академия и Петрозаводский государственный университет. Кроме того

упоминались школы и детские сады. Несколько респондентов ответили, что существуют комитеты, участвующие в языковом планировании, например, Комитет по национальным вопросам и Комитет по терминологии. Роль средств массовой информации, таких как телевидение, радио и печатные СМИ, была также хорошо известна, отдельно были названы: газета *Oma mua* и журнал *Kipinä*. Кроме того, некоторые респонденты знали о таких организациях, как *Nuori Karjala*, *Trias* и *Karjalan rahvahan liitto,* и о некоторых фольклорных коллективах, таких как хор *Aldoine*. Упоминались также некоторые учреждения культуры, например, Государственный Национальный театр Карелии в Петрозаводске, музеи, клубы, библиотеки.

Более трети респондентов контрольной группы знали о существовании учреждений, организаций или отдельных лицах в России, которые содействуют более широкому использованию карельского языка; многие респонденты смогли назвать некоторых активистов. Хотя большинство респондентов контрольной группы (57,8%) ответили, что не знают, существуют ли организации или отдельные лица, которые развивают карельский язык, по меньшей мере, 36,2% из них знали, что такие органы есть. Только 6,1% респондентов высказали мнение, что таких органов вообще не существует. Респонденты назвали двух людей, которые способствуют развитию олонецкого карельского: это, опять же, министр культуры *Елена Богданова* и активный участник обсуждения современной ситуации с карельским языком политический активист *Анатолий Григорьев*. Несколько респондентов упомянули Министерство образования, Министерство национальной политики и Комитет по делам национальностей. Многие респонденты отмечали также университеты и школы, как организации, принимающие участие в языковом планировании олонецкого карельского. Отдельно были названы один университет и одна школа: Карельский научный центр Российской Академии наук и Финно-угорская школа в Петрозаводске. Респонденты контрольной группы тоже указывали немало культурных организаций, например, Центр национальных культур, *Karjalan rahvahan liitto, Nuori Karjala* и *Trias*. Широко признана была также роль средств массовой информации, таких как телевидение, радио (Радио ГТРК Карелия). Кроме того, были названы два фольклорных коллектива: ансамбль *Kantele* и ансамбль *Koivuine*.

Более 80% наших карельских респондентов признали, что, безусловно, проводится большая работа по развитию русского языка. Судя по их комментариям, в настоящее время русский язык культивируется всем обществом в целом. Менее пятой части респондентов (18,0%) не были уверены, существуют ли особые организации или конкретные люди, занимающиеся развитием русского языка, и

лишь незначительное меньшинство (1,4%) ответили, что таких учреждений или лиц нет. В общей сложности 36,9% респондентов прокомментировали свои ответы и назвали организации, участвующие в языковом планировании русского. Чаще всего отвечали, что русский язык развивают *все* или *все и каждый*. Конкретные лица не назывались. Среди организаций, участвующих в языковом планировании, чаще всего упоминались школы, детские сады, университеты и система образования в целом.

Большинство наших карельских респондентов затруднились ответить, существует ли правильная или развитая версия карельского языка (Q57). Первоначально вопрос Q57 касался чистого или правильного варианта языка меньшинства. Из-за различий в переводе вопрос Q57 в исследовании олонецкого карельского был сформулирован следующим образом: существует ли правильный или развитый вариант карельского языка (*livvinkielen tovelline/ hyvin kehitynnyh luadu*). 62,2% респондентов ответили, что не знают, существует ли такой язык; 27,6% высказали мнение, что такой вариант карельского языка есть, а 10,2% ответили, что такого варианта карельского не существует. Были названы — преподаватели, студенты и другие образованные люди (ученые, журналисты, писатели), как говорящие по-карельски правильно. Все они говорят на нормативной форме карельского языка. Интересно, что вопрос был истолкован именно таким образом, поскольку в иных случаях чистыми карелами, *tozikarjalased*, объявлялись пожилые сельские жители.

4.3.1.7 Поддержка и запрет использования языка

В вопросах Q22 и Q23 респондентов из карельского меньшинства попросили вспомнить, с каким отношением или с какими действиями они сталкивались, которые способствовали бы использованию различных языков, или, напротив, запрещали бы его. Их также спрашивали о том, поддерживали ли они сами своих детей в использовании языка меньшинства или, напротив, языка большинства (Q24). Как показано ниже, эта информация контрастирует с отношением окружающего общества, что отражено в ответах контрольной группы, которой также задавался вопрос о важности преподавания языков меньшинств в (Q19).

Большинство карельских респондентов не сообщили о каких-либо попытках препятствовать использованию карельского языка в то время, когда они были детьми. Если и давались такие советы, то это случилось чаще всего в школе. 83,9% ответили, что не помнят ни о каких попытках препятствовать их использованию карельского языка каких-то ситуациях. Только 41 человек (16,1%) ответили, что сталкивались с попытками препятствовать использованию

карельского языка. Из них 32 респондента сообщили, что в их случае родителей просили не говорить с детьми по-карельски, при этом большинство (20) столкнулись с этим требованием либо дома, либо в школе. Ниже приведены примеры объяснений, которые наши респонденты слышали в школе.

(26) 64330327:
Školas: karjalakse ei annettu paista ka se mešaičči ven'an opastumizen.
«В школе не разрешали говорить по-карельски, потому что это мешало изучению русского».
(Женщина, 50-64)

(27) 64334004:
Opastajat sanottih ku pidäy parembi opastua ven'ua.
«Учителя сказали, что лучше выучить русский».
(Женщина, 30-49)

(28) 64334035:
Sanottih kieli häiriččoy opastujes.
«Нам сказали, что этот язык мешает учиться».
(Женщина, 30-49)

(29) 64334769:
sanottih: ei pia školas pagista karjalakse, pagiskoo kodis…
«Сказали: нельзя говорить по-карельски в школе, пусть говорят на нем дома».
(Женщина, 30-49)

Представляется, что родителям не говорилось прямо, что он не должны говорить с детьми по-карельски, но при этом ясно показывалось, что хорошее знание русского языка является непременным условием дальнейшего обучения и успеха в жизни. Количество респондентов, говоривших о фактах прямого запрета говорить по-карельски, оказывается весьма небольшим в свете наших общих знаний о запретах использовать финно-угорские языки в советской школе (см., например Grünthal 2007: 90). Вероятно, этот результат связан с тем, как был поставлен вопрос. Во-первых, дети, возможно, не знали о том давлении, которое испытывали их родители в подобных обстоятельствах. Во-вторых, следовало, вероятно, спрашивать, говорили ли самим респондентам, что они в каком-то месте или в какое-то время не должны говорить по-карельски.

Информация, полученная из интервью, дополняет картину, и она начинает соответствовать тому, что уже известно. Важным фактором является возраст респондента. Наши данные по контрольной группе, приведенные ниже в этой главе, показывают, что отношение к использованию карельского языка в публичных сферах более не является таким отрицательным. И хотя каждый десятый в самой молодой возрастной группе респондентов (18-29 лет) сообщил, что сталкивался с отрицательным отношением к использованию карельского языка, интервьюированные их возраста не говорили о запретах. Надо также иметь в виду, что, живая коммуникация на карельском почти прекратилась среди молодого поколения. Все остальные возрастные группы наших интервьюированных имели опыт запретов говорить по-карельски в школе. Некоторые привели примеры того, как карельские дети сами дразнили других карел за карельскую речь в школе. Тем не менее, интервьюированные самого старшего поколения вспоминают, что им разрешалось использовать карельский в школе во время финского режима в начале 1940-х годов во время Второй мировой войны. В результате большинство рассказов о запретах принадлежат средним возрастным группам 50-64 (23,6%) и 30-49 лет (19,1%).

Следующий рассказ демонстрирует типичную ситуацию запрета карельского языка в школе. Интервьюированный мужчина рассказал, как в школе ему сказали, что, говорить по-карельски в присутствии русских нехорошо, это может вызывать негативную реакцию:

(30) RU-KRL-IIAG4M:
kaksi meidü karjalastu keskenäh ruvennemmo pagizemah karjalan kielel, toizet sanotah toizet možet ei ni sanotah no pahal silmäl kačotah mikse tüö pagizetto keskenäh karjalan karjalan kielel sil kielel midä müö emmo ellendä
«Мы вдвоем, карелы, стали говорить по-карельски. Другие сказали [довольно громко], может, другие не скажут, но могут неодобрительно посмотреть. Почему вы говорите на карельском друг с другом, на языке, который мы не понимаем?»

Такая поведенческая модель — отказ говорить на языке меньшинства в присутствии не говорящих на нем — широко распространена во многих миноритарных языковых сообществах. Социальное давление, заставлявшее говорить по-русски в школе, было очень сильным. Один из интервьюированных вспоминает, как они высмеивали других карел за то, что те говорили в школе по-карельски, хотя карельский язык в то время еще широко использовался в других сферах жизни:

(31) RU-KRL-FG-AG2AG3-05F:
ylen äijä äijän paistih karjalakse joga kohtas, laukas, bol'ničois, postal, joga kohtas. ei huigei olluh. toiči vie erähän sanan sie välih panet, duumaijah avoivoi mittuine tyttö on, ellendäy da malttau paista. no školas emmo paissuh. sit vie nämmii Heččulan lapsii sie kuundelemmo, hyö duumaijah nämmä ollah ven'alazet, a myö sie korvat kuundelemmo heidy, midä hyö paistah, hyö paistih keskenäh.
«По-карельски говорили очень много повсюду: в магазинах, больницах, почтовых отделениях, везде. Это было не плохо. Можно было что-то сказать, и все думали, молодец девочка, и понимает, и говорит. Но в школе мы не разговаривали. И мы подслушивали этих детей из Хеччулы, они думали, что мы русские, а мы понимали, о чем они говорят друг с другом».
Интервьюер:
a midäbo työ duumaičitto heis silloi konzu hyö tuldih?
«И что вы думали о них, когда они появлялись?»
RU-KRL-FG-AG2AG3-05F:
hyö paistih a myö emmo paissuh no en minä musta možet i daže nagroimme pienete sie možet nagroimmo no iče keskenäh emmo paissuh nikonzu
«Они говорили, а мы нет, но я не помню точно. Может быть, мы подсмеивались, может быть, смеялись, но мы никогда не разговаривали друг с другом».

Многие из наиболее пожилых интервьюируемых владели карельским лучше, чем русским, иногда это даже был их единственный язык перед тем, как идти в школу. В результате у многих возникали в школе проблемы при изучении русского языка. Один из интервьюированных даже собирался уйти из школы из-за трудностей с русским языком. Поэтому этим людям велели совсем не говорить по-карельски, чтобы добиться успехов в учебе. Нетрудно понять, как возникло сопротивление карельскому языку и его передаче следующему поколению. Говорящие по-карельски не попадут в университет, и, в конечном итоге, будут делать непрестижную работу:

(32) RU-KRL-IIAG3F:
et puutu ni üliopistoh nikun sinä nikun S2 sinä vaigu sinä lähtenet serofirmal ruadoh da kun da et sinä karjalan kielenkel nikunne puutu
«Вы не попадете в университет, вы сможете работать только на ферме. С карельским языком вы никуда не попадете».

В противоположность отсутствию ответов о своем детском опыте, мнения о том, должен ли карельский язык использоваться в общении с детьми, высказал каждый

третий респондент. Те, кто уточнили свой ответ в комментариях, сообщили, что сейчас распространена, главным образом, благоприятная точка зрения. Было получено 80 комментариев по этому вопросу, из которых только 9 были явно отрицательными. В свете предыдущих исследований и по данным интервью известно, что запрет говорить по-карельски был типичной практикой в школе в советские десятилетия, но, с другой стороны, сегодня такие негативные взгляды, как будто, часто не высказываются. Такого рода изменения в настроениях за последние десятилетия продемонстрированы в следующем комментарии, сделанном респондентом-женщиной возрастной группы 2. Когда она была ребенком, негативное отношение преобладало:

(33) 64334073 (Q23)
[Karjalan kieldy] ei äijäl suvaittu, konzu minun igäzien kel vahnembat paistih karjalakse. Karjalakse pagizendua piettih huigiekse dielokse.
«Карельский язык не очень хорошо воспринимался, когда родители говорили на нем с людьми моего возраста. Карельская речь считалась чем-то негативным».
(Женщина, 30-49 лет)

Однако сегодня чаще выражается доброжелательное отношение:

(34) 64334073 (Q24)
([Kieldä pidäy käyttie] Ičе karjalaset sanotah (nuoret perehet dai ?) dai ven'alazet dai tulolazet (migrantat). Sidä paistah joukkoviestimis, rahvahallizis liittolois. (Q24)
«[Нужно говорить по-карельски] С этим согласны и карелы, и русские, и приехавшие (мигранты). Так говорят в СМИ, в национальных организациях».
(Женщина, 30-49 лет)

В качестве сил поддержки упоминались молодые родители, языковые гнезда и другие детские сады, бабушки и дедушки, такие организации, как *Nuori Karjala*, СМИ и университеты. Несколько упоминаний о негативном отношении исходили от русского большинства, а также изнутри карельских семей:

(35) 64344232:
Erähät vahnembat ei tahtota, gu lapset paistah karjalaksi.
«Некоторые родители не хотят, чтобы их дети хорошо говорили по-карельски».

(Женщина, 50-64 лет)

(36) 64334097:
Ven'alazet erähät dai erähät karjalazet sanotah "Nimikse ei pie karjalan kieli"
«Русские и некоторые карелы говорят: карельскому языку нет места».
(Женщина, 30-49 лет)

Приводимая ниже цитата показывает, что, несмотря на положительное отношение и отсутствие запрета со стороны большинства, существуют трудности при передаче карельского языка следующему поколению.

(37) RU-KRL-FG- AG2AG3-03M:
meile ei opastettu, nygöi myö emmo opasta. muga pidäy sanuo potomu što oli aigu konzu
«Нас никто не учил, и теперь мы не учим. Я могу сказать, что было время, когда…»
Интервьюер:
olemmo harjavunnuh jo nenga elämäh, vai kui?
«Мы когда-то жили так или как?»
RU-KRL-FG- AG2AG3-03M:
oli aigu konzu kaheksakymmen da yheksäkymmen vuottu, myö olimmo nuoret sit kačo ei annettu paista, se aigu nygöi kačo, nygöi annetah paista, no myö jo emmo
«Было время в восьмидесятых и девяностых, мы были молодые тогда, и нам не разрешали говорить. Теперь разрешили, а мы уже не говорим».
RU-KRL-FG- AG2AG3-05F:
eule kel paista
«Не с кем разговаривать».
Интервьюер::
emmo malta
«Мы уже не можем говорить».
RU-KRL-FG- AG2AG3-03M:
emmo malta, vot se on moine nygöi, pidäy kymmene libo kaksikymmen vuottu vie menöy, sit moužet myö rodiemmo parembi vie pagizemah myö keskenäh perehis
«Мы не можем. Вот так обстоят сегодня дела. Пройдет десять или двадцать лет прежде чем мы начнем говорить в семьях…»

Респонденты сообщили, что их родители несколько чаще поддерживали использование русского языка, чем олонецкого карельского. Более 70% ответили, что поддерживалось использование обоих языков. В большинстве

случаев форма поддержки описывалась как обычное говорение дома на поддерживаемом языке. 70,7% ответили, что их родители пытались поддержать их стремление говорить на олонецком карельском. 79,7% сообщили о поддержке русского языка. Чаще всего в качестве поддержки языка речь шла о говорении на карельском либо на русском языке дома с детьми. Никто не упоминал о каких-то более формальных случаях, например, о школе, детском саде или языковых клубах и лагерях. Бабушка и дедушка несколько раз упоминались в качестве носителей карельского языка дома в противовес родителям, которые поддерживали изучение русского языка уже тем, что говорили с респондентом по-русски.

Число респондентов, поддерживающих своих детей в том, чтобы те говорили по-карельски, несколько меньше тех, кто сам получал поддержку от родителей. Из 216 респондентов, имеющих детей, 61,5% ответили, что старались призвать детей учиться олонецкому карельскому. Чаще всего респонденты отмечали, что сами говорили на олонецком карельском со своими детьми или внуками. Они также читали своим детям на олонецком карельском и призывали детей учить олонецкий карельский в школе или в группах других типов, на курсах или в клубах. Однако, 38,5% ответили, что не пытались поддерживать детей в изучении карельского.

Большинство опрошенных в ходе интервью иногда говорят по-карельски со своими детьми, но никто из детей не отвечает родителям на карельском языке. Важно, что, судя по нашим интервью, ни один из опрошенных не начал говорить по-карельски со своими детьми с их рождения. Многие говорят, что теперь сожалеют об этом. Представляется, что большинство опрошенных поняли, как важно говорить по-карельски с детьми, слишком поздно. Одна из опрошенных сказала, что ей понадобилось время, чтобы привыкнуть к самой идее говорить с ребенком по-карельски. Еще один интервьюированный описывает ситуацию следующим образом:

(38) RU-KRL-FG-AG2AG30-5F:
no minul oldih omat syyt mikse minä en paissuh karjalakse oman lapsenkel. muudu oli piäs, tostu pidi leibiä suaha, ei olluh aigua duumaija, pagizengo karjalakse vai ven'akse
«Ну, у меня были свои причины не говорить на карельском со своим ребенком. У меня голова была занята другим, я должна была зарабатывать на хлеб. Не было времени подумать о том, говорить ли на карельском или на русском языке».

Представляется, что если выбор между языком меньшинства и языком большинства требует сознательного решения и волевых усилий, условия жизни должны быть достаточно благоприятными, чтобы у говорящих хватило сил для решения этого вопроса. В приведенном в интервью случае ежедневная борьба за выживание потребовала слишком много сил.

Кроме того, представляется, что тот карельский язык, который сегодня респонденты используют со своими детьми, представляет собой скорее языковые примеры, анекдоты, стихи и тому подобное; это не настоящая коммуникация. Одна из респонденток отметила, что с ее детьми не говорят по-карельски, потому что с их родителями было то же самое, когда они были детьми: они привыкли к тому, что используется только русский язык. Некоторые из опрошенных пытаются обращаться по-карельски к членам своей семьи, которые, по крайней мере, понимают язык:

(39) RU-KRL-FG-AG4F4:
nu a kois minul ollah laškat lapset, minä jo sanoin i nevesky i tytär tietäh karjalan kieli, no vastatah ven'akse. i sit buitegu minä unohtan i heijänkel jo ven'akse pagizen, a voidas paista minunkel karjalakse. ukko minul on karjalaine, sil toiči sanon karjalakse, sit ei kaikkie ellendä, no yksikai oppiu vastata libo kyzyy, midäbo sit sanoit. nygöi vot opin paista no vot, moine on elaigu
«Ну, дома у меня есть ленивые дети, как я уже сказала. Племянница и дочь знают карельский язык, но отвечают на русском. И тогда я забываю и начинаю сама говорить с ними по-русски, хотя они могли бы говорить со мной по-карельски. Мой муж карел, и время от времени я говорю ему что-то по-карельски, но он ничего не понимает. Как-то пытается ответить или переспрашивает «Что ты сказала?». Сейчас я стараюсь говорить, но времена такие».

В свете наших данных, полученных от русских респондентов из контрольной группы, отношение к преподаванию языков меньшинств, таких как карельский, представляется терпимым. Подавляющее большинство респондентов контрольной группы считают преподавание родного языка в школе важным. 89,3% ответили (на Q12), что важно учить родной язык школе. Кроме того, когда их спросили, важно ли учить карельскому языку детей, родители которых являются носителями языка и по происхождению карелами, (Q19), почти 80% респондентов контрольной группы, по крайней мере, отчасти согласились с важностью преподавания языка.

Пятая часть респондентов контрольной группы столкнулись разными мнениями по поводу выбора языка общения с детьми. 20,8% сообщили, что слышали замечания по поводу того, должны или не должны родители использовать тот или иной язык, разговаривая с детьми (Q13). 45,6% ответили, что не сталкивались с такими замечаниями. Хотя в вопросе не было четко сформулировано, были ли эти мнения положительными или отрицательными по отношению к использованию того или иного языка с детьми, все 24 полученных комментария по этому вопросу были в поддержку использования языка. Некоторые упоминали учителей иностранных языков в качестве поддержки. Кроме того, были такие, у кого в семье или среди друзей были носители разных языков, и которых поощряли в использовании этих языков.

4.3.1.8 Отношение к языку

Респондентам из группы карельского меньшинства предложили шесть различных утверждений, касающихся многоязычия, затем им был задан вопрос, согласны ли они или не согласны с этими утверждениями. Респондентам было предложено высказать свое мнение о смешении языков (Q33), дать характеристику (возраст, пол) типичного носителя карельского языка (Q37); высказать свое отношение к носителям карельского языка (Q38); высказать мнение о том, должен ли карельский язык обслуживать различные сферы жизни (Q39); ответить, каковы перспективы разных языков (Q40) охарактеризовать различные языки (Q41-43).

Смешение языков рассматривалось как характерная черта носителей олонецкого карельского. Смешение связывалось не с уровнем образования, а с возрастом говорящих. Высказывалось мнение, что пожилые люди говорят на правильном варианте карельского языка. Значительное число респондентов (58,7%) согласились или частично согласились с утверждением, что смешение языков характерно для тех, кто говорит по-карельски друг с другом. При этом респондентам было трудно сказать, свидетельствует ли смешение языков о высокой компетентности в языках, а также о том, приемлемо ли оно или нет.

Отношение к смешанному языку было различным у наших интервьюированных. Некоторые высказывались против смешения языков. По мнению следующих опрошенных карельский язык разрушается из-за излишнего смешения с русским:

(40) RU-KRL-IIAG5F:
unikalnoi kieli se oli ülen rikas kieli ülen rikas sit müö naverno vai sen kielen rikoimma ihan ven'an kielen segazin sinne

«Это был уникальный очень богатый язык, а теперь мы его полностью смешали с русским».
RU-KRL-IIAG5M:
ei se üks sana, et riko da jogah kieleh tullah sanat toizes kielespäi, jogah kieleh, eule ühtü kieldü kus eule sanoi toizen kielenkel. kui ven'an kieles, kui suomen, kui sit Anglian, kaikkielpäi ližätäh. nügöi ven'an kieles muga ližättih kaikki sanoi, et tiijä jo kui ongo se ven'an vai mi on se tože muga i meile
«Одно слово не разрушит язык. Каждый язык заимствует слов из других языков: нет таких языков, где не было бы слов из других языков. Слова заимствуются в русский, финский, английский, в другие. Но сейчас у нас все слова взяты из русского, и ты уже не знаешь, русский ли это или что это такое в нашем языке».

Предполагается, что молодые люди смешивают языки чаще: 38,2% респондентов согласны или частично согласны с утверждением, что молодые люди часто смешивают карельский и русский. В действительности, как показывает следующий опрошенный, который, похоже, положительно относится к языковому смешению, пожилые люди также смешивают русский и карельский:

(41) RU-KRL-IIAG1F:
Jogahine ristikanzu pagizou omah luaduh - - hairahduksii kaiken mostu no emmü emmo müö ole kui sanuo jumalat. paista puhtastu karjalan kieldü, no on hüvin pagizijua ristikanzoi minä tiiän, buabat sežo, paistah karjalan kieldü. no jos ven'alaizii sanoi puaksumbi on paginas, sendäh minä sanon gu muailma kehittüü, uuzii sanoi tulee, hüö eletäh ühtes ven'alaizenke, heil pidäü paista ven'aksegi, buabat da d'iedot hüö sežo ven'akse paistah i sih segai tulla voi karjalankielistu sanoi, ven'ankielistu sanoi.
«Все говорят по-своему. Делаем разные ошибки, мы ведь не боги. Говорить чистом карельском языке... А есть и хорошие знатоки языка, я знаю. Бабушки говорят по-карельски, но в разговорном языке больше русских слов, я же говорю, мир постоянно развивается, новые слова придут; они живут вместе с русскими, и они должны говорить на русском тоже. Бабушки и дедушки, говорят и на русском языке и, поэтому, смешивают карельские и русские слова».

Смешение языков не связывается с уровнем образования: 35,4% респондентов были не согласны или частично не согласны с утверждением, что только люди с низким уровнем образования смешивают карельский язык с русским. Однако было много тех, кто не мог с уверенностью сказать, что влияет ли на языковое смешение — молодой возраст или уровень образования.

Однако, пожилые люди единодушно рассматривались как говорящие по-карельски правильно: большое число респондентов (72,9%) были согласны или частично согласны с данным утверждением. Это можно рассматривать как форму языкового пуризма, когда язык пожилых людей и прошлых эпох считается наилучшим вариантом языка. Следующий опрошенный поражен тем, что все еще есть пожилые сельские жители, которые, как кажется, не смешивают русский и карельский:

(42) RU-KRL-II-AG1F:
üksi külä on moine piži külä sie Mägrän puolel, Mägränčupul. i konzu minä sinne ajelen, ainos siin buabas vaigu karjalan kieldü paista i ni ühtü sanuo ven'akse. on vie moizii külii, minuu se kummastuttah, no se on muga. (Женщина, 18–29 лет)
«Есть одна маленькая деревня рядом с деревней Мягря, и когда я езжу туда, бабушки говорят только по-карельски, и ни слова на русском языке. Есть еще такие деревни, мне показалось это удивительным, но это правда».

Часто высказывается мнение, что молодые или люди среднего возраста уже не владеют «чистым» или «настоящим» карельским языком: одна из опрошенных среднего возраста, очень свободно говорящая по-карельски, не считает, что говорит на «настоящем» карельском, потому что она не знает всех пословиц, которые знают пожилые люди.

(43) RU-KRL-II-AG3F:
sendäh gu vot sanon he ovat ne tovellizet karjalazet, kuduat ei paista, pajatetah, sanotah nenga heile kieli lirittäy ka da i - - hüö nikonzu ei sanota kohti, heil on ainos joga sanah löüdüü sananpolvi, sananlasku libo mitah moine sanondu
«Потому что, как я говорю, эти настоящие карелы, они не говорят, они «поют», язык плавно льется. Они никогда ничего не говорят прямо, и у них есть пословица на каждое слово или какая-то поговорка».

Обычно считается, что на чистом карельском языке говорят пожилые люди, которые выучили карельский как первый язык в карельской семье:

(44) RU-KRL-IIAG4M:
minun mieles a puhtastu karjalan kieldü paistah rahvas ket ollah vahnembah, ken on kazvanuh sit perehes, kus händü jöngöi lapsusaijas opastettih karjalan kieleh. kus voi olla sanuo nügöi enzimäine sana kudai oli tulluh korvih da kudai oli lähtenüh suuspäi, oli karjalankieline

> «Я думаю, что на чистом карельском языке говорят пожилые люди, выросшие в семье, где они с детства учили карельский. Где, можно сказать, первое слово, прозвучавшее в ушах и, и первое произнесенное слово были карельскими».

Многие респонденты считают деревню естественной средой для карельской речи. В традиционном языковом сообществе легче поддерживать карельскую идентичность.

(45) RU-KRL-IIAG4M:
küläs on äijän kebiembi, täs on vaigiembi olla. sidä ümbäristöö, kieliümbäristöö niilöi ristikanzoi, kuduat on kazvettu sit kieles da sit kul'tuuras, küläkul'tuuras, karjalaizen kul'tuuras. täs on suurembas linnas eri kul'tuuroi rahvahat erimielizii ili erikielizii. sendäh on vaigiembi püzüö.
«В деревне много проще, а здесь труднее. Окружение, языковое сообщество, люди, которые выросли в этой культуре, в культуре деревни, в карельской культуре. А здесь, в большем городе есть люди разных культур, разных идей и разных языков. Поэтому намного труднее поддерживать [карельскую самоидентичность].

Как и в случае с отношением к пожилым людям как лучшим носителям языка, о чем говорилось выше, так и владение олонецким карельским ассоциируется, в целом, с пожилыми людьми. Ассоциирование владения карельским языком с людьми пожилого возраста демонстрируется ответами на вопрос, ожидается ли, что молодые мужчины или женщины будут говорить по-карельски (Q37). Более половины респондентов затруднились в ответе. Остальные достаточно равномерно распределились за или против этого утверждения. Определенное единодушие было достигнуто при ответе на вопрос о старшем поколении: 56,4% респондентов ожидали, что пожилые женщины будут говорить по-карельски, и 54,3% — что будут говорить пожилые мужчины. Это не особенно поддержит стремление молодых поколений использовать карельский язык.

Некоторые из опрошенных в ходе интервью считают, что компетенция молодого поколения в карельском языке весьма низка. Следующий интервьюированный критикует карельскую интонацию у молодых журналистов, считая ее руссифицированой — он даже заявил, что лучше не говорить по-карельски вообще, чем говорить так, как говорят молодые:

(46) RU-KRL-IIAG2M:
ennevahnas minä mustan gu nämä babaizet paistih keskenäh, kuulletgo alahpäi tämä intonacii menöü. ainos nämä kehnot vai pajatetah sie televizoras, ven'alaizeks mennäh nämmä. parembi ei nimittustu gu mostu kieldua.
«В старые времена я помню, когда бабушки говорили друг с другом, слышишь, как интонация идет сверху вниз? Эти бедняги на телевидении говорят как по-русски. Лучше не говорить вообще, чем говорить вот так».

Интересно, что, когда, напротив, задавался вопрос, существует ли *livvinkielen tovelline/hyvin kehittynyh luadu* «настоящий, хорошо развитый вариант карельского языка» (см. 4.3.1.6), никто не упомянул пожилых людей, вместо этого называли учителей, ученых, писателей и студентов, изучающих карельский язык. Карельский язык с одной стороны, должны быть таким, как на нем говорят деды, а, с другой стороны, он должен быть развит для того, чтобы его можно было использовать во всех сферах жизни. И все же, есть несколько опрошенных, которые считают, что нет такого понятия, как чистый карельский язык. Правильным карельским для интервьюированных является, с одной стороны, язык стариков в деревне, а, с другой стороны, по мнению многих, — это язык, на котором говорят и пишут высокообразованные люди, преподаватели и ученые:

(47) Интервьюер::
erovuugo se kyläläzien kieles nygöine karjalan kieli
«Современный карельский язык отличается от языка деревенских жителей?»
RU-KRL-FG-AG2AG3-09F:
vähäizel eravuu tiettäväine, kudamua kieldy luvemmo lehtis, Oma Mua -lehtes ezimerkikse. minä ajattelen gu sidä pidäy paista enimmite, gu kaikin sidä ellendetäh hyvin ,se on kebjei ellendettävy
«Конечно, это язык, на котором мы читаем, например, газету *Oma Mua*. Мне кажется, мы должны именно так и говорить, потому что этот язык все легко понимают, его легко понять».
RU-KRL-FG-AG2AG3-06F:
no minun mieles ei kai kyläläzet paista oigiedu kieldy puaksuh suau kuulta pol'as traktorat di mitähgi mostugi sanua on uuzii sanoi da
«Ну, я думаю, не все деревенские жители правильно говорят. Часто слышишь ‘тракторы в поле’, и всякое такое, и потом есть новые слова…»
RU-KRL-FG-AG2AG3-07F:
sendäh ku ei ole nennii, ei tietä nennii uuzii sanoi, sendäh
«Потому что они не знают новых слов, вот почему».
RU-KRL-FG-AG2AG3-06F:
sendäh meile täs täs pidäy paista tiettäväine sidä kieldy kudamua myö

kehitämmö nygöi
«Вот почему мы должны, конечно, говорить на том языке, который мы сейчас развиваем».

Многие из интервьюированных считают, что карельский язык выживет, только если будут жить карельские деревни и традиционных общины. Самое главное, что не так отчетливо видно в данных, полученных из анкет, это то, что «чистый» карельский язык и карельской образ жизни сильнейшим образом привязаны к карельской деревне. Вопрос языкового пуризма, конечно, более важен для языкового сообщества, которое не имеет установленных языковых стандартов. Деревня, как дом настоящего карела и источник чистого карельского языка, упоминается почти в каждом интервью. Низкая мобильность жителей, факт того, что носители языка всю жизнь прожили в своей карельской деревне, также является важным фактором. Эти темы являются центральными и в карельских средствах массовой информации, как показано в 4.2.

Следующее обсуждение демонстрирует важность карельского языкового сообщества как противопоставленного преимущественно русскоязычному городу Петрозаводску:

(48) RU-KRL-II-AG5M:
no kuuskümmen procentu on karjalaizii Anukses sendäh sie on parembi
«Ну, в Олонце 60% карел, поэтому там лучше».
RU-KRL-II-AG5F:
no sinne ku tulet sit tiettäväine minä ülen harvah vastavun kenentahto ven'alazenkel ainos nenne karjalazet tullah vastah
«Ну, когда я туда приезжаю, я очень редко встречаюсь с русскими. Я встречаюсь только с карелами».
RU-KRL-II-AG5M:
sie enämbät ven'alaizet paistah karjalakse
«Большинство русских там говорят по-карельски».

Один из респондентов рассказал о своей двойной идентичности, связанной с различиями между карельской деревней и русским городом:

(49) RU-KRL-II-AG2M:
no minä sit terväh üksikai lapsien joukos opastuin pagizemah ven'akse. no konzu minä tuli Jürgiläh minä üksikai opin paista karjalakse i se minul oli jo pienete moine ero küläs minä olen karjalaine a linnas minä olen ven'alaine

«Ну, тогда я быстро научился говорить по-русски среди детей. Но когда я приехал в деревню, я все равно старался говорить по-карельски. И с детства я усвоил эту разницу, в деревне я — карел, а в городе я — русский».

Многие уверены, что если деревни станут не жизнеспособными, карельский язык вымрет:

(50) RU-KRL-FG-AG4-07F:
nu kylis nygöihäi vähembi jäi kuoltah nämmä
«В деревнях все меньше людей, и они вымирают».
RU-KRL-FG-AG4-05M:
da kyläs kaikin lähtittih linnah nuorembat
«Вся молодежь уехала в город».
RU-KRL-FG-AG4-07F:
prestareloit kyläs eule. meile nygöi kyläs jäi kolmetostu da kaksitostu hengie vai talvel eläy, ga ongo se sit elavy. oli ylen suuri kylä, nygöi nikedä eule- - olis gu ruado, minä istuizun kois, en nikunne lähtenys. daže ku olis ferma, minä lähtizin sinne lehmii lypsämäh, no kai ved nämät rikottih kai, pideli ajettih kylispäi. iäres mengiä, dai kai a nygöi elaigua nimit- laukkua, poštua nimidä ei ole. nimidä ei ole, ristikanzat muga eletäh, sendäh vähenöy meidy
«В деревне совсем нет молодежи. Зимой в нашей деревне остается тринадцать человек. Это живая деревня? Это было очень большое село, а сейчас никого почти не осталось. Если бы там только была работа, я бы осталась дома, я бы никуда не уехала. Если бы была ферма, я бы пошла туда доить коров, но фермы были ликвидированы, и всем пришлось покинуть деревню. Уехать. А теперь там нет ни магазина, ни почты, ничего. Там ничего нет, вот так люди живут. Вот почему наш народ уменьшается».

Организация совместной работы и досуга с олонецкими карелами считается несложным делом для большинства респондентов группы карельского меньшинства, но жениться или выйти замуж за носителя карельского языка считается нелегким. Респондентам были предложены пять утверждений о социализации с носителями олонецкого карельского. Примерно треть респондентов не смогли ответить на все пять вопросов. Поиск друзей среди носителей карельского языка посчитался легким 40,7% респондентов, знакомство с носителями — 44,4% респондентов. Сотрудничество с олонецкими карелами было легким для 52,4% респондентов, проведение досуга с олонецкими карелами — для 59,3%. Самое удивительное открытие относилось к утверждению «Легко жениться / выйти замуж за говорящего на олонецком карельском». Почти треть респондентов (30,7%) не согласились или частично не согласились с этим

утверждением, а остальные (45,2%), главным образом, затруднились ответить. Эта ситуация может быть связана с тем, что, в целом, не так уж много носителей олонецкого карельского брачного возраста.

То же утверждения были представлены контрольной группе в Q22. Более половины респондентов считают, что все утверждения трудно оценить. Брак с карелом также оказался самым сложным вопросом для респондентов контрольной группы, но все же было всего чуть более 10%, кто нашел эту идею не трудной.

Большинство респондентов согласны с тем, что карельский язык должен использоваться в различных сферах жизни. По мнению карельских респондентов, олонецкий карельский должен использоваться на телевидении, в Интернете, в системе образования и в больницах, при этом они не считают необходимым использовать язык в парламенте, в суде или в полицейском участке. Однако карельский перевод анкеты позволяет интерпретировать вопрос, касающиеся использования языка, двумя разными способами. Помимо «следует ли использовать карельский язык» — он может быть понят как «используется ли карельский язык в определенных сферах жизни».

Респонденты были наиболее единодушны в том, что карельский язык должен использоваться на телевидении: 90,8% респондентов были согласны или частично согласны с этим утверждением. Система образования (87,1%), Интернет (61,9%) и больницы (56,8%) также были теми сферами, где большинство респондентов согласились или частично согласились с важностью использования карельского языка. Идея использовать карельский в более официальных сферах и правительственных учреждениях вызвала колебания: 41,5% респондентов не смогли ответить, должен ли карельский использоваться в парламенте, 39,7%, — должен ли он использоваться в суде и 47,6% — должен ли он использоваться в полицейском участке. Полицейский участок был единственной сферой, где больше респондентов были против (29,9%) использования карельского языка, нежели за это (22,5%).

Респонденты из группы карельского меньшинства относятся к будущим перспективам олонецкого карельского с большой долей неопределенности. Напротив, большинство из них считают, что русский и английский будут более широко использоваться в ближайшие десять лет. Группа карельского меньшинства была весьма не уверена в перспективах олонецкого карельского: большинство из них (48,3%) затруднились ответить, будет ли карельский язык более широко использоваться в течение следующих десяти лет. Доли

респондентов, рассматривающих будущее позитивно (26,5%) и негативно (25,2%) оказались примерно равными.

Многие из опрошенных в ходе интервью оглядываются на период карельского возрождения в 1990-х годах (ср. 2.2.2). Они говорят, что тогда возникла надежда на возрождение, но усилия, по большей части, были потрачены впустую. В настоящее время лишь немногие позитивно смотрят в будущее:

(51) RU-KRL-II-AG4F:
parembua minä en voi vuottua, vot parahat aijat jiädih jällel - - kakskümmen vuottu konzu müö algaimmo tämän ruavon, konzu rubiemmo opastamah školas karjaloa, opastamah üliopistos, konzu meil äijü vägie, hommua, himuo, toivoo. a jälgimäizil nügöi - - kai jo sammu, ülen se hüvin nägüi. minä voin sanuo ka oman kivistüksen, sen kirjutin nengoman kniigan, sanakniigan, kuduadu ei voitu piästä ilmumah. karjal-ven'a, ven'an-karjalaine sanakniigu - - annettih se painettavakse individuaalizel ürittäjäl kudai ei voinuh sidä dieloa loppia, loppussah vediä. häi andoi vai minul ühten kappalehen, se on minun kois stolal.
«Я не могу ожидать лучших времен, они уже прошли. Двадцать лет назад, когда мы приступали к этой работе, когда мы начали учить карельский, преподавать в университете. Тогда у нас были силы, работа, стремления, надежды. Но сегодня надежды больше нет, это совершенно очевидно. Я могу рассказать вам о своем личном горе. Я написал словарь, который не был опубликован — Карельско-русский, Русско-карельский. Он должен был печататься у частного предпринимателя, который не смог закончить работу. Он дал мне единственный экземпляр, которые лежит у меня дома на столе».

Следующий интервьюируемый рассматривает ситуацию отношений между русским языком и всеми языками национальных меньшинств Российской Федерации как безнадежную:

(52) RU-KRL-II-AG2M:
ihan nügöi sil alal, kielien alal. kogo Ven'an mual genociidah päi on asiat vot menemäs. sit ei täs nimidä ližättäviä ole, ongo vägev eigo ole
«Сейчас все языки России движутся в сторону геноцида. Тогда вряд ли имеет значение, жизнеспособен ли карельский язык».

Пессимистическое отношение карел отмечается и опрошенными из контрольной группы:

(53) RU-RU-FG-CG-P:
Ну мы спросили там вопрос один, все-таки отношение как вы считаете, нужно ли передать его детя, какое будущее у этого языка. Ну скажу одним словом достаточно пессимистично настроены люди в отношении будущего своего языка. Спасибо, не буду больше время занимать.

Напротив, перспективы русского и английского языков рассматривались значительно более позитивно. По мнению 84,4% респондентов группы карельского меньшинства русский будет более широко использоваться в ближайшие десять лет. Использование английского языка будет расширяться в ближайшие десять лет по мнению 74.7% респондентов.

Перспективы разных языков рассматриваются респондентами группы большинства сходным образом с мнениями респондентов группы карельского меньшинства. Однако будущая роль английского языка представляется им более важной. Ответы респондентов группы большинства практически не отличались от ответов группы меньшинства. Большинство респондентов контрольной группы (56,6%) затруднились ответить, будет ли олонецкий карельский шире использоваться в ближайшие десять лет, в то время как использование русского языка будет расширяться по мнению 76,7%, а использование английского — по мнению 84.3% респондентов. Другими словами, респонденты контрольной группы видели роль английского языка в будущем как еще более важную, чем респонденты группы меньшинства.

Следующий интервьюированный высказывает такое мнение об отношении большинства людей к карельскому языку и о его перспективах: у карельского нет будущего, так что лучше говорить на русском языке.

(54) RU-KRL-II-AG1F:
iče pagižen rahvahanke ven'alaizenke, esimerkiksi hän sanotah, mibo se neče kieli on. erähät verratah suomen kielenke, vot i sanotah, mikse tüö karjalaks pagižette ei ole nimittumua tuleduo aigua täl kielel, paiskoa parembi ven'ua, i moit'itah tädä kieldü, sanotah mindäs ne on gui ne on kummakkahaine kieli. midä tüö pagižetto täl kielel
«Я сам разговариваю с русскими, и меня спрашивают: “Что это за язык?” Некоторые сравнивают его с финским и говорят: “Зачем вы говорите по-карельски? У этого языка нет будущего, лучше говорите по-русски.” И они обижают наш язык, говорят, что это странный язык. Зачем вы говорите на этом языке?».
Интервьюер:

a ketbo nenga sanotah, virgumiehet vai prostoimbat rahvaz
«А кто это, официальные лица или простые люди?»
RU-KRL-II-AG1F:
no virgomiehet sanotah puaksumbi muga ket ei maltetah. i karjalan kieldü, sanotah ei pidä ei pie meile mostu kieldü, nügöi gu on ven'alastunut rahvaz - -
«Ну, чиновники все чаще говорят и те, кто не знает карельского языка. И они говорят, нам не нужен такой язык теперь, когда люди перешли на русский».

Респондентам группы карельского меньшинства были представлены три языка — карельский, русский и английский — их просили оценить эти языки по 18 различным парам прилагательных. Респонденты группы карельского меньшинства, в целом, оценили звучание русского языка более позитивно, чем звучание карельского. По их мнению, русский является динамичным и мощным языком. Карельский казался, напротив, более мягким, добрым, более традиционным, чем русский. Звучание карельского языка рассматривалось как мягкое, доброе, более традиционное, более женственное, чем звучание русского. На слух русский воспринимался как более смелый, надежный, решительный, более современный, мощный, богатый и успешный, более умный, внимательный, образованный и деятельный, чем карельский. Оба языка — и карельский, и русский — считались древними, экспрессивными и красивыми языками. Заметно больший процент респондентов группы меньшинства (62,2%) рассматривал звучание русского, как более закрытое, чем звучание карельского (49,0%).

По мнению следующих интервьюируемых карельский язык мягче, чем финский, и является очень красивым языком.

(55) RU-KRL-II-AG1M:
tämän minun kieli oma livvin kieli on nu kakoi pa mjagtše pehmiembi on, čomembi - - se on ülen čoma kieli
«Мой родной язык, олонецкий карельский, он как-то мягче и красивее. Это очень красивый язык».

Менее половины респондентов ответили на утверждения, касающиеся английского языка. На слух английский казался современным, умным и образованным. Тем не менее, в каждой паре характеристик, русский оценивается более позитивно.

Респонденты контрольной группы воспринимают звучание русского языка наиболее позитивно среди всех рассматриваемых языков. Те же 18 пар

характеризующих прилагательных были предъявлены контрольной группе респондентов, которым было предложено оценить звучание четырех различных языков: языков меньшинств — карельского и вепсского, языка русского большинства и, наконец, английского языка. Респонденты контрольной группы оценили русский язык, как имеющий лишь положительные черты, мощность и динамизм. По их мнению, на слух этот язык мягче, безопаснее, ближе, экспрессивнее, красивее, добрее, богаче, древнее, надежнее, решительнее, успешнее, мощнее, маскулиннее, умнее, внимательнее, образованнее и деятельнее, чем любой из других языков.

Когда респондентов контрольной группы попросили оценить звучание двух языков национальных меньшинств — карельского и вепсского — доля нейтральных ответов была самой высокой. Большинство характеристик, данных респондентами контрольной группы в отношении двух языков меньшинств — карельского и вепсского, были, в основном, нейтральными. Тем не менее, пара прилагательных «современный» — «традиционный» составили исключение: по мнению 57,3% респондентов контрольной группы карельский звучал традиционно. Респонденты контрольной группы воспринимали звучание карельского как ни мягкое, ни жесткое; ни надежное, ни ненадежное; ни слабое, ни мощное, и ни экспрессивное, ни однообразное. Когда действительно имелось какое-то отношение к карельскому языку, оно чаще было положительным, чем негативным. Так, 41,8% респондентов считают, что карельский язык звучит красиво, и только 15,9% посчитали, что он звучит некрасиво; 38,5% респондентов контрольной группы сказали, что на слух карельский кажется добрым, и 9,4% — что он кажется злым.

По мнению респондентов контрольной группы, звучание английского языка оценивалось весьма положительно, но не так положительно, как звучание русского языка. На слух английский язык казался большинству респондентов контрольной группы современным, мощным, богатым, успешным, умным, образованным и деятельным. Тем не менее, в каждом случае русский оценивался более позитивно, чем английский. Только одна пара характеристик, по-видимому, является исключением: 53,60% респондентов ответили, что английский язык «очень современный» и только 42,18% сказали, что русский язык «очень современный». Однако если учесть ответ «довольно современный», то результаты окажутся почти одинаковыми: 65,31% для английского и 63,27% для русского языка.

Респонденты контрольной группы оказались несколько больше знакомы с английским языком, чем респонденты группы карельского меньшинства. Кроме того, респонденты контрольной группы, по-видимому, были лучше знакомы с английским, чем с языками местных меньшинств — карельским и вепсским. Только пара прилагательных древний – молодой была исключением: ее частота была выше для языков меньшинств, чем для английского языка.

Респонденты контрольной группы оценили русский и английский языки, вместе взятые, более позитивно, чем языки меньшинств — вепсский и карельский. Сравнение ответов, касающихся двух языков меньшинств с ответами относительно английского и, особенно, русского языков выявило различное отношение к языкам меньшинства и большинства. Языки меньшинств рассматривались не так позитивно, как русский и английский. По мнению респондентов контрольной группы, карельский язык на слух воспринимался как не столь верный, надежный, решительный, современный, мощный, экспрессивный, красивый, добрый, богатый, успешный, умный, внимательный, образованный и активный, как русский язык.

4.3.1.9 Вопросы многоязычия

Владение языками и их использование

В результате применения нашего метода выборки почти всех карельских респондентов и опрошенных в ходе интервью можно рассматривать как многоязычных людей. Помимо русского языка все они знают, по крайней мере, на каком-то уровне, карельский язык. Свободное владение карельским обычно связывается с пожилыми людьми, и по их собственной оценке те, кто старше 65 лет, владеют языком наиболее свободно. И, наоборот, в старшей возрастной группе владение русским языком ниже, чем у молодого поколения.

Однако, то, что представляется двуязычием со стороны, не всегда рассматривается как таковое самими носителями. Число тех, кто указал, что имеет два родных языка, весьма невелико, большинство стремится четко указать свой первый язык.

В данных по контрольной группе больше монолингвов. Несмотря на различную лингвистическую ситуацию, отношение к вопросам многоязычия, по-видимому, не существенно различается между этими двумя группами. (см. 4.3.1.1.).

Карельский язык, в основном, используется в неофициальных сферах жизни. Однако не было ни одного респондента, кто сообщил бы, что у него дома никогда

не говорят по-русски, что означает, что даже сфера домашней жизни оказывается двуязычной или моноязычной (русскоязычной). Кроме того, подавляющее большинство наших карельских респондентов всегда используют русский в определенных сферах.

Подавляющее большинство в обеих группах респондентов (меньшинства и большинства) никогда не используют английский язык ни в каких сферах жизни. Хотя знание английского языка рассматривается как качество, важное в трудовой жизни, и значение английского языка, как считается, возрастет в ближайшие годы, сегодня языком общения между различными этническими группами по всей России является русский язык (см. 4.3.1.4.).

Взгляды и представления, касающиеся языков и многоязычия

Более половины карельских респондентов считали, что смешение языков широко распространено среди носителей карельского языка. Однако наши данные не показывают, каково отношения смешению языков — за или против. Кроме того, респонденты в действительности не знают, что больше влияет на смешение языков — образовательный уровень или молодой возраст. При этом многие считают, что пожилые люди говорят на чистом варианте карельского языка (см. 4.3.1.8.) Однако, правильный вариант карельского, напротив, усматривается в речи образованных людей.

Респонденты из группы карельского меньшинства более других не уверены в будущем карельского языка. Наиболее ясным для них оказалось усиление роли русского языка в ближайшие десять лет: будущее английского рассматривается почти так же позитивно, более половины респондентов предполагают, что и использование финского языка также будет расширяться. Напротив, почти половина респондентов затрудняются ответить, будет ли возрастать использование карельского языка, а большинство остальных предвидят снижение его употребления в ближайшем будущем. Данные контрольной группы показывают аналогичные тенденции, но усиление роли английского языка предвидится в еще большей степени, чем расширение русского языка.

Обе группы — группа карельского меньшинства и контрольная группа — оценили русский язык наиболее позитивно среди всех сравниваемых языков, что доказывает, что русский действительно обладает высоким престижем в обществе. Вопросы Q41-43 в анкете карельского меньшинства и вопросы Q25-Q28 в анкете контрольной группы используют шкалу Лайкерта, которая состоит из 18 пятиуровневых единиц Лайкерта. В каждом вопросе респондентам группы

карельского меньшинства предъявлялся один язык: карельский, вепсский, русский или английский; их просили оценить этот язык по 18 различным характеристикам, представленным парами прилагательных, таких как *традиционный — современный*, *женственный — маскулинный* и т. д. Это исследование показало, что карельские респонденты оценили звучание русского языка, в целом, более позитивно, чем звучание карельского. Респонденты контрольной группы, в действительности, не имели мнения по поводу звучания карельского языка, тогда как сами карелы, отвечая на этот вопрос, оценивали звучание карельского достаточно позитивно, однако звучание русского языка оценивалось ими еще более положительно (ср. 4.3.1.8.)

Респонденты контрольной группы, похоже, весьма либерально относятся к языковому разнообразию, а также к вепсскому и карельскому меньшинствам. В вопросе Q44 респондентам контрольной группы задавался вопрос по поводу их мнения о наличии многообразия и об употреблении нескольких языков в обществе. По всем вопросам большинство респондентов проявили себя весьма толерантными к возможности этнического разнообразия и многоязычия. Однако во многих случаях заметная доля респондентов затруднилась в ответе. Когда им предъявили утверждение, что было бы хорошо, если бы российское общество было более многообразным, большинство респондентов (59,5%) согласились, или частично согласились с этим. Только 9,5% были не согласны или частично не согласны. Большинство респондентов (57,6%) также согласились, что им было бы приятно слышать в родной округе различные языки. Опять же, только 9,5% респондентов посчитали идею многоязычного района неприемлемой. Большинство респондентов контрольной группы согласились бы, чтобы носители карельского и вепсского языков жили у них в районе. При этом иметь живущих поблизости носителей карельского языка хотели бы 55,4% респондентов, а носителей вепсского языка — 51,2%. Опять же, лишь незначительное меньшинство (менее 7%) держались противоположного мнения, и довольно многие (примерно 40%) затруднились ответить. Большинство респондентов (около 50%) не согласились с утверждением, что Россия тратит слишком много денег налогоплательщиков на поддержку карельского или вепсского языков. Весьма многие (42,1% в обоих случаях) затруднились ответить. Удивительно, что лишь около 7% высказали мнение, что государственная поддержка является слишком щедрой.

Мнения об официальной поддержке многоязычия

В России недоверие к местной власти является типичным явлением. Местная администрация рассматривается лишь как посредник между людьми и центральной властью. Большинство людей считает, что местные чиновники не заботятся о благе простых людей, а действуют лишь в угоду центральному правительству в Москве. Люди не привыкли защищать свои права. Кроме того, НПО, как правило, не рассматриваются в качестве реальных действенных сил, так как где истинные финансовые полномочия регулируются из Москвы, а местное самоуправление получает финансирование только на непосредственные нужды. Обычно недостатки объясняются отсутствием финансирования, а не отсутствием гражданской активности.

Наши данные демонстрируют сходную картину пассивного отношения к официальным инстанциям и (местному) законодательству. Респонденты обеих групп — группы карельского меньшинства и контрольной группы — как правило, не знали, поддерживается ли многоязычие в Республике Карелия официально. В обеих группах большая доля респондентов ответили, что не знают, поддерживается ли использование нескольких языках законодательно. Остальные высказались скорее в пользу поддержки. Однако процент респондентов группы меньшинства, ответивших по-разному, был почти равными, в отличие от четкого разделения в ответах респондентов контрольной группы (см. 4.3.2).

Еще большее число отвечавших не определились в вопросе о равной поддержке носителей различных языков в Карелии. В группе карельского меньшинства не смогли ответить на этот вопрос 61,1% респондентов, а в контрольной группе — 43,9%. Почти 40% респондентов контрольной группы считают, что к носителям разных языков отношение, в целом, одинаковое. Около 18% в обеих группах считают, что различные группы третируются не одинаково. То же самое относится и к законодательной поддержке языков на рынке труда. Три четверти карельских респондентов и более 70% респондентов группы большинства не смогли ответить, содействует ли законодательство использованию различных языков на рынке труда. Только 6% из группы меньшинства и 13,7% из контрольной группы считали, что такое законодательство существует (ср. 4.3.2.).

Засвидетельствованные модели многоязычия, представленные выше, показывают, что отношение как карельского меньшинства, так и большинства населения, а также властей, в принципе, нейтрально или даже позитивно к карельскому языку. Однако на практике карельский язык не воспринимается как современное средство коммуникации, подходящее для любой сферы жизни, и

стоящее усилий по развитию традиционного языкового сообщества. Большинству населения нет причин опасаться пассивных, ассимилированных карел, которые составляют этнокультурный компонент Республики Карелия, номинально карельской, но де-факто русской.

4.3.2 Законодательство

Учитывая сложный и отчасти противоречивый характер законов о языке Российской Федерации (см. подробнее 4.1), не приходится удивляться, что респонденты как карельской группы, так и группы большинства имеют весьма расплывчатое представление о законодательстве и официальных нормативных актах (см. также 2.4.1).

Большинству респондентов оказалось трудно ответить на вопросы, связанные с правовым регулированием (Q44-Q51). Этот набор вопросов был направлен на выявление отношения к языковому законодательству и осведомленности о нем. В случае с носителями карельского языка эта цель не была полностью достигнута, так как комментарии показали, что респонденты, как правило, не разделяли действующее законодательство и существующие институты и учреждения, политику и практику (как, например, публикация карельской газеты, преподавание в школе, использование карельского языка в СМИ). Однако нужно выяснить, что знают обычные люди в любом обществе или языковом сообществе о законодательстве в целом.

По данным анкетирования, карелы считают, что на уровне законодательства использование карельского языка не поддерживается и не запрещается. Кроме того, те, кто имеет представление о существующем законодательстве, считают, что оно не оказывает реального влияния на использование языков. Наиболее известная часть законодательства это, по-видимому, законы, поддерживающие использование карельского языка в Российской Федерации. Большинство респондентов не знали, доступен ли текст этого закона *на* карельском языке: остальные справедливо считали, что такого перевода нормативных правовых актов не существует. Большинство респондентов не знали также, существуют ли законы, поддерживающие использование олонецкого карельского как языка обучения или иным образом регулирующие обучение в школе на карельском языке. Около 30% ответили, что такие законы существуют. Практически никто не предполагал, что существует акты, поддерживающие использование различных языков на рынке труда.

4.3.2.1 Поддержка и запрет использования языка

Существование благоприятствующих и превентивных законов в отношении использования языка

Более половины карельских респондентов не знали, существует ли в России законодательство, поддерживающее или, напротив, препятствующее использованию карельского языка. Более половины респондентов (55,0%) ответили, что не знают, поддерживает ли законодательство использование олонецкого карельского (Q44). Соответственно, примерно такое же число респондентов (57,3%) ответили, что не знают, препятствует ли законодательство использованию олонецкого карельского (Q45). Из тех, кто имел свое мнение о законах, касающихся использования языков, большинство справедливо считали, что законодательство является поддерживающим, а не препятствующим. Треть респондентов думали или знали, что существуют поддерживающие законы: 27,0% ответили, что законодательство в некоторой степени поддерживает использование карельского, а 6,0% считали, что имеется обширная поддержка. Незначительное меньшинство, 12,1%, ответили, что законодательство не поддерживает использование карельского языка. Точно так же, 29,4% ответили, что законодательство не препятствует использованию карельского языка, в то время как 13,3% респондентов считали, что существуют законы, препятствующие использованию карельского языка.

Вопрос Q44 о законодательной поддержке был прокомментирован каждым шестым опрошенным из группы меньшинства. Номинальный характер правовых актов был подвергнут критике:

(56) 64334530: (Q44)
Annetah valdu käyttiä, ga ei avvuteta.
«Нам дают право использовать [язык], но не помогают»
(Женщина, 30-49 лет)

(57) 64334097: (Q44)
Zakonat ollah keksitty, ga ei ruata rahvahan hyväkse.
«Они изобретают законы, но эти законы не работают на благо людей».
(Женщина, 30-49 лет)

(58) 64330013: (Q44)
Zakonad ollah, vaigu ei toimita.
«Законы существуют, но они не работают.»

(Женщина, 30-49 лет)

Конкретные правовые акты, упомянутые парой респондентов, были Конституция РФ, Конституция Республики Карелия и указ «О государственной поддержке карельского, вепсского и финского языков в Республике Карелия», от 31.03.2004 (Закон о поддержке). [8]

(59) 64334073: (Q44)
Ven'an konstitutsies on kirjutettu joga rahvahan oigevus oman kielen käytändäh.
«Право каждого народа использовать свой собственный язык прописано в Конституции РФ»
(Женщина, 30-49 лет)

Однако в качестве поддержки большинство респондентов назвали не конкретные правовые акты, а области использования карельского языка в общественных сферах (образование, СМИ). Такие комментарии, по-видимому, возникают вследствие представления о том, что законы, в принципе, *разрешают,* а не запрещают использование карельского языка в этих областях.

Хотя законы сами по себе не препятствуют использованию карельского языка, они мало этому способствуют:

(60) 64334004: (Q45)
täs ei ole sanottu selgiesti, ga yksikai ven'an kieli on piäkieli kaikis tärgiembis da suurembis kohtis
«Не выражено прямо, но основным языком в любой важной сфере является только русский язык.
(Женщина, 30-49 лет)

(61) 64334073: (Q45)
pagizemas kieltä ei, ka ei rakkahal ni potakoija pagizemah, opastundua emmo ni mainice, libo kielen käytön levendämisty
«Говорить на языке не [запрещено], но и не горячо поддерживается, не говоря уже о преподавании или расширении сфер использования языка».
(Женщина, 30-49 лет)

[8] 19.03.2004 (http://www.gov.karelia.ru/Karelia/1162/15.html). Одобрен Постановлением Правительства Республики Карелия, 17.05.2005.

Кроме того, многие указали на несообразность того, что карельский язык не является официальным языком титульной республики:

(62) 64334011: (Q45)
ei ole hyväksytty valdivon kielekse
«[Карельский] не принят как официальный язык».
(Мужчина, 50-64 лет)

Интересно, что в противоположность мнению карельских респондентов почти половина респондентов контрольной группы ответила, что карельский язык, по крайней мере, как-то поддерживается российским законодательством. Кроме того половина респондентов не считает, что российское законодательство препятствует использованию карельского языка. **Представляется, что респонденты русскоговорящей контрольной группы считают, что титульное положение карел в республике имеет бóльшее значение, чем считают сами карелы.** 18,9% е контрольной группы согласились, что карельский язык поддерживается, а 30,3% считают, что карельский язык частично поддерживается. Соответственно, 49,7% ответили, что законодательство не препятствует использованию карельского языка. 38,4% респондентов не знали, поддерживает ли законодательство карельский язык или нет. Только 12,5% считали, что карельский не поддерживается законодательством. Такой разброс в ответах и нечеткое знание ситуации, вероятно, является следствием отсутствия информации: как показано в 4.2, большинство средств массовой информации республики не касается правовых вопросов, касающихся языков меньшинств, таких как карельский и вепсский.

Эту тему респонденты контрольной группы прокомментировали, в общем, так же, как и карельские респонденты. Многие перечисляли сферы использования карельского языка в качестве доказательства, что карельский язык поддерживается законодательством. Однако некоторые были также знакомы с программами, направленными на поддержку языков меньшинств:

(63) 64351124: (Q29)
На уровне правительство Карелии есть программы на поддержание и развитие кар. и вепсского языков.
«На уровне законодательства Республики Карелия существует программа поддержки и развития карельского и вепсского языков».
(Женщина, 30-49 лет)

Пара респондентов контрольной группы также отметили отсутствие официального статуса карельского языка и то, что карельский не используется в официальных сферах. Они упомянули, что карелы входят в список малочисленных этнических меньшинств, которые охраняются в соответствии с Федеральным законом «О гарантиях прав коренных малочисленных народов России» от 30 апреля 1999 года. Но это, конечно, не типичный случай.

Наличие законодательства, поддерживающего многоязычие

Большинство карельских респондентов не смогли ответить, поддерживает ли законодательство использование различных языков в районе, где они живут. И снова большинство респондентов скорее положительно оценивает законодательство в поддержку языков. Большинство респондентов (66,2%) ответили, что не знают, поддерживает ли законодательство использование нескольких языков в их районе (Q46). Это, вероятно, связано с изначально нечеткой формулировкой вопроса. Значительная доля оставшихся респондентов (22,3%), однако, предположила, что существует законодательство, поддерживающие использование нескольких языков.

Только один из респондентов прокомментировал действующее законодательство. Напротив, некоторые респонденты и опрошенные в ходе интервью озвучили тот факт, что отсутствие финансовой поддержки препятствует возможностям, предоставляемым законодательством. В течение двух последних десятилетий не раз выдвигались разные проекты по улучшению ситуации карельского языка, но им не удалось осуществиться из-за отсутствия денег. Это типичная тема, обсуждаемая в карельских СМИ (см. 4.2).

(64) 64334073: (Q46)
Konstitutsieshäi on kirjutettu oigevus omah kieleh. Karjalas on zakon paikallizihe kielihe valdivollises kannatukses, ga jengukannatustu vai pienendetäh.
«Право на родной язык прописано в конституции. Существует закон о государственной поддержке местных языков в Республике Карелия, но финансовая поддержка даже уменьшается».
(Женщина, 30-49 лет)

Многие считают, что законодательство само по себе не является проблемой, но социально-экономические условия препятствуют выживанию языка:

(65) RU-KRL-IIAG4M:
minun mieles ühtennü suurennu vijannu on meijän talous ekonomiekku - -. da tansuija da pajattoa kielel voibi vai silloi konzu on vačču täüzi, se on üksi enzimäine suuri dielo. toine dielo tiettäväine pidää auttoa uskuo ristikanzal rahvahal karjalaizel rahvahal heijän tulii aiga. kolmas dielo on se gu iče valdivo kiändüs enämbäh, pidäis huoldu nämis meijän pieniluguizis rahvahis, kuduale kuulummo minun mieles müögi karjalaizet. müö vai kehitämmö suurdu kehittünüttü, piendü kehittämättömüö kehittämäh emmo rubie, se on dengoin tuhluamine
«Я считаю, что одна из самых больших проблем — это наша экономика. Танцевать и петь можно только с полным желудком. Это первая большая тема. Второе важное дело состоит в том, что мы должны помогать людям, карельскому народу верить в свое будущее. Третье — в том, что государство должно повернуться к нам лицом, должно заботиться о наших малочисленных народах, к которым мы, карелы, тоже принадлежим, на мой взгляд. Мы развиваем огромный развитый [язык], а тот, слаборазвитый мы не будем развивать, потому что это пустая трата денег».

Респонденты контрольной группы были более оптимистично настроены относительно того, что российское законодательство как-то поддерживает знание и использование нескольких языков. 43,5% ответили, что законодательство так или иначе поддерживает знание и использование нескольких языков в районе, где они живут. Только 13% ответили, что законодательство не поддерживает использование различных языков у них в районе. Однако доля не определившихся с ответом была очень значительной среди респондентов группы большинства. поскольку 43,5% ответили, что не знают, поддерживает ли законодательство использование различных языков.

Равное отношение к носителям разных языков

Большинство карельских респондентов не смогли сказать, по-разному или одинаково относятся к носителям разных языков у них в районе. Опять же, среди респондентов контрольной группы нашлось больше ответивших, что ко всем относятся одинаково. Большинство респондентов карельского меньшинства (61,1%) ответили, что не знают, относятся ли к носителям разных языков одинаково или нет. Остальные придерживались мнения, что отношение по крайней мере частично равное, а 14,8% согласились с равным отношением, а 6,7% частично согласились. 17,3% ответили, что отношение не одинаково. Те немногие, кто прокомментировал этот вопрос, сосредоточились на дискриминации мигрантов, особенно кавказцев. Следующий опрошенный высказал мнение, что было бы хорошо, если бы все, как местные жители, так и приезжие, говорили на своих

родных языках в общественных местах. Однако те, кто приезжает из других мест, должны также уважать местных жителей:

(66) RU-KRL-IIAG1F:
no müö elämmo Ven'an federacijas se monikanzalline monirahvahalline mua ja meil pidää kunnivoija toine toistu gu müö emmo ruvenne kunnivoimah toine toistu set midä rodieu set rodieu voinu - - no tiettäväine ku konzu müö tulemmo toizeh muah meile pidää kunnivoija hiän kulttuuru, hiän perintölöi meil pidää sežo kui tahto sobivu keskenäh
«Мы живем в Российской Федерации, а это многонациональная страна, и мы должны уважать друг друга. Если мы не будем уважать друг друга, начнется война. Но, конечно, если мы приезжаем в чужую страну, мы должны уважать ее культуру и наследие, если мы хотим как-то там прижиться».

43,9% респондентов контрольной группы не знали, относятся ли к носителям разных языков и к самим языка по-разному. Остальные склонялись в пользу равного отношения: 30,2% считали, что к языкам и их носителям имелось одинаковое отношение, 8% считали, что отношение частично равное. 17,9% ответили, что к разным языкам и их носителям относятся по-разному. Имея это в виду, наши данные, по-видимому, свидетельствуют о том, что среди карел и русских РК ксенофобия не слишком распространена. Однако, поскольку наши анкеты были направлены на карельский и вепсский языки, многие, вероятно, не задумывались о мигрантах из других областей, например, о выходцах с Кавказа (см. 2.4.1).

Языки на рынке труда

Респонденты обеих групп, как меньшинства, так и большинства не смогли сказать, существует ли законодательство, содействующее использованию различных языков на рынке труда. Почти три четверти респондентов не знали, существует ли законодательство, содействующее использование различных языков на рынке труда. 75,7% карельских респондентов ответили, не знают, существует ли законодательство, содействующее использованию различных языков на рынке труда. 18,3% ответили, что такого законодательства нет. Только 6,0% посчитали, что такое законодательство существует.

Респондентам контрольной группы также было не ясно, существует ли законодательство, содействующее использование различных языков на рынке труда в России. Подавляющее большинство (71,2%) ответили, что не знают,

существует ли такое законодательство. 15,1% считают, такого законодательства не существует. Опять же, несколько больше респондентов (13,7%) считали, такое законодательство есть.

Представления о законодательстве в противоположность действующему законодательству

Неосведомленность карельских респондентов в том, существует ли законодательная поддержка карельского языка, показывает, что обычным людям вообще трудно понять вопросы, связанные с законодательством. Как показывают более позитивные ответы респондентов контрольной группы, одно и то же законодательство может быть интерпретировано как несколько более или менее благоприятное. Как показано в главе 4.1, Конституция провозглашает право коренных этнических групп на собственный родной язык и гарантирует его поддержку. Однако факт остается фактом — законодательство не определяет сферы обязательного использования карельского языка в Российской Федерации или в каком-то определенном регионе.

Наиболее важной проблемой, касающейся правового статуса карельского языка, которую мы обсуждали в ходе интервью, было отсутствие статуса карельского как еще одного официального языка титульной республики. Было также отмечено, что карелы должны иметь номинальный статус «коренного малочисленного народа Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ», а также «коренного малочисленного народа РФ». Многие также упомянули пассивное отношение к карельскому возрождению языка и культуры.

Утверждается, что нормативные правовые акты Российской Федерации и Республики Карелия обеспечивают создание общих условий для сохранения языков народов Республики Карелия (Клементьев 2003b, Строгальщикова 2005, Карелы 2005). Однако, как отмечают многие наши респонденты и интервьюированные, «в большинстве случаев отсутствуют механизмы, которые гарантировали бы реализацию соответствующих норм, что оставляет простор для полного произвола исполнительной власти» (2-е мнение AC FCPNM 2006: Para 8, 311.). Тем не менее, исходное положение языков народов России, в том числе карельского языка, определяется Конституцией Российской Федерации (1993). Конституция гарантирует право всех народов России на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития (ст. 68). Закон о языке в России (Закон Российской Федерации о Языках народов России Федерации, 1991) заявляет равноправие языков народов России. Но русский язык обозначен Конституцией как

государственный язык Российской Федерации. Республики вправе назначить свои государственные языки.

Карелия остается единственной республикой, где язык титульного народа не является государственным языком республики наряду с русским. Тем не менее в российском общественном дискурсе карельский язык упоминается как «титульный язык» Карелии (Нерознак 2002: 12-13). В1993 году в Конституцию 1978 года была внесена поправка, которая не обозначила государственные языки, однако признала право республики провозглашать свои официальные языки в соответствии с республиканским законом (Закон о внесении изменений в Конституцию 1993 г.). Это означает, что старая редакция Конституции не содержала положений об официальном статусе финского языка, который когда-то имел место.

Конституция Республики Карелия (2001) прописывает русский язык как единственный государственный язык Республики (статья 11), хотя другие государственные языки могут быть признаны путем проведения референдума. После принятия поправки 2002 года к российскому закону о языке, статус государственного языка может быть дан только языку с письменностью, основанной на кириллице, и только в особых случаях — языку с письменностью, основанной на другом типе письма. Это условие усложняет признание официального статуса языка на основе латинской графики. Прибалтийско-финские языки, в том числе карельский и вепсский, подпадают под последнюю категорию.

Вопрос о получении карельским языком статуса государственного языка в РК поднимался в наших интервью несколько раз:

(67) Интервьюер:
pidäügö seh niškoi valdivolline staatus karjalan kielel
«Карельскому языку необходим офрциальный статус?»
RU-KRL-II-AG3F:
pidäü, no sidä minä uskon ei anneta meijän kielel, sendäh gu meijän Ven'an zakonat ollah moizet gu valdivon kielet voijah olla vai ven'alaizil kirjaimil kirjutetut. a meile karjalakse kirjutammo müö latinalaizil kirjaimil, sit tämä dorogu meile on salvas, kuni ei zakonoi muutetah. a meijän muas minä duumaičen niilöi ei konzu nikonzu ei muuteta. meile ühtes čuras varatah sidä separatizmua, a toizes gu olizimmo müö vot kui NN nügöi sanoi pračkata joga kerdua sit meile annettus hos midä. müö olemmo sih niškoi liijan vagavat tolerantnoit hil'l'aizet
«Да, это так, но я не верю, что нам это позволят. Потому что русские законы требуют, чтобы официальный язык писался бы на русском алфавите, а мы в карельском используем латиницу. Поэтому эта дорога ведет в тупик, если

только законы не будут изменены. Но в нашей стране, я думаю, законы никогда не изменятся. С одной стороны, опасаются сепаратизма, а с другой, если бы мы, как только что сказал Н.Н., говорили об этом вслух всякий раз, то мы бы получили все (чего хотели). Мы слишком серьезны, и терпимы, и спокойны, чтобы этого добиться».

Предположение о возможных сепаратистских целях, по-видимому, является одной из причин подавления и ассимиляции малых народов в России. Языковая политика в России считается частью национальной политики. Однако главный политический документ, Концепция государственной национальной политики (1996) прописывает лишь несколько положений о языках.

Как видно из приведенного выше примера, некоторые из опрошенных считают, что единственным способом для меньшинства заявить о себе в России является негативная гласность:

(68) RU-KRL-II-AG2M:
meile muite vähä ülen tietäh Karjalas karjalaizis. müö emmo ole mitahto muzein eksponuattu, müö olemmo elävü rahvas. no meile enämbi tietäh, en tiijä, kes azerbaidžanzois, kudamat meile täs eletäh ili gruzinois, a ei karjalaizis. - -
«Карел не знают даже в Карелии. Но мы не музейные экспонаты, мы живые люди. Но здесь хорошо знают азербайджанцев или грузин, которые приехали сюда, а вовсе не нас».
RU-KRL-II-AG3F:
karjalaizet Kondupohjua ei luajitah, sendäh ei varata - -
«Карелы не устраивают мятежей как в Кондопоге поэтому нас не боятся».

Все республики, кроме Дагестана и Карелии, приняли свои законы о языке. Несмотря на многочисленные проекты закона о языке и длительной работы по проведению языкового законодательства, языковые вопросы по-прежнему не урегулированы в Карелии. Одной из причин такой ситуации может быть незначительное политическое представительство меньшинства. Наши интервьюированные также поднимали вопрос об отсутствии карельских экспертов в официальных структурах. Тем не менее, в 2010 году избран министр культуры, карелка *Елена Богданова*, которая стала выдающимся деятелем в деле сохранения карельского языка и культуры:

(69) RU-KRL-II-AG3F:
meile gu on nügöi uuzi ministru iče karjalaine kul'tuuruministru ga no vähän

aigua no voibi siepäi vuottoa midätah
«У нас теперь новый министр, она сама карелка, министр культуры. Она еще совсем недавно, но мы ждем от нее чего-то хорошего».
RU-KRL-II-AG2M:
ja vähän aigua vie ei sua vie arvata
«Она еще совсем недавно, нельзя пока загадывать».
RU-KRL-II-AG3F:
da no midä olemmo hänes kuulluh häi on karjalan kielen puoleh, karjalaizien puoleh on karjalaizen kul'tuuran puolistai on.
«Но мы о ней слышали, она за карел, и она защитница карельской культуры».

Возможно, республиканские парламентарии заблокировали принятие закона, в частности, потому что опасались дальнейших политических требований (Шабаев 2008: 8). Скептическое отношение и нежелание чиновников принимать какие-либо меры, также были названы среди причин отсутствия статуса государственного языка республики (Богданов 2007: 16). Как говорит следующий интервьюированный, не хватило мужества претендовать на официальный статус карельского языка:

(70) RU-KRL-FG-AG4-04F:
tahton sanuo gu politiekas kai rippuu. enzimäizikse vot minä konzu ruavoin kui sanotah minä uskoin gu karjalan kieli rubieu elämäh kogo ijän - - yheksäkymmenviijendel-kuvvendel vuvvel täs nostettih meijän herrat i meijän rahvahallizien kul'tuuroin ruadajat i Karjalan liitto opittih nostua tädä kyzymysty, voibigo karjalan kieli azuo toizennu tazavallan kielenny ven'an kielen rinnal kui sanotah. no minä sit kačoin i mustelen gu herrat varattih tädä kyzymysty vediä loppussah. nenga minä sanon erähät buitegu opittih midäto ruadua, opittih kirjuttua kaikenmoizii dokumentoi, ohjelmoi, no konzu pidi kui sanotah kovašti sanuo tämä sana i vediä loppussah sit en tiije kunne kaikin hävittih
«Я хочу сказать, что все зависит от политики. Когда я работал, я всю свою жизнь верил, что карельский язык будет процветать. В 1995-1996 годах наши руководители и сотрудники из числа коренных народов, а также Союз карельского народа пытались поднять вопрос о том, может ли карельский язык стать вторым государственным языком республики, кроме русского. И я наблюдал ситуацию и помню, как наши руководители боялись довести этот вопрос до конца. Некоторые пытались многое сделать, написать разные документы и программы, но, когда пришло время сказать последнее слово и завершить все это, то я не знаю, куда все исчезло».

Кроме того, среди опрошенных в ходе интервью существует миф о национальном нигилизме и пассивности карел:

(71) RU-KRL-FG-AG2AG3-09F:
rubiet muga sanomah nimidä ei rodei
«Если даже попробуешь что-то сказать, все равно ничего не выйдет».
RU-KRL-FG-AG2AG3-06F:
käskie pidäy
«Нужно командовать».
RU-KRL-FG-AG2AG3-09F:
käskie meidy käskie pidäy
«Нужно, чтобы нами командовали».
Интервьюер:
no a gu sit ven'alazet ei tahtota omii lapsii opastua karjalan kieleh
«Но когда русские не хотят, чтобы их дети учили карельский».
RU-KRL-FG-AG2AG3-06F:
a pidäy heile mostu luadie kui on saamelazil - - sie annetah jengua konzu kui sinä opastut täh kieleh da menet iellehpäi stipendiet kai nenne. sit jogahizel himoittashäi olla bohatannu
«Мы должны быть похожи на саамов. Если учишь язык, им платят деньги, и дают гранты, если продолжаешь. Нынче все хотят разбогатеть».

Отсутствие местного специалиста, казалось бы, находится в противоречии с недавними изменениями национальной политики в сторону федерального государства. Однако в 2012 году нам остается лишь надеяться, что вновь избранный глава республики Александр Худилайнен внесет изменения в национальную политику. Его происхождение из ингерманландских финнов дало повод к позитивным ожиданиям у прибалтийско-финских меньшинств Республики Карелия.

Представляется, что большинство опрошенных в ходе интервью были, по крайней мере, отчасти осведомлены о ситуации с другими малочисленными народами России и сопредельных стран. Статус карельского языка сравнивался с положением шведского языка в Финляндии: один из интервьюированных отметил, что в процентном отношении карел в республике больше, чем шведов в Финляндии, однако карельский язык не имеет аналогичного статуса.

(72) RU-KRL-FG-AG4-05M:
miksebo Suomes annetah, seiччie protsentua on ruoччilastu sie, a so statusom gosudarstvennogo jazika. a meidy on kaheksa protsentua

«Почему в Финляндии дали официальный статус шведскому языку? Их только семь процентов. А нас тут восемь процентов».
RU-KRL-FG-AG4-08F:
da se on histourii
«И это история».
RU-KRL-FG-AG4-05M:
histourii no komu
«История, но для кого?»
RU-KRL-FG-AG4-04F:
yksi on histourii toine on politiekku vot politiekku se on
«Одно дело история, другое — политика. Ну, а это политика».
RU-KRL-FG-AG4-08F:
valdivon kieli, ruočin kieli
«Государственный язык, шведский язык».
RU-KRL-FG-AG4-05M:
sidähäi minägi sanon valdivon kieli pidäy Karjalal olla karjalan kieli tože gu on nygöi myöhä on
«Вот, что я не устаю говорить, государственным языком Карелии должен быть карельский, но теперь уже слишком поздно».

4.3.2.2 Наличие юридических текстов

Большинство карельских респондентов не смогли ответить, существуют ли доступные правовые тексты на олонецком карельском. Большинство респондентов (61,2%) ответили на вопрос Q47, что не знают, существуют ли они. Почти треть респондентов (31,5%) знали, что не существует законодательных документов на карельском языке. 7,3% считают, что юридические тексты на карельском существуют.

«Закон о поддержке» предусматривает возможность издавать законы на карельском, вепсском и финском языках по усмотрению законодателей. Таким образом, перевод не является обязательным, и поэтому их нет. Двое следующих интервьюируемых обсуждают тот факт, что перевод на карельский язык повлиял бы на отношение к языку руководства республики, и отсутствие таких переводов мешает карельскому языку получить официальный статус:

(73) RU-KRL-FG-AG4-08F:
herrat ei anneta karjalan kielele nimittumua valdua sendäh gu tulou piä- jos gu piämies on ven'alaine
«Руководители не дают никаких прав карельскому языку, потому что сам руководитель (республики) — русский».

RU-KRL-FG-AG4-04F:
opastua häin ei tahto
«И он не захочет учить язык».
RU-KRL-FG-AG4-08F:
valdivon kielet pidäy hänen maltua sit pidäy opastuo ven'a dai karjal eihäi olla uruat
«Ему придется знать государственный язык, придется учиться, русский и карельский — разные».

4.3.2.3 Образование и закон

Большинство карельских респондентов не знали, существует ли законодательство, поддерживающее использование олонецкого карельского в обучении. Они не знали, существует ли законодательство, регулирующее образование в олонецкой карельской школе. Большинство респондентов (60,2%) на вопрос Q48 ответили, что не знают, существует ли законодательство в поддержку использования олонецкого карельского в обучении. Примерно 30% респондентов считают, что существует, по крайней мере, какое-то законодательство такого рода; 20,1% ответили, что какое-то законодательство есть, а 9,9% сказали, что это законодательство значительно. 28 респондентов ответили, что нет такого законодательства. Кроме того, большинство (59,7%) респондентов не знали, есть ли законодательство, регулирующее обучение олонецкому карельскому в школе. Однако, почти пятая часть респондентов (19,4%) ответили, что такое законодательство есть, а (11,9%) ответили, какое-то законодательство существует. Только 9,0% считали, что нет такого законодательства.

(74) 64334004: (Q48)
Ven'an Federatsien opastuszakon kannattau etnokul'tuuristu komponentua opastundas 1-2 čuasuu nedälis
«Закон об образовании РФ поддерживает этнокультурный компонент, занимающий 1-2 часа в неделю».
(Женщина, 30-49 лет)

(75) 64334011: (Q48)
закон о поддержке языков в РК
(Мужчина, 50-64 лет)

Как и карельские респонденты, большинство респондентов контрольной группы не знали, существуют ли законы, регулирующие преподавание карельского языка как предмета в школах. 62,7% ответили, что не знают, существует ли такое

законодательство. Из оставшихся, некоторые думали, что такое законодательство есть: 16% ответили, что существует такое законодательство, а 8% думали, что есть какое-то законодательство такого рода. 13,3% ответили, такого законодательства нет. Комментарии показывают, что респонденты предполагают, что в сфере образования законодательство есть, потому что им известно, что карельский язык преподается в некоторых школах и в университете. Некоторые также считают, что региональный компонент (этнокультурный компонент) прописан в законе.

Некоторые респонденты подняли вопрос общего отношения к местным законодательным органам и правительству Карелии. Они считают, что местные чиновники просто марионетки в руках центральной власти, которая находится в Москве. Например, невозможно преподавать карельский язык, потому что стандарты образования едины по всей стране, и не дают привилегий региональным властям. Опрошенные считают, что местные условия должны более широко приниматься во внимание при установлении законодательства в целом по России. Обсуждалось, потребует ли базовое образование платы со стороны родителей, и если это случится, если преподавание карельского языка станет платным, никто не станет его изучать, как, по-видимому, думают многие интервьюированные.

Представления о законодательстве по сравнению с действующим законодательством

Закон об образовании Республики Карелия (1994) содержал языковую составляющую того же типа, что и законы об образовании других республик Российской Федерации. Он обещал, что в Республике Карелия будут созданы условия для того, чтобы представители коренных народов (карел и вепсов) могли получать общее образование на родном языке, а представители других национальностей могли выбрать язык обучения в пределах возможностей, предоставляемых системой образования. Однако это положение было изменено уже в 1997 году. В настоящем Законе об образовании от 2005 года большинство положений о языке, имевшихся в предыдущем законе, были исключены. Закон устанавливает лишь обязательство Республики поддерживать изучение национальных языков и других этнокультурных предметов в школах (статья 3) (так называемый этнокультурный компонент). Русский язык как государственный язык Российской Федерации должен изучаться во всех учебных заведениях. Языки обучения определяются учредителями образовательных учреждений в уставах.

В дополнение к Закону об образовании, Закон о поддержке (2004) указывает, что карельский, вепсский и финский языки могут изучаться как дисциплины в

образовательных учреждениях в соответствии с федеральным и республиканским законодательством (статья 4). Граждане имеют право на свободный выбор языка обучения и воспитания. Они имеют право изучать карельский, вепсский и финский языки и получать общее образование на этих языках. Республика обеспечивает эти права путем создания необходимого количества классов, групп и условий для их функционирования (статья 5). Эти права обеспечиваются также через одобрение реализации программ, содержащих, в частности, следующие мероприятия (статья 3): 3. Создание системы обучения карельскому, вепсскому и финскому языкам в общеобразовательных учреждениях; 4. Поддержка образовательных учреждений, где изучаются карельский, вепсский и финский языки, и (или), где есть потенциальная возможность для изучения этих языков; 5. Издание учебных и других материалов, научной литературы, художественной литературы и книг для детей, а также словарей на карельском, вепсском и финском языках; обеспечение образовательных, культурных, научных и других общественных институтов книгами и другими материалами; 7. Поддержка тех специалистов в области культуры, образования, науки, средств массовой информации, которые используют в своей деятельности карельский, вепсский и финский языки; 8. Совершенствование системы подготовки специалистов по карельскому, вепсскому и финскому языкам; 9. Содействие в развитии международных и межрегиональных связей, которые повышают сохранение, изучение, развитие и использование карельского, вепсского и финского языков.

Региональная целевая программа «Государственная поддержка карельского, вепсского и финского языков на 2006-2010 годы» (далее, Программа поддержки языков (2005)[9]) была утверждена в следующем году после принятия закона. Эта программа направлена на обеспечение прав карел, финнов и вепсов на сохранение, развитие, изучение и использование их родных языках. Следует заметить, что основными исполнителями программы является не один властный орган, как в других республиках, но три органа власти: Государственный комитет по делам национальной политики, Министерство образования и отдел по делам молодежи, Министерство культуры связей с общественностью.

Одно из направлений программы содержит мероприятия в области образования, культуры, науки, информации и административной деятельности. Первый раздел этого направления посвящен народному образованию и направлен на увеличение числа государственных служб в этой области. Задача состоит в том, чтобы улучшить

[9] Текст доступен на: http://www.gov.karelia.ru/Power/Committee/National/Lang/program.html

языковую компетенцию учащихся и расширить число школ с этнокультурным компонентом. Планируется измерять уровень удовлетворения нужд граждан по количеству их запросов к исполнительной власти.

4.3.3 Средства Массовой Информации

4.3.3.1 Существование СМИ

Как обсуждалось уже в п. 4,1, карельский язык чаще всего используется в традиционных СМИ: просмотр телепередач, прослушивание радио, чтение газет. Использование электронных средств массовой информации на карельском языке оказывается очень редким. В Q62A нашим карельским респондентам задали вопрос об использовании карельского языка в различных средствах информации. Как показано на рисунке 31 ниже, карельский язык используется, в основном, в традиционных средствах массовой информации. Доля респондентов, использующих эти самые популярные СМИ ежемесячно или чаще, была менее 40%.

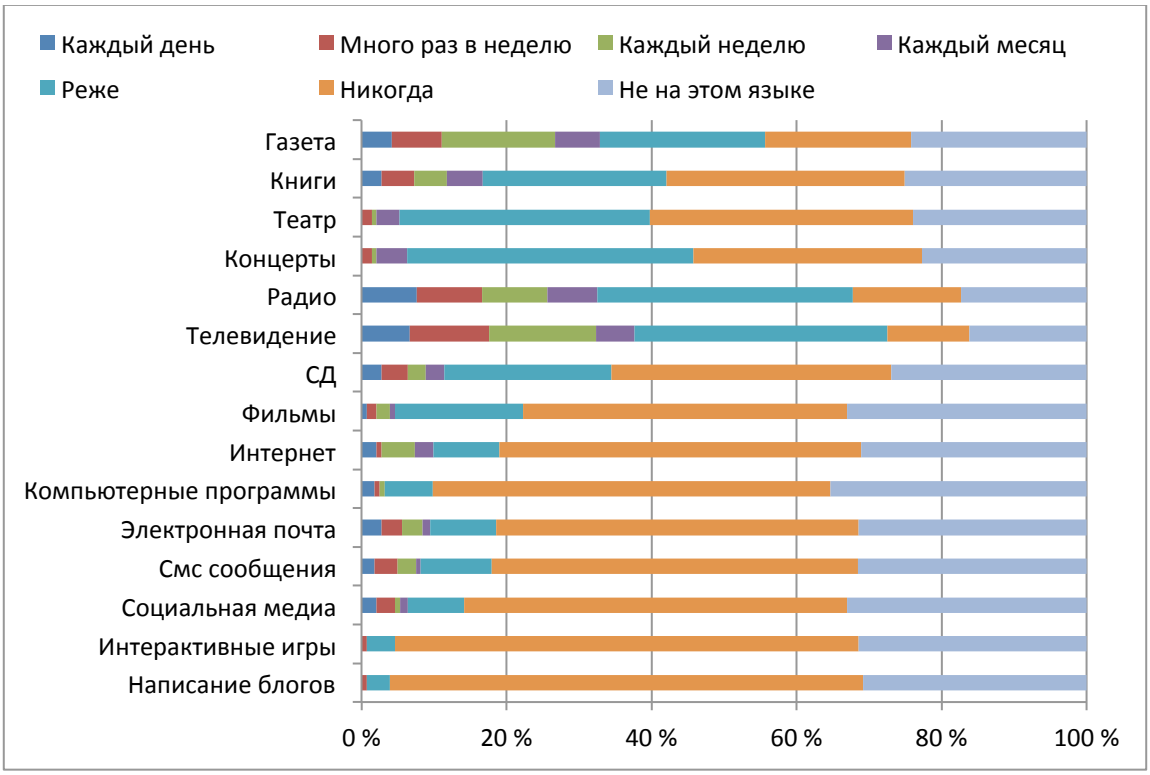

Рис. 31: Использование карельского языка в СМИ

Почти треть респондентов (32,4%) сообщили, что смотрят карельские телепередачи еженедельно, несколько раз в день или каждый день. 25,6% сказали, что они

слушают радио на карельском языке, по крайней мере, раз в неделю. Как показано в прежних исследованиях (например, в Viinikka Kallinen-2010), язык радио и телевидения имеет особое значение для носителей миноритарных языков по многим причинам: хотя носители могут и не вполне свободно владеть литературной нормой, они способны понимать СМИ, использующие устную речь, которые, как правило, бесплатны и не требует регистрации или подписки. Если принять во внимание возраст респондентов, то оказывается, что телевидение и радио широко используется пожилыми людьми, поскольку 45,7% старшей возрастной группы смотрит телевидение, а 51,4% слушает радио несколько раз в неделю или ежедневно. В самой молодой возрастной группе 34,8% никогда не смотрят карельских передач, а 43,9% никогда не слушают радио на карельском языке.

Как уже говорилось в 4.2, на телевидении карельский язык используется лишь в небольших количествах. В ходе интервью опрошенные обратили внимание еще на одну проблему, так как вещание карельских программ в рабочее время они считают неприемлемым:

(76) RU-KRL-FG-AG4-07F:
televizoras sežo pidäs enämbi, da ei huondeksel aijoi konzu kaikin ollah ruavos. - - moizet pereduačat ollah ylen hyvät ved' lapset i kačottas dai kai
«Должно быть больше телевизионных программ, но не рано утром, когда все на работе. Эти программы очень хорошие, их должны смотреть дети, в все остальные».

Чуть более четверти респондентов (26,6%) ответили, что еженедельно читают газеты на карельском языке. Газеты читают более равномерно карелы всех возрастов, хотя пожилые респонденты указывают, читают несколько чаще, чем молодые. Не многие респонденты когда-либо читали книги на карельском языке: только 11,9% сообщили, что читают их каждую неделю или чаще.

Представители средств массовой информации из контрольной группы интервьюированных указали на то, что получают очень мало откликов на публикации на языках меньшинств, однако опросы показали, что СМИ на языках меньшинств используется:

(77) RU-RU-FG-CG-P:
S1:
Раз исследования, нам многие говорили зачем вот вы выпускаете газеты,

вот такие на языке на карельском на вепсском их, никто не читает это мукулатура, денъги тратите, зачем вы передачи на языках радио, теле? А нам ответили в соответствии вот с ответами. Мы опросы проводили как среди вот городских вепсов так и вепсов Шелтозера, Шокши и Рыбреки.
S2:
Вот где-то около ста человек в итоге получилось по тридцать оттуда и где-то вот отсюда из города дак вот три четверты.
S1:
Слушают радио, смотрят телевизор на языке те передачи которые и читают газеты да, семдесятьпятъ процентов, три четверти.

В дополнение, респонденты сообщили, что электронные средства массовой информации на карельском языке используются очень редко. Следует, конечно, обратить внимание, что содержательный Интернет или интерактивные игры и т.п. практически отсутствуют на олонецком карельском и любом другом варианте карельского языка (см. 2.4.3). Использование интернет-контента на карельском языке, разумеется, характерно для более молодых возрастных групп: из группы AG1 27,3% заявили, что иногда используют карельский язык в Интернете.

(78) Интервьюер:
käytättögö työ karjalan kieldy internetas kuitahto?
«Вы как-нибудь используете карельский язык в Интернете?»
RU-KRL-FG-AG2AG3-05F:
viestii kirjutammo toiči
«Мы иногда пишем письма по электронной почте».
RU-KRL-FG-AG2AG3-07F:
kirjutammo kirjazii karjalakse da vie konzu nennih kaikkih foorumoile rubiet
«Мы пишем мейлы по-карельски и в дополнениях, если ты участник этих форумов».
Интервьюер:
sotsializih verkkoloih nennih
«В этих социальных сетях?»
RU-KRL-FG-AG2AG3-07F:
sinne kirjutammo
«Там мы пишем».
RU-KRL-FG-AG2AG3-06F:
meile on kaksi - - ryhmiä facebookissa da kontaktissa on. Oma Mua –lehten ga eule
«У нас есть две группы в Фейсбуке и В Контакте. *Oma Mua* не имеет своего форума.»

Интервьюер:
ongo karjalan kieldy kebjei käyttiä internetas
«Просто ли пользоваться карельским в Интернете?»
RU-KRL-FG-AG2AG3-06F:
eule äijäl äijiä jygei vaigevustu
«Больших сложностей нет.»
Интервьюер2:
a kuibo lövvättö nenne hattupiähizet kirjaimet sie
«Но как вы находите буквы с диакритикой?»
RU-KRL-FG-AG2AG3-07F:
suomen kieles
«Из финского.»
Интервьюер2:
a konzu nennii viestilöi kirjutatto vot tekstuviestilöi nennis kobraччulois, kudamalbo kielel on kebjiembi kirjuttua
«Когда вы пишете текстовые послания на мобильнике, какой язык легче использовать?»
RU-KRL-FG-AG2AG3-07F:
ken ellendäy karjalakse sille karjalakse kirjutammog.i nennii tekstuviestilöi on kebjiembi tiettäväine kirjuttua.
«Тем, кто понимает по-карельски, мы пишем на карельском. И эти смс писать, конечно, легче».
RU-KRL-FG-AG2AG3-06F:
ne ollah pienet pienembät sanat ollah
«Слова короче».

Карельские респонденты предпочитают использовать русский во всех типах СМИ. Далее, респондентов группы карельского меньшинства спросили об использовании русского языка в различных СМИ. Контраст между использованием карельского и русского отчетливо виден при сравнении рис. 31 и 32. Так, в то время как лишь 26,6% респондентов сообщили, что читают газеты на карельском языке, по крайней мере, раз в неделю, целых 90,8% респондентов делают то же самое на русском языке. Аналогично, доля респондентов, которые смотрят телепередачи на русском языке, по крайней мере, еженедельно, составила 93,5%, а на карельском — только 32,4%. Разумеется, в обществе, где живут наши респонденты, такой языковой выбор является естественным: наличие русских книг, газет, теле- и радиопрограмм, интернет-содержимого, компакт-дисков и т.п. во много раз превосходит то, что имеется на карельском.

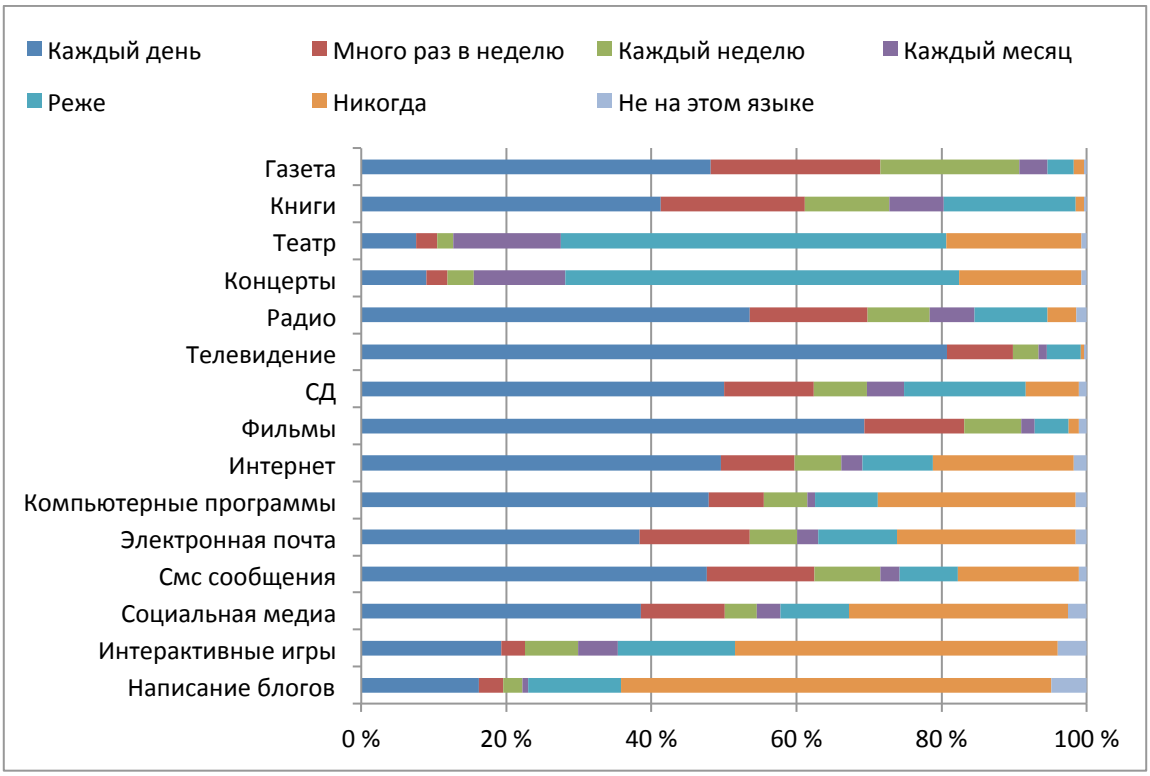

Рис. 32: Использование русского языка в средствах массовой информации

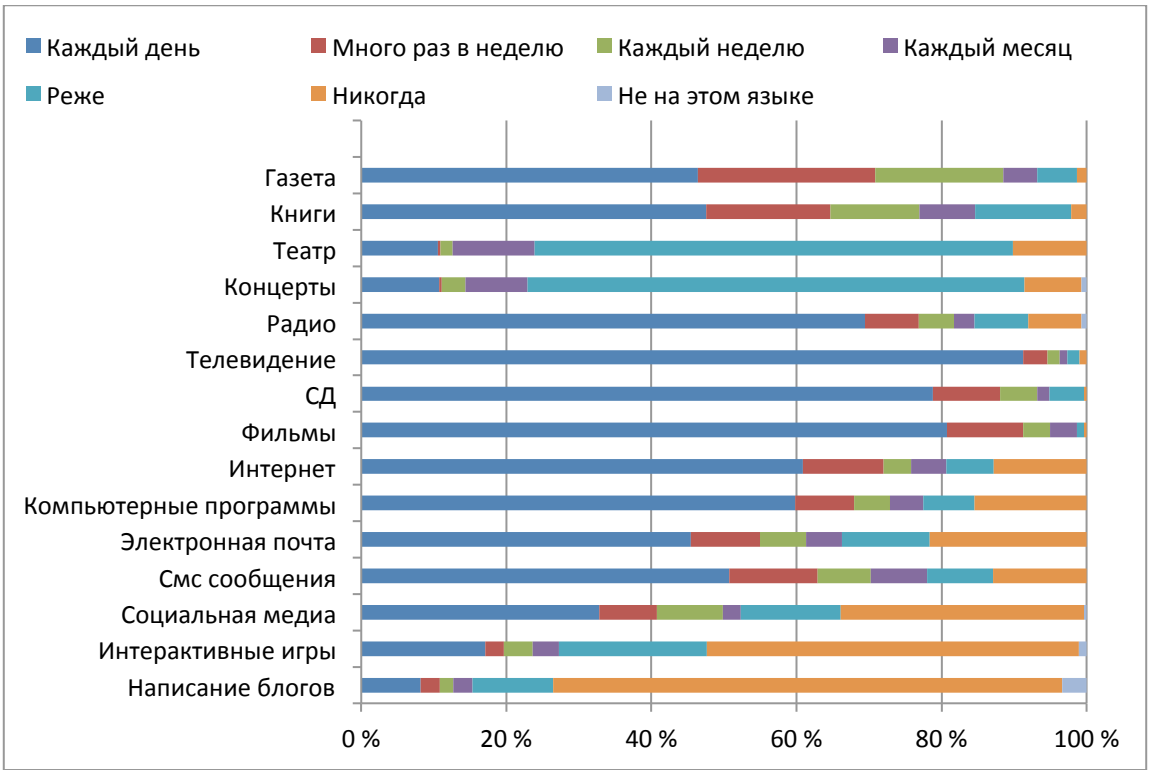

Рис. 33: Использование русского языка в средствах массовой информации (контрольная группа)

Использование русского языка в различных СМИ, указанное респондентами контрольной группы, не значительно отличалось от ответов респондентов группы меньшинства. Не было никаких существенных различий в использовании русского языка на различных медиа-платформах между олонецкими карелами и респондентами контрольной группы. При этом надо иметь в виду, что формулировка вопроса Q62 в случае изучения олонецкого карельского и вопроса Q37 в исследовании контрольной группы не обязательно свидетельствуют о языковом выборе респондентов, а свидетельствуют скорее о выборе определенных средств массовой информации. Однако респонденты контрольной группы указали, что используют новые средства массовой информации, такие как интернет-контент, компьютерные программы и компакт-диски, несколько чаще, чем респонденты карельской группы. С другой стороны, исследование контрольной группы велось в городе, в то время как исследование группы меньшинства, в основном, проводилось в деревнях. Кроме того, контрольная группа состояла из несколько более молодых людей, чем группа карельского меньшинства. Поэтому распределение возрасту и месту жительства частично объясняет эти различия.

4.3.3.2 Активное использование языков (создание текстов) и произведений культуры

Олонецкий карельский чаще всего используется при исполнении песен или чтении стихов, но как правило, не в нарративе (в реальных текстах). Респондентам был задан вопрос, используется ли карельский язык при создании естественных текстов или в активном творчестве (Q63A). Карельский язык вовсе не так часто используется при создании традиционных текстов. Как показано на рисунке 34, только крайне малое число респондентов используют карельский в письмах (4,8%), в дневниках (8,3%), при создании текстов (5,5%), при сочинении песен (2,6%) или выступая театре (8,1%) хотя бы ежемесячно. При этом доля респондентов, которые по-карельски поют песни (18,9%) или читают стихи (16,7%) хотя бы раз в месяц, была несколько больше.

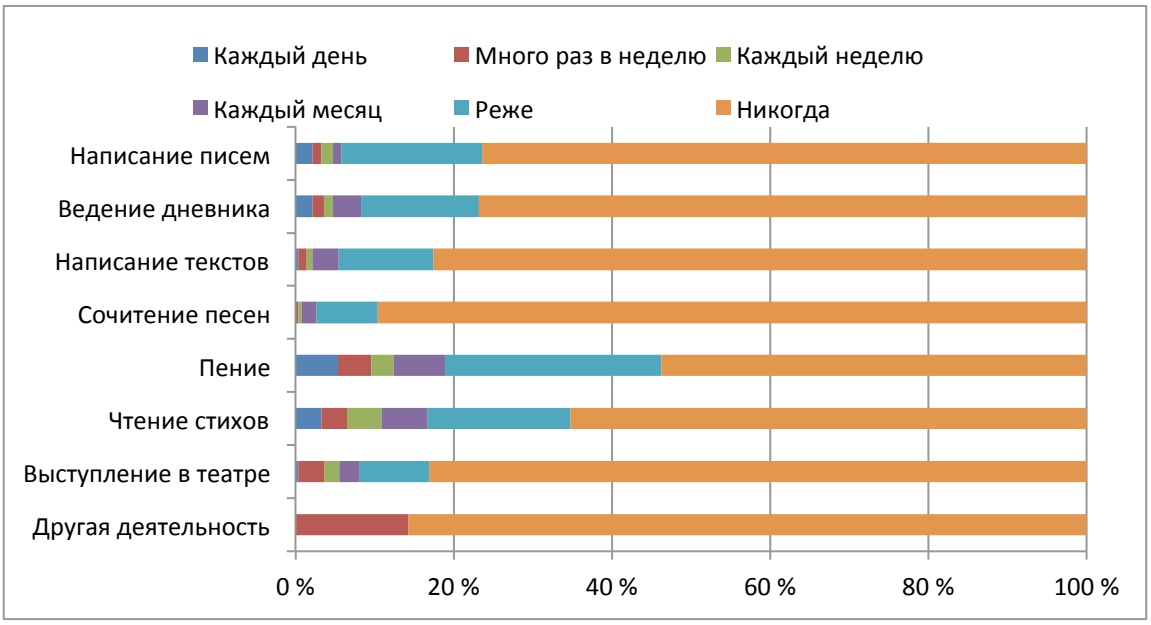

Рис. 34: Активное использование языка (создание текстов) и произведений культуры на карельском языке

Напротив, респонденты группы карельского меньшинства предпочитают писать, петь и читать стихи на русском языке. Очевидно, что такие действия, как написание текста и сочинение песни, в целом, не являются чрезвычайно распространенными. Поэтому, чтобы получить более полную картину активного использования двух языков, нам пришлось сравнивать использование каждого из языков (русского и карельского). Рисунки 34 и 35 показывают, что респонденты группы меньшинства предпочитают использовать русский язык во всех видах такой деятельности. Так, в то время как лишь 4,8% респондентов сообщили, что используют карельский язык, по крайней мере, ежемесячно при написании писем, доля респондентов, использующих русский язык, была выше — 32,4%. Аналогично, только 18,9% респондентов использовали карельский язык при исполнении песен, минимум раз в месяц, но 49,1% использовали русский язык.

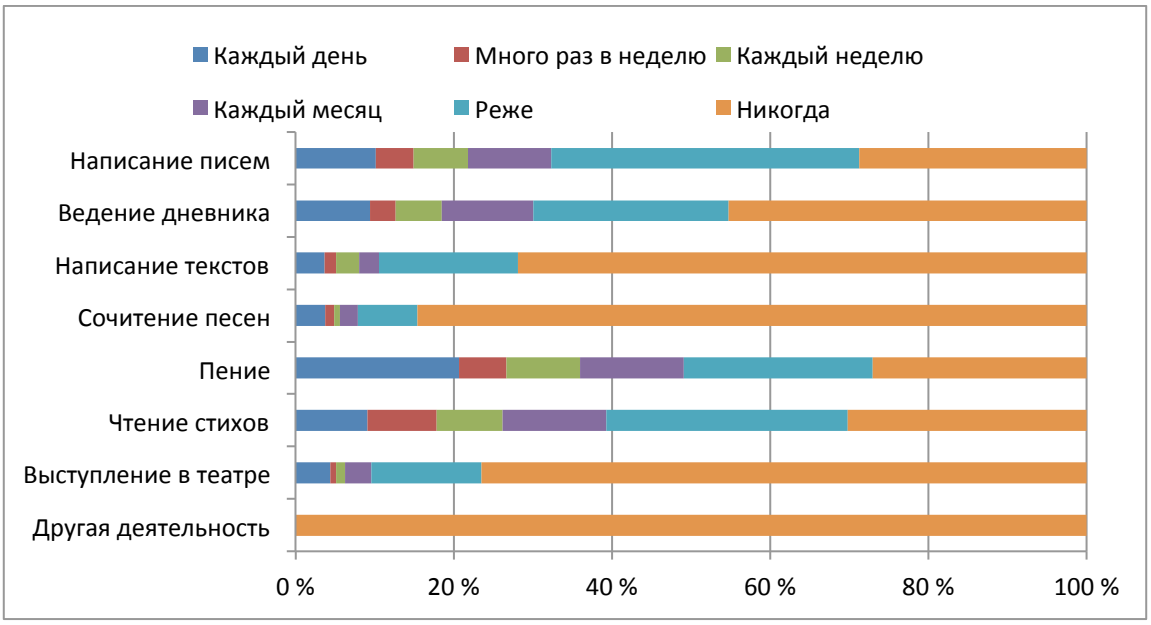

Рис. 35: Активное использование языка (создание текстов) и произведений культуры на русском языке

4.3.4 Образование

4.3.4.1 Овладение языком

Официальная система образования в России не дает достаточной поддержки для овладения карельским языком. Подавляющее большинство наших карельских респондентов выучили карельский исключительно в домашних условиях. Подавляющее большинство (82,0%) ответили, что выучили карельский дома. 7,7% учили его только в учебных заведениях. Доля респондентов, которые учили карельский как дома, так и в учебных заведениях, составила лишь 1,8%.

В целом, только 9,5% карельских респондентов сообщили, что до некоторой степени выучили карельский через систему образования. Это, конечно, само собой разумеется, если участь возрастное распределение респондентов, потому что, исключая краткий период в 1930 годах, карельский язык изучали в школе только в течение последних двух десятилетий (см. 2.4.3.). Не менее важно и то, что он не был языком обучения, а всего лишь предметом среди других с очень ограниченным количеством часов в неделю. Поскольку образование, вероятно, предоставляет для государства наибольшие возможности поддержать обучение карельскому языку, эти цифры вовсе не радуют.

Все опрошенные в ходе интервью ответили так же как респонденты, заполнявшие анкету — все, за исключением одного из студентов университета, выучили карельский дома. Старшее поколение выучило его от своих родителей, однако чем моложе был интервьюированный, тем чаще оказывалось, что его научили бабушки и дедушки.

(79) RU-KRL-FG-AG2AG3-05F:
minä kois duumaičen što opastuin pagizemah karjalakse. i kai oldih karjalazet, buaboi ni sanua ei malttanuh ven'akse, hänenkel olimmo kois. minä olin nuorembi lapsi, meidy oli nelli, häi minuu kačoi. ga sit mama gu toizet jo mendih školah häi nägi gu jygei on menn umbikarjalaizennu školah, sit häi minuu sinne detsaduh vedi vuvvekse, sie minä opastuin ven'an kieldy. en minä musta, ei olluh jygei sidä opastuo. možet kuulin kois midäto vahnembat paistih keskenäh, sie vahnembat školah käydih tämä sizäret da vellet. nenga mina harjavuin ven'akse pagizemah.
«Я думаю, что выучил карельский дома. Дома все были карелы, бабушка не знала ни слова по-русски. Я оставалась с ней дома, я была самой младшей из четырех детей, она сидела со мной. Когда мама поняла, когда другие дети пошли в школу, что им трудно учиться, они знали только карельский, и тогда она взяла и год водила меня в детский сад. Там я выучила русский язык. Я не помню, было ли мне трудно учиться, наверное, я слышала, как старшие братья и сестры, которые уже учились в школе, говорили дома. Так что я привыкла к русской речи».

Незначительное меньшинство респондентов (7,7%) и один из интервьюированных ответили, что выучили карельский язык в учебном заведении. Еще меньше доля респондентов (1,8%), сообщивших, что учили карельский как в школе, так и дома. Упоминались следующие учебные заведения: университет, школа, институт культуры и Ведлозерский педагогический институт.

Как было показано выше, представители русскоязычной контрольной группы, как правило, оценивают ситуацию с языками меньшинств лучше, чем сами носители. По словам следующего интервьюированного, факультет прибалтийско-финских языков в Университете Петрозаводска добивается выдающихся результатов:

(80) RU-RU-FG-CG-P:
Представьте себе младописьменные языки и там защищаются на пишут работы на вепсском языке на карельском и говорят и дискутируют, то есть у нас появилось масса молодых людей которые прекрасно говорят на своем языке.

Примерно четверть карельских респондентов (26,6%) дома совсем не учились русскому языку, как, например, свидетельствует следующее интервью:

(81) RU-KRL-FG-AG5-01M:
karjalan kiel, i muudu ei ole muailmal. a sit konzu školah lähtin, sit jo vähäizel tiijustin ongi toizii kielii Karjalas. - - kaikin pagizimmo tiettäväine karjalakse ku ven'akse ei moni malttanu.
«[Кроме карельского] других языков в мире не было. Но когда я пошла в школу, я поняла, что есть другие языки в Карелии. Мы все, конечно, говорили по-карельски, потому что русский знали не многие из нас».

Лишь небольшое число респондентов (15,9%) сообщили, что учили русский язык как дома, так и в учебных заведениях. Доля респондентов, которые ответили, что учили дома русский, составляет 57,1%. Это, по-видимому, указывает на синхронное двуязычие значительной части наших респондентов. Тем не менее, этот процент не следует понимать таким образом, будто эти респонденты учили русский только дома и нигде больше. Отвечая на подобный вопрос, респонденты обычно вспоминают о том, где они впервые начали учить язык. Обычный респондент не думает об изучении языка как о процессе, который продолжается в школьные годы. Русский язык был и остается практически единственным языком обучения в России. Поэтому, возможно, имелись также респонденты, которые просто не упоминали о том, что они также обучались на русском языке.

4.3.4.2 Язык обучения

Русский был и остается практически единственным языком обучения в каждой школе. В Q25 респондентам был задан вопрос, обучались ли они только на одном языке, когда пошли в школу. Подавляющее большинство (93,5%, или 273 респондентов) ответили, что у них в школе был лишь один язык преподавания. Как и ожидалось, в большинстве случаев это был русский. Только одна респондентка (старше 65 лет) сообщила, что ее единственным языком обучения был финский.

Очень немногие респонденты (0,7% -2,4%) указали на карельский как на один из языков преподавания в школе. В Q26 респонденты отвечали на вопрос, обучали ли их более чем на одном языке. Без сомнения, наиболее распространенным языком обучения был русский — карельский язык не был официально признан в качестве языка обучения с 1930 года (см. 2.4.3). Имелись очень немногие респонденты, которые сообщили, что учились на карельском языке.

Незначительное меньшинство респондентов указали, что одним из языков обучения был финский или английский язык. В Q26C и Q26D респондентам был задан вопрос, имелись ли у них, кроме русского и карельского, какие-то другие языки обучения. Только трое респондентов сообщили, что учились на каком-то другом языке (Q26C, Q26D) в дошкольном учреждении. Этим языком был финский, а респонденты принадлежали к возрастной группе 18-29 лет. Количество респондентов, которые учились на каком-то другом языке в начальной школе, было опять не велико — 17 человек. Это снова был финский, а респонденты принадлежали группе более 65 лет — это естественно, так как в течение 1920-х и 1930-х годов финский использовался в качестве языка обучения во многих карельских школах (см. далее обсуждение финского как языка преподавания в 2.2.1.) Один из респондентов, в возрасте 18-29 лет, ответил, что обучался на финском и английском языках. Были также 9 респондентов, которые сообщили, что учились на каком-то другом языке в средней школе. Большинство из них имели в виду финский, как язык обучения, но назывался и английский язык. Вероятно, некоторые респонденты не четко отделяли язык обучения от языка преподавания.

Точно так же. было несколько респондентов, которые сообщили в ходе персонального интервью, что у них в детстве языком обучения был финский. Следующий собеседник, действительно, во время интервью говорил, главным образом, по-фински:

(82) RU-KRL-FG-AG5-08F8:
ja siinä mie elin Paadenella lopetin seitsemän luokkaa - - siellä oli kaikki suomen kielellä.
«И я жил в Паадене. Закончил семь классов. Я закончил семь классов. Преподавали по-фински».

Более 90% респондентов в школе вообще не изучали карельский язык. В Q27 респондентам был задан вопрос, преподавался ли у них карельский язык в дошкольном учреждении, в начальной или средней школе. Подавляющее большинство респондентов сообщили, что у них не было карельского языка ни в дошкольных учреждениях (96,4%), ни в начальной школе (91,3%), ни в средней школе (93,5%). Поэтому очень немногие респонденты (3,6%, 10 человек) учили карельский в дошкольных учреждениях. Доли респондентов, которые сообщили, что у них было обучение карельскому языку в начальной школе (8,7%, 24 человека) или в средней школе (6,5%) были немногим выше. Некоторые респонденты, принадлежащие возрастной категории 18-29 лет, учили карельский в школе,

поскольку его преподавание началось (возобновилось) в конце 80-х годов. Некоторые респонденты, старше 65 лет, учили карельский язык в школе в 1930-е годы (см. 2.2.2.).

На самом деле, некоторые из наших интервьюируемых критиковали систему школьного образования в Республике Карелия за то, что та не предоставляет учащимся необходимую информацию о карельском народе данной местности:

(83) RU-KRL-FG-AG2AG3- 05F:
a konzu hyö mendih yhten kerran matkah en en musta Karjalas sie avtobusas ajajes sanottih što vot täs ennen elettih karjalaizet myö jo elimmö meidy jo ei ole elämäs sit lapsi tuli ja sanou elettihgo karjalaizet vai oletgo sinä vie karjalaine elävy karjalaine vot nenga on meil dielo školas se on itkusilmis voibi kuunnella nengomii midä meile školas on.
«Когда они однажды устроили экскурсию, я не помню, в Карелии, во время поездки на автобусе было сказано, что когда-то здесь жили карелы. Мы когда-то жили, значит, мы не существуем больше. Тогда мой ребенок пришел и спросил: остались ли еще карелы, вы все еще карелы, живые карелы? Вот такая ситуация в школе. Со слезами на глазах мы слушаем, что происходит в школе».

5 Барометр жизнеспособности конкретного языка

Конечный продукт проекта ELDIA, Барометр жизнеспособности европейского языка (EuLaViBar), будет создан на основе отчетов и анализа данной конкретной ситуации. Для этого жизнеспособность конкретного языка, являющегося предметом изучения, иллюстрируется лепестковой диаграммой. Идея и дизайн барометра и лепестковой диаграммы являются результатом длительного обсуждения и коллективной работы с участием многих членов консорциума ELDIA. (Планирование барометра было начато Ярмо Лайнио, дизайн лепестковой диаграммы впервые был предложен и вчерне выполнен Сиа Спилиополу Окермарк и далее разработан Катариной Целлер, а лепестковые диаграммы в их нынешней форме, в частности, количественная оценка результатов анкетирования, в значительной степени, основаны на дизайне анализа данных, разработанном Аннелей Саримаа и Евой Кюхирт.)

В следующем разделе основные выводы нашего исследования проанализированы и обобщены в рамках четырех приоритетных зон (Способность, Возможность, Стремление, Языковые продукты), принципы анализа данных ELDIA см. в главе 3.6. Сначала дается визуальное представление результатов (лепестковая диаграмма), или Барометр жизнеспособности для карельского языка в России. Расчеты и лепестковая диаграмма были подготовлены Кари Дьерфом и Евой Кюхирт.

©www.eldia-project.org
Настоящей таблицей нельзя пользоваться, распространять или воспроизводить без ссылки на проект ЕЛДИЯ (ELDIA), это также касается количественных и качественных сведений таблицы.

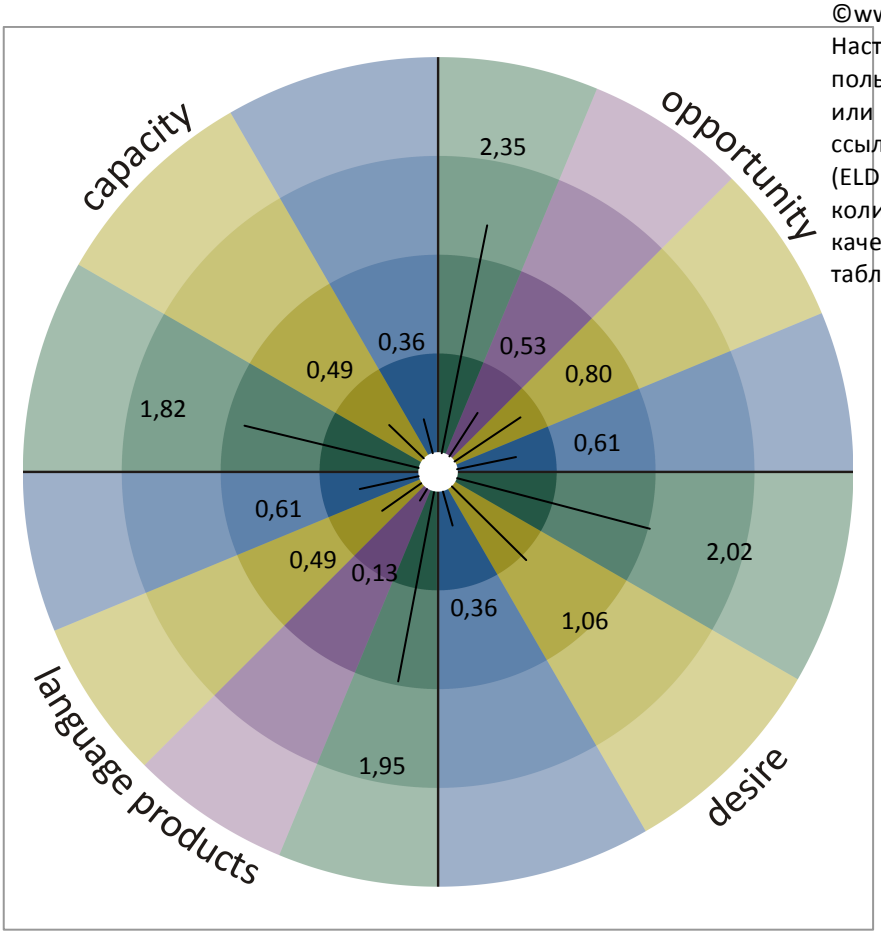

Рис. 36: Барометр жизнеспособности карельского языка в России
Capacity «Способность», Opportunity «Возможность», Desire «Стремление», Language Products «Языковая продукция»

Четыре параметра — Использование языка и языковое взаимодействие, Образование, Законодательство, СМИ — изображены четырьмя различными цветами. Отметим, что в секторах «Возможность» и «Стремление» имеется только три области (нет Образования). Поскольку некоторые значения оказались очень низкими, было решено, что линии будут начинаются не из центра, а из внутреннего круга. Это улучшает читаемость графиков.

Ниже приведены цвета, используемые для каждого параметра, а также цвета, используемые для каждого уровня.

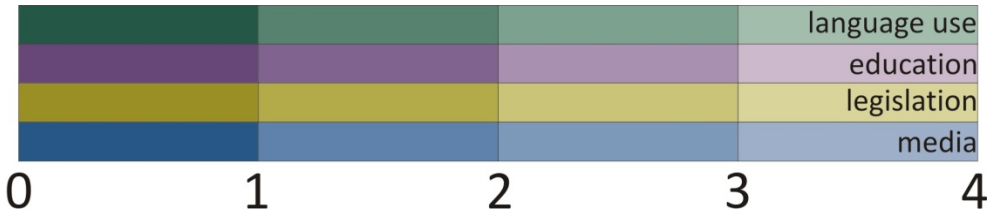

Рис. 37: Легенда для EuLaViBar
Language use «Использование языка и языковое взаимодействие», Education «Образование», Legislation «Законодательство», Media «Средства массовой информации»

Барометр жизнеспособности европейского языка является инструментом для измерения перспективы жизнеспособности языков меньшинств. Это делается путем определения условий, которые угрожают сохранению изучаемого языка, тех, которые способствуют его сохранению, а также тех, которые должны быть улучшены в целях поддержки сохранения изучаемого языка. Барометр включает в себя существенные компоненты четырех различных уровней: приоритетные зоны (уровень 1); которые включают несколько параметров (уровень 2); каждый параметр проанализированы с использованием тщательно выстроенного набора переменных (уровень 3). Варианты (уровень 4) переменных определялись по следующей системе масштабирования: (см. 3.6 выше).

Уровень **Описание**

0 **Сохранность языка находится в критическом состоянии, язык под серьезной угрозой исчезновения.** Язык «помнится», но не используется спонтанно в активной коммуникации. Его использование и передача следующему поколению официально не защищена и не поддерживается. Не поощряется изучение и использование языка детьми и молодежью.
→ Необходимы срочные и эффективные меры по возрождению языка для предотвращения его полного исчезновения и для восстановления его использования.

1 **Сохранность языка находится в ситуации острой опасности.** Язык используется в активной коммуникации по крайней мере в некоторых случаях, однако проблемы с его использованием, поддержкой и / или передачей оказываются столь серьезными, что использование языка может полностью прекратиться в обозримом будущем.
→ Необходимы немедленные эффективные меры по поддержке и поощрению языка для его сохранения и активизации.

2 **Сохранность языка находится под угрозой.** Использование и передача языка уменьшается, даже прекращается в некоторых контекстах или у некоторых групп говорящих. Если эта тенденция сохранится, в более отдаленном будущем использование языка может полностью прекратиться.
→ Должны быть приняты эффективные меры для поддержки и поощрения использования и передачи языка.

3 **Сохранность языка до некоторой степени достигнута.** Язык официально поддерживается и используется в различных контекстах, а также выполняет ряд функций (помимо главной и последней сферы употребления, такой как дом и семья). Язык часто передается следующему поколению, и многие носители могут и готовы развивать устойчивые модели многоязычия.
→ Принятые меры по поддержке и сохранению языка, по-видимому, оказались успешными и должны быть поддержаны и продолжены.

4 **Сохранность языка в настоящий момент поддерживается.** Язык используется, поощряется его употребление в широком диапазоне контекстов. Язык, по-видимому, не находится под угрозой: ничто не указывает на то, что (значительное количество) носителей языка откажутся его использовать и передавать следующему поколению, пока его социальная и институциональная поддержка остается на нынешнем уровне.
→ В долгосрочной перспективе необходимо контролировать языковую ситуацию и поддерживать использование языка.

5.1 Способность

В EuLaViBar приоритетная зона «Способность» соотносится с субъективной способностью использовать карельский язык и уверенностью в себе носителей карельского языка при использовании карельского (см. 3.6.3). Общая средняя оценка этой зоны — вторая по слабости среди всех областей. Как ясно видно на лепестковой диаграмме, самым сильным параметром этой зоны является *использование языка и языковое взаимодействие*. И все же, способность использовать карельский язык даже среди наших специально выбранных респондентов (см. дальнейшее обсуждение в 3.2) указывает на далеко зашедший языковой сдвиг, поскольку набирает, в общей сложности, 1,82 балла. В действительности, это самый низкий балл для этого параметра в Барометре в целом.

Использование языка и языковое взаимодействие

Самые слабые оценки по использованию карельского языка касаются современного использования. Наши респонденты указали, что в настоящее время пользуются карельским, общаясь со своим отцом, детьми, супругами, и с матерью[10]. Отметим, что наш рейтинг не учитывает смертность отцов[11], мы подсчитываем числа как таковые. Напротив, в детстве респонденты использовали карельский чаще всего со своими бабушкой и дедушкой, как со стороны матери, так и со стороны отца, родителями между собой, со своей матерью, в качестве родного языка (как первый язык), и, снова, реже всего со своим отцом[12].Средний балл использования языка внутри и между поколениями был равен 1,61, что предполагает острую угрозу в соответствии с определениями ELDIA.

Субъективная самооценка наших карельских респондентов ELDIA своей способности использовать карельский язык оказалась лучше, чем ожидалось, исходя из данных более ранних исследований и переписей населения (см. Самооценка языковой компетенции в 4.3). В действительности, самооценка языковой компетенции наших респондентов получила самый низкий балл — 1,56 (способность писать по-карельски), а самый высокий — 2,68 (способность понимать по-карельски). Однако если учитывать возраст респондентов — чего не делалось при расчете цифр для лепестковой диаграммы — становится явной видна суровая правда языкового сдвига. Только пожилые люди старше 65 лет оценили свое владение устным карельским как, в основном, свободное. Карельский язык, в первую очередь, является разговорным языком, как видно из рис. 6-10 в 4.3.

Хотя оказалось, что карельские респонденты владеют карельским языком лучше, чем ожидалось, сферы использования языка очень ограничены. Самый слабый средний балл (0,81) был получен при оценке сфер и частоты использования карельского языка в настоящее время. Как показано в 4.3.1.4.1, карельский язык является домашним языком, практически не использующимся вне дома или за пределами карельской деревни. Однако, по меньшей мере, 39,2% респондентов по-прежнему считают, что им проще говорить по-карельски в большинстве

[10]Родственники перечисляются в порядке возрастания частотности использования с ними карельского языка.

[11] Как известно, средняя продолжительность жизни мужчин в Республике Карелия очень низка, в 2008 г. она составляла 55 лет (см. Лаатикайнен 2009).

[12] Порядок соответствует уменьшению использования карельского языка.

жизненных ситуаций (см. 4.3.1.4.2), что был оценено как 1,57 по нашей системе. Это еще раз указывает на безразличное отношение к развитию карельского языка для того, чтобы он мог обслуживать все социальные потребности, поскольку предыдущие результаты можно интерпретировать таким образом: карельский язык считается удобным для использования в тех ситуациях, где он обычно уже используется, то есть у себя дома и с родственниками.

Самые высокие баллы по этому параметру были получены на вопрос о поддержке использования карельского языка со стороны родителей в детстве наших респондентов. Напротив, сегодняшняя ситуация выглядит менее перспективной, так как баллы упали от 2,8 до 2,5. Впрочем, разница не так велика, чтобы указывать на серьезные изменения в поддержке языка на протяжении жизни наших респондентов (см. также *Поддержка и запрет* в 4.3).

Законодательство

Для приоритетной зоны «Способность», параметр *законодательство* оценивался только в отношении существования законов, имеющих отношение к изучаемому языку. То, связано ли оно и в какой степени с субъективной оценкой носителями их компетенции в карельском языке, требует дальнейшего исследования. Как показано в 4.1, не существует никаких правовых документов, доступных на карельском языке. Как показано в разделе 4.3.2, большинство карельских респондентов были не уверены в ответе на этот вопрос. Несмотря на это, параметр *законодательство* получил нулевую оценку по расчетам EuLaViBar. Этот балл рассчитывается на основе ответов тех респондентов, которые считали, что правовые документы на карельском языке существуют. Ложное убеждение нескольких человек (21) из группы респондентов карельского меньшинства в существовании таких переводов законодательных документов трактуется как уверенность в себе.

Средства массовой информации

Как видно на барометре, параметр СМИ оценивается наиболее низко из трех параметров зоны «Способности». Использование и потребление различных — как старых, так и новых, печатных и электронных СМИ — было оценена очень низко (0,61). Создание различных видов языковых продуктов было оценено еще ниже (0,35). Разумеется, верно, что карельский язык почти не используется в средствах массовой информации. Однако частоте использования традиционных средств массовой информации (книги, газеты, радио, телевидение) был придан тот же вес, что и посещению театров, концертов, интерактивным играм — видам деятельности, которые не являются повседневными для большинства людей. И хотя доля респондентов, пользующихся традиционными средствами массовой

информации ежемесячно или чаще, была менее 40% (см. 4.3.3), ситуация, как нам кажется, не столь безнадежна, как можно предположить по полученному баллу.

5.2 Возможность

В свете Барометра жизнеспособности европейского языка приоритетная зона «Возможность» оказалась второй по силе зоной для олонецкого карельского. Все параметры за исключением «Законодательства» набрали наивысшие баллы в этом конкретном случае. «Возможность» соотносится с теми «фактически существующими» «институтами, которые позволяют, поддерживают или запрещают использование» карельского языка (см. 3.6.3). Параметр «использование языка и языковое взаимодействие» в зоне «Возможность» получил самый высокий балл, из всех полученных в нашем исследовании карельского языка. Однако даже самый высокий балл 2,35 не приближается к тому порогу, который указывал бы на то, что карельский язык надлежащим образом сохраняется и защищен.

Использование языка и языковое взаимодействие

Поддержка и запрет использования языка в детстве наших респондентов и в настоящее время (Q22, Q23 и Q24) получил довольно хорошую оценку в расчетах EuLaViBar. Эти вопросы, однако, были сформулированы не вполне корректно. Прежде всего, вопрос об отношении к выбору языка с детьми в настоящее время (Q24) вообще не следовало учитывать в Барометре, так как вопрос был плохо сформулирован и показывал только, имеется ли какое-то (любое) отношение к использованию каких-либо языков с детьми (см. подробнее *Поддержка и запрет* в 4.3). Во-вторых, отвечая на вопрос о запрете на использование карельского языка в детстве респондентов (Q22) было совершенно неправильным спрашивать, просили ли *родителей* респондентов не использовать язык при общении со своими детьми. Актуальной проблемой было бы наличие прямого приказа, обращенного *к самим детям*, не говорить по-карельски, или отношение родителей наших респондентов к тому, что их дети говорят на карельском языке.

Сохранение карельского языка рассматривалось нашими респондентами оптимистично, и, следовательно, получило относительно высокий балл в Барометре. Об усилиях по сохранению карельского языка (Q60) упоминалось очень часто, что было оценено высоко — в 3,86 балла в Барометре. Почти столь же положительно оказались оценены представления о существовании (Q55) учреждений и лиц, культивирующих карельский язык (3,82). Необходимость развивать карельский язык, чтобы он соответствовал социальным потребностям

(Q58) была оценена высоко (3,59) в EuLaViBar, хотя более трети респондентов затруднились в ответе на этот вопрос (см. Сохранность языка). Столь высокие баллы, в соответствии с определениями ELDIA, указывают на то, что «язык поддерживается институционально и используются в различных сферах и функциях (помимо его основной сферы семейного общения)».

Однако, в противоположность подобному оптимистичному взгляду на сохранность языка, результаты вопросов, касающихся использования карельского языка в различных сферах, дали более низкую среднюю оценку в расчетах EuLaViBar. Во-первых, более 60% наших респондентов считают, что им не легко использовать олонецкий карельской в большинстве жизненных ситуаций (оценка 1,57 в EuLaViBar). Во-вторых, когда их спросили, используется ли карельский язык в некоторых центральных сферах в российском обществе, средний балл оказался еще ниже 1,32. (см. *Использование языка по сферам употребления*). Эти цифры указывают на то, что по нашим подсчетам, карельский язык находится под серьезной угрозой.

Несмотря на упомянутые выше определенные недостатки, был получен общий средний балл 2,35, который указывает на то, что «использование и передача языка уменьшается, даже прекращается в некоторых контекстах или у некоторых групп говорящих», что представляется совершенно правильным описанием современных возможностей для носителей карельского языка говорить на собственном языке. Однако Барометр не показывает постепенного снижения жизнеспособности языка и ослабления усилий по его сохранению, происходящих после всплеска 1990-х годов. Наши данные также не описывают последствий прямых или неявных запретов на использование карельского языка в Советском Союзе перед потрясениями конца 1980-х годов. Однако он ясно показывают ограниченность сфер использования карельского языка, который, в основном, связан с внутрисемейной жизнью, и еще более — с карельскими деревенскими общинами.

Образование

Полученные по EuLaViBar, в целом, низкие оценки показывают, что Образование является самым слабым из всех параметров, касающихся карельского языка. Однако, в зоне «Возможность», Образование была оценено выше, чем Языковые продукты образования, получившие в Барометре самую низкую оценку. Различие в баллах между оценкой возможностей в образовании и в языковых продуктах образования объясняется более высокими баллами, полученными при оценке овладения карельским языком нашими респондентами. В иных случаях основа

расчета среднего балла для Образования аналогична основе расчета для Языковых продуктов.

Средний балл по овладению карельским языком может быть рассчитан как 1,72. Эта цифра отражает ситуацию, когда карельский язык изучается, главным образом (82% случаев), дома или в учебных учреждениях. Однако, даже этот низкий средний балл обманчиво высок, так как в расчетах EuLaViBar дом и школа, как среда обучения, рассматривались вместе. Более тщательный анализ наших данных показывает, что подавляющее большинство наших респондентов выучили карельский исключительно в домашних условиях. В действительности, только 9,5% респондентов изучали карельский в учебных заведениях. Если бы условия овладения карельским языком дома или через формальное образование рассматривались по отдельности, то средний балл был бы еще ниже, чем указанный. Итак, становится очевидным, что карельский язык в очень малой мере изучается через формальное образование.

С 1930-х гг. карельский не был языком обучения (см. 2.4.3). Поэтому этот язык не был языком обучения почти ни для кого из наших респондентов. Единственным официальным языком обучения на всех уровнях образования был русский, хотя некоторые курсы в университете иногда читаются по-карельски. Эти факты, конечно, оцениваются в Барометре близко к нулю.

При этом существуют некоторые возможности изучить карельский язык в рамках формального образования (см. 2.4.3). Карельский язык преподавался и продолжается преподаваться как предмет в некоторых школах Республики Карелия. **Однако более 90% респондентов не изучали карельский язык в школе.**

В заключение следует сказать, что карельский язык очень слабо поддерживается через образование. Несмотря на возможности, предусмотренные законодательством, и обещания поддерживать карельский и другие малые прибалтийско-финские языки Республики, карельский язык не используется как средство обучения. Кроме того, он почти не изучается и как предмет.

Законодательство

Говоря о возможностях, предусмотренных законодательством в отношении использования карельского языка, можно сказать, что, по крайней мере, нет запрещающего законодательства. Однако, как показано в 4.1 и 4.3.2, фактическая поддержка на официальном уровне очень мала. Как Барометр, так и наш анализ показывают, что правовой статус карельского языка поддерживается слабо,

несмотря на его номинальный статус титульного языка Республики Карелия. Это четко демонстрирует Барометр через низкий балл, который был менее 1.

Средний балл за осведомленность наших респондентов о законах, поддерживающих язык, был равен 1,73. Однако оценка отсутствия запретительных законов была достаточно высокой, получен балл 3,09. Как показано в 4.1 и 4.3.2, законы не запрещают использование карельского языка. Однако статус русского языка в качестве единственного официального языка Республики в законах прописан.

Законодательство в области образования на карельском языке или обучению карельскому языку получили средние баллы 2 и 2,52. Эти баллы свидетельствуют не о фактическом наличии таких законов, а об осведомленности наших респондентов об этих законах.

Как уже говорилось в предыдущей главе, не существует юридических текстов, доступных на карельском языке. Мнения наших респондентов по поводу их существования вряд ли много значат при оценке фактического существования таких текстов. См. подробнее обсуждение законодательства в 5.1.

Средства массовой информации

Существование карельских средств массовой информации можно приблизительно оценить через указанную респондентами степень использования различных СМИ в нашей анкете (Q62). Средний балл 0,61 указывает на очень редкое их использование, а также на наличие малого числа средств массовой информации на карельском языке. Однако, как обсуждалось в предыдущем подразделе, частоте использования традиционных средствах массовой информации (книги, газеты, радио, телевидение) было придано то же значение, что и посещению театров, концертов, использованию интерактивных игр, которые не являются повседневным видами деятельности для большинства людей. Хотя доля респондентов, использующих традиционные средства массовой информации ежемесячно или чаще, была менее 40% (см. 4.3.3), редкое использование новых средств массовой информации, таких как блоги или интерактивные игры, опустили средний балл использования карельских СМИ ниже, чем это было бы в случае, если бы учитывались только традиционные СМИ. при этом достаточно только взглянуть на рис. 31 и 32, чтобы понять, насколько доминирующей является роль русского языка в использовании СМИ.

5.3 Стремление

«Стремление» как приоритетная зона EuLaViBar соотносится с «стремлением и готовностью людей использовать» карельский язык. «[С]тремление также находит свое отражение в отношении к языку, а также в эмоциях, возникающих при (разных формах) использования» карельского языка (см. 3.6.3). Общий средний балл всех параметров зоны «Стремление» оказался самым высоким из всех четырех приоритетных зон.

Использование языка и языковое взаимодействие

Все переменные, включенных в параметр Использование языка и языковое взаимодействие в приоритетной зоне «Способность», учитываются и при расчете среднего балла по использованию языка и языковому взаимодействию в зоне «Стремление». Таким образом, области с наиболее позитивными результатами по этому параметру в зоне «Стремление» касаются, главным образом, отношения наших респондентов к своему языку и людям, и их понимание важности сохранения карельского языка. По поводу обсуждения проблемы родного языка, языковой компетенции и меж- и внутрипоколенческого использования языка, обратитесь к главе «Способность». Здесь же мы сосредоточимся на вопросах, которые не обсуждаются в рамках зоны «Способность».

Усилия и необходимость развивать и возрождать карельский язык активно обсуждаются, и, вследствие этого, набрали балл более 3 (см. выше в главе «Возможности»). Кроме того, отсутствие, по полученным сообщениям, запретов на использование карельского языка в детстве наших респондентов оценивается в Барометре очень положительно. Однако, как говорилось ранее в 4,3, эти положительные цифры не кажутся вполне надежными. Напротив, комментарии, сделанные как респондентами, так и наши интервьюированными, показывают, что в настоящее время ситуация стала гораздо лучше, и сообщается о, в основном, позитивном отношении к речи на карельском языке.

Отношение к сферам использования карельского языка соответствует представлениям о сферах реального использования карельского языка. Другими словами, по мнению наших респондентов карельский язык должен использоваться, в основном, в тех областях, где он привычно используется (см. *Использование языка по сферам употребления*). Однако в Барометре желание расширить сферы употребления карельского языка оценивается выше (3,59), чем сферы фактического употребления (2.61). Это предполагает стремление развивать карельской язык с учетом всех социальных потребностей.

Отношение наших респондентов к другим карелам привело к не слишком положительной оценке с точки зрения жизнеспособности языка. Как и ожидалось, пожилые люди, а не молодежь будут, в основном, использовать карельский язык. Это дало средний балл 2,31. Еще более низкий балл (1,77) был получен при оценке привлекательности карел в качестве знакомых и друзей. Однако, как уже обсуждалось в 4.3.1.8, формулировки этих вопросов давали повод для различных интерпретаций.

Карельский язык действительно рассматривается как не имеющий никакого значения на рынке труда. Поэтому средний балл в Барометре был низким, 1,34. Однако представляется спорным, действительно ли это вопрос приоритетной зоны «Стремление». Факт остается фактом — карельский язык не играет существенной роли на российском рынке труда, а мы не спрашивали о том, должен ли он ее играть.

Законодательство
Законодательство было оценено выше других параметров, хотя все равно очень низко — в 1.06 балла — в приоритетной зоне «Стремление». Этот балл отражает мнение ресапондентов о поддержке или запрете российским законодательством использовать карельский язык. Как показано в главах 4.1 и 4.3.2. и выше в зоне «Возможность», законы, по сути, оказываются поддерживающими, но знание о них является расплывчатым, и фактическая поддержка со стороны законодательства очень слаба.

СМИ
Стремление использовать карельский язык в средствах массовой информации оценивается через призму указанного респондентами использования различных СМИ. Поэтому значение средств массовой информации в приоритетной зоне «Стремление» сходно со значением в зоне «Способность». Однако у нас нет информации о том, хотели бы наши респонденты, чтобы было больше передач и публикаций на карельском языке в старых и новых СМИ.

5.4 Языковая продукция

«Языковая продукция» как приоритетная зона EuLaViBar соотносится с «наличием или спросом на языковую продукцию (печатную, электронную, «эмпирическую», например, концерты, спектакли, представления и т. д.), а также со стремлением иметь эту продукцию на и через» карельский язык (см. 3.6.3). В соответствии с нашим анализом СМИ в 4.1 и в свете более ранних исследований мы

предполагали, что общий средний балл для всех параметров зоны «Языковая продукция» будет самым низким из четырех приоритетных зон, что и имело место.

Использование языка и языковое взаимодействие
Языковая продукция соотносится со сферами, где карельский язык используется и где, по мнению наших респондентов, он и должен использоваться (Q39) и (Q61) (см. 4.3.1.4). Как уже было показано в приоритетной зоне «Стремление», эти сферы, в общем, соответствуют друг другу. Однако в Барометре предъявляется требование использовать карельский язык шире, чем он фактически используется, сферы его актуального употребления должны включать общественную жизнь. Поэтому средний балл составляет лишь 1,95.

Образование
Роль карельского языка в системе образования Республики Карелия является маргинальной. Обучение карельскому языку и культуре, как правило, тяготеет к сохранению культурного наследия, пению и танцам, к «этнокультурному компоненту». Среди наших респондентов лишь очень немногие изучали карельский язык, не говоря уже о тех, кто получил образование на карельском языке. Поэтому балл для языковой продукции в Образовании опустился ниже нуля, что указывает на острый недостаток обучения карельскому языку в системе образования.

Законодательство
Как и в параметре Законодательство приоритетной зоны «Способность», средний балл по законодательству в зоне «Языковая продукация» был основан на том факте, существуют или нет юридические тексты по многоязычию, переведенные на язык меньшинства (Q47). Балл рассчитывался на основе «лингвистической уверенности в себе» респондентов, то есть, на основе количества респондентов, которые считали, что такие законы доступны, независимо от того, является ли это мнение обоснованным или нет. В нашем случае средний балл по законодательству был очень низким (0,49).

Однако, низкий средний балл можно интерпретировать с двух различных точек зрения. С одной стороны, респондентов прямо не спрашивали, хотят ли они иметь законодательную языковую продукцию или услуги на и посредством карельского языка. Таким образом, этот балл нельзя интерпретироваться в том смысле, что респонденты не желают иметь такую продукцию или услуги. С другой стороны, этот балл прекрасно демонстрирует сложившуюся ситуацию: законодательная языковая продукция в переводе на карельский язык не существует.

Средства массовой информации

Параметр СМИ в приоритетной зоне «Языковая продукция» также получил очень низкий балл (0,61). Средний балл основывался на наличии различных средств массовой информации на карельском языке. Даже традиционные СМИ на карельском языке не является широкодоступными. Время трансляции телевизионных и радиопрограмм недостаточно, печатные СМИ выходят не ежедневно, а раз в неделю, что является резким контрастом с печатными СМИ на языке большинства. Электронные средства массовой информации на карельском довольно скудны и, в основном, доступны только образованной молодежи. Низкий балл не нужно интерпретировать в том смысле, что респонденты не хотели бы иметь больше такой продукции или услуг на карельском языке, так как оценка была основана только на факте наличия средств массовой информации на карельском языке. Носители карельского языка, на самом деле, не имеют реального выбора между карельскими и русскими СМИ.

5.5 Жизнеспособность карельского языка

Олонецкий карельский — как и другие варианты карельского языка — распространенный в России, без сомнения находится под серьезной угрозой исчезновения. Как показывает Барометр, баллы, полученные для различных параметров четырех приоритетных зон нигде не превышали цифры 3, что обозначало бы более безопасную ситуацию сохранности языка меньшинства и его положения в обществе.

Тот факт, что область *Использование языка и языковое взаимодействие* оказалась самой жизнеспособной во всех приоритетных зонах Барометра, подсказывает, что общественная поддержка олонецкого карельского в форме законодательства, образования и (поддерживаемых государством) СМИ очень слаба. Если принять во внимание, что наши респонденты были тщательно выбраны, картина способности и готовности пользоваться карельским языком, оказывается еще более печальной. Как показывают данные переписи населения 2010 г., число тех, кто считает себя карелом и тех, кто имеет какую-то компетенцию в карельском языке, резко снизилось всего за восемь лет. Сейчас тех, кто указал «карел» в графе национальность, стало на 34,8% меньше. И только половина из них указали, что знают карельский язык.

Консорциум ELDIA подчеркивает, что Барометр жизнеспособности языка никогда не должен использоваться для заключений о том, что какие-то языки не

«заслуживают» институциональной и / или финансовой поддержки. Барометр не может и не должен использоваться для предсказания судьбы какого-то языка.

Барометр помогает политикам и заинтересованным сторонам определить те условия, которые угрожают сохранности данного языка, те, которые способствуют его сохранности, а также те, которые следует улучшить в целях поддержки сохранения языкового разнообразия. В результате применения Барометра, особая поддержка может быть направлена именно на те зоны, которые получили низкие оценки жизнеспособности.

6 Выводы

I. Карельский является преимущественно разговорным языком, использующимся в домашних условиях среди пожилых людей. Карельская деревня рассматривается как жизненно важное условие для сохранения языка.

II. Русский язык доминирует во всех сферах жизни карел, английский не играет важной роли.

III. Родной язык не всегда используется при общении с родителями респондентов. Главным посредником при передаче карельского языка было поколение бабушек и дедушек.

IV. Доля родителей, использующих карельский язык со своими детьми, стремительно уменьшается. Число респондентов, поддерживающих своих детей, если они используют карельский, несколько меньше, чем доля тех, кто получает такую поддержку от своих родителей.

V. Подавляющее большинство респондентов овладели карельским языком дома. Русский был и остается языком обучения во всех практически без исключения.

VI. Карельский язык используется чаще всего в традиционных СМИ, таких как телевидение, радио и газеты. Использование карельского в электронных средствах массовой информации является крайне редким. Карелы предпочитают русский язык во всех типах СМИ.

VII. Владение русским языком рассматривается как обязательный навык на рынке труда. В трудовой жизни карельский язык практически бесполезен.

VIII. Отношение к карельскому языку со стороны как меньшинства, так и большинства, а также со стороны законодательства, в принципе, нейтрально или даже благоприятствует. В то же время, карельский язык не воспринимается как современное средство коммуникации, которое стоит развивать за пределами традиционной языковой общины. Чем выше уровень образования респондента, более она(а) уверен(а) в необходимости развивать язык.

IX. Смешение языков считается характерной черта носителей олонецкого карельского. Смешение связывается не с уровнем образования говорящих, а, скорее, с их возрастом. Считается, что пожилые люди говорят по-карельски правильно.

X. Будущие перспективы олонецкого варианта карельского языка рассматриваются как очень неопределенные.

XI. Хотя законы сами по себе и не препятствуют использованию карельского языка, они его очень слабо поддерживают. Респонденты из группы большинства оказались более оптимистичны, считая. что российское законодательство в какой-то степени поддерживает использования нескольких языков.

XII. Наиболее важной проблемой, касающейся правового статуса карельского языка, которая обсуждалась с нашими интервьюированными, было отсутствие у карельского статуса второго официального языка их титульной республики.

Библиография

Алто, Э. Л. (1994). *Справочно-аналитические материалы по литературе Карелии: (для «Энцикл. слов. лит. народов России. XX век».* Петрозаводск: Карел. науч. центр РАН.

Анисимов Н. (1939). *Карельскойн киэлен грамматика.* Петрозаводск.

Анттикоски Э. (1998a). Стратегия карельского языкового планирования. In: *В семье единой. Национальная политика партии большевиков и её осуществление на Северо-Западе России в 1920 – 1950-е годы.* Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского университета, 207-222.

—— (2000). Попытка создания единой карельской письменности. In: *Республика Карелия: 80 лет в составе Российской Федерации (становление и развитие государственности).* Материалы Международной научно-практической конференции. 6 июня 2000 г. Петрозаводск, 154-160.

Афанасьева А.И. (1989). *Культурные преобразования в советской Карелии. 1928-1940.* Петрозаводск: „Карелия“.

Баранцев А.П. (1967). Карельская письменность. In: *Прибалтийско-финское языкознание. Вопросы фонетики, грамматики и лексикологии.* Петрозаводск, 89-104.

Беляков А.А. (1958). Языковые явления, определяющие границы диалектов и говоров карельского языка Карельской АССР. In: *Прибалтийско-финское языкознание*. Петрозаводск, 49-62.

Бирин В.Н. (1992). *Брак и семья сельского населения Карельской АССР в 1950-1970-е годы.* Петрозаводск: Кар. науч. центр РАН. Ин-т яз., лит. и истории.

—— (1999). О роли финского языка в современной общественно-политической жизни Карелии. – *Земля карельская*. Специальный выпуск Государственного Комитета Республики Карелия по национальной политике. 17/1999.

—— (2000). Население Карелии в XX веке (формирование этнического состава). In: *Республика Карелия: 80 лет в составе Российской Федерации (становление и развитие государственности).* Материалы Международной научно-практической конференции. 6 июня 2000 г. Петрозаводск, 106-116.

Богданов В.Е. (2007). Карельский язык – взгляд в будущее. In: *Развитие карельского языка в Республике Карелия: состояние, проблемы, перспективы.* Материалы Республиканской научно-практической конференции 26-27 июня 2007 года. Петрозаводск, 15-17.

Бойнич, В., Е. Богданова. (2008). Республика Карелия. In: *Многоязычие в России: региональные аспекты.* Москва: Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества, 25-32.

Бубрих Д.В. (1937). *Грамматика карельского языка (фонетика и морфология).* Петрозаводск, 1937; см. также в книге: Бубрих Д.В. *Прибалтийско-финское*

языкознание: избранные труды. Под ред. Г. М. Керта, Л. И. Сувиженко. Санкт-Петербург: СПбГУ, 2005, 291-344.

—— (1947). *Происхождение карельского народа.* Петрозаводск, Государственное Издательство Карело-Финской ССР, 1947; см. также в книге: Бубрих Д.В. *Прибалтийско-финское языкознание: избранные труды.* Под ред. Г. М. Керта, Л. И. Сувиженко. Санкт-Петербург: СПбГУ, 2005, 345-379.

—— (1948). Историческое прошлое карельского народа в свете лингвистических данных. – *Известия Карело-Финской научно-исследовательской базы АН СССР* 3, 42-50.

—— (2005). *Прибалтийско-финское языкознание: избранные труды*. Под ред. Г. М. Керта, Л. И. Сувиженко. СПб: СПбГУ.

Витухновская М. (2001). Карелы и Карелия в контексте имперской политики России. *Финно-угроведение* 1/2001, 9-19.

—— (2006). *Российская Карелия и карелы в имперской политике России, 1905-1917*. Санкт-Петербург.

Вихавайнен Т. (1998). Национальная политика ВКП(б) / КПСС в 1920 – 1950-е годы и судьба карельской и финской национальностей. In: *В семье единой. Национальная политика партии большевиков и её осуществление на Северо-Западе России в 1920 – 1950-е годы*. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского университета, 15-41.

Головкин А.Н. (2001). *История Тверской Карелии*. Тверь: ЧуДо.

Еремеев А.В. (2007). Карельский язык в электронных средствах массовой информации. In: *Развитие карельского языка в Республике Карелия: состояние, проблемы, перспективы.* Материалы Республиканской научно-практической конференции 26-27 июня 2007 года. Петрозаводск, 32-33.

Жаринова О.М. (2008). Обучение родным языкам в дошкольно-образовательных учреждениях Республики Карелия. In: *Международный семинар «Международные нормы и законодательство Российской Федерации в области сохранения языка и культуры, традиционного образа жизни, природопользования коренных народов: Норма. Теория. Практика» (25-27 ноября 2008 года).* Петрозаводск, 139-142.

Жербин А.С. (1956). *Переселение карел в Россию в XVII веке.* Петрозаводск: Издательство Карело-Финской ССР.

Жербин А.С., Шаскольский И.П. (1976). Советская наука о происхождении карел. In: *Происхождение Карелии.* Доклады семинара. 30 июня – 2 июля 1976 г. Университет Йоэнсуу. Йоэнсуу, 19-40.

Зайков П.М. (1999). *Грамматика карельского языка: фонетика и морфология.* Петрозаводск.

—— (2000). *Глагол в карельском языке (грамматические категории лица-числа, времени и наклонения).* Петрозаводск.

—— (2007). Перспективные направления в исследовании карельского языка. In: *Развитие карельского языка в Республике Карелия: состояние, проблемы, перспективы.* Материалы Республиканской научно-практической конференции 26-27 июня 2007 года. Петрозаводск, 34-35.

—— (2008). Карельский язык. In: Klement'ev, E. I. (2008a). Клементьев Е.И. *Карелы. Историко-этнографический очерк.* Петрозаводск, 9-23.

Зайков П., Ругоева Л. (1999). *Карельско-русский словарь.* Петрозаводск.

Зайцева Н.Г. (2002). Исследование прибалтийско-финских языков Карелии: теория и практика. In: *Бубриховские чтения. Проблемы прибалтийско-финской филологии и культуры: Сб. науч. статей.* Петрозаводск: ПетрГУ, 26-33.

Ивкова, Ю.П. (2002). Этническая идентичность и этнические стереотипы молодых карелов в пространстве межэтнического взаимодействия. In: *Бубриховские чтения. Проблемы прибалтийско-финской филологии и культуры: Сб. науч. статей.* Петрозаводск: ПетрГУ, 302-310.

Илюха О. (2001). Школьная политика и проблемы образования в Олонецкой и Архангельской Карелии. – *Финно-угроведение*. № 1. Йошкар-Ола, 21-38.

Ингерманландские финны (2006). = *Ингерманландские финны: модели этнической мобилизации.* Сборник материалов и документов. Составители В. Н. Бирин, Е. И. Клементьев, А. А. Кожанов, З. И. Строгальщикова. Петрозаводск.

История Карелии (2001). = *История Карелии с древнейших времен до наших дней.* Науч. ред. Н.А. Кораблев, В.Г. Макуров, Ю.А. Савватеев, М.И. Шумилов. Петрозаводск: Периодика.

История литературы (1997) = *История литературы Карелии. Т. 2. Финноязычная литература Карелии*. Э. Л. Алто. – Санкт-Петербург : Наука.

История литературы (2000) = *История литературы Карелии. Т. 3.* Редкол.: Н. С. Надъярных (гл. ред.), Ю. И. Дюжев и др.; ред. Ю. И. Дюжев. Петрозаводск: Карел. науч. центр РАН.

Итоги 2002 (2004) = *Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Том 1: численность и размещение населения*; *Том 4. Книга 1. Национальный состав и владение языками, гражданство.* Москва.

Кангаспуро М. (1998). Финская эпоха Советской Карелии. In: *В семье единой. Национальная политика партии большевиков и её осуществление на Северо-Западе России в 1920 – 1950-е годы.* Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского университета, 123-160.

Карелия – территория согласия (2009) = *О реализации региональной целевой программы "Гармонизация национальных и конфессиональных отношений, формирование гражданского согласия в Республике Карелия на 2007-2011 годы" ("Карелия - территория согласия") в 2009 году.* Petrozavodsk: Government of Karelia. http://www.gov.karelia.ru/Power/Committee/National/100326.html [Accessed 30 August 2010].

Карелы (1983). = *Карелы Карельской АССР.* А.С. Жербин, Г.М. Керт, К.А. Морозов, Ю.А. Савватеев, И.П. Шаскольский, Издательство Карелия, Петрозаводск.

Карелы (2005). = *Карелы: модели языковой мобилизации.* Сборник материалов и документов. Составители Бирин В.Н., Клементьев Е.И., Кожанов А.А. М.

Карельское национальное движение (2009). = *Карельское национальное движение. Часть 1. От съезда к съезду.* Сб. материалов и док. Сост.: Е. И. Клементьев (рук.), А. А. Кожанов. Петрозаводск : Карельский научный центр РАН.

Кармазин А.С. (2007). О состоянии и проблемах реализации национально-регионального компонента государственного стандарта общего образования Республики Карелия. In: *Развитие карельского языка в Республике Карелия: состояние, проблемы, перспективы.* Материалы Республиканской научно-практической конференции 26-27 июня 2007 года. Петрозаводск, 36-39.

Керт Г. М. (2000). *Очерки по карельскому языку.* Институт языка, литературы и истории, Карельский научный центр РАН, Петрозаводск: Карелия.

Килин, Ю. М. (2000). Карельская государственность в 1920-41 гг. In: *Республика Карелия: 80 лет в составе Российской Федерации (становление и развитие государственности.* Материалы Международной научно-практической конференции 6 июня 2000 г. Петрозаводск, 15-17.

—— (2001). Гражданская война в России и рождение Карельской автономии. – *Финно-угроведение*. № 1. Йошкар-Ола, 30-39.

Киркинен Х., Невалайнен П., Сихво Х. (1998). *История карельского народа.* Петрозаводск. 1998.

Клеерова Т.С. (2000). Законопроект как способ решения языкового вопроса в Республике Карелия (реальная практика и перспективы развития). In: *Республика Карелия: 80 лет в составе Российской Федерации (становление и развитие государственности.* Материалы Международной научно-практической конференции 6 июня 2000 г. Петрозаводск, 168-175.

—— (2001). Т.С. О перспективах карельского языка в Республике Карелия. In: *Финно-угорский вестник*. Информационный бюллетень № 3 (21). Йошкар-Ола.

—— (2004). Функционирование родных языков и реализация Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств и Европейской хартии о региональных языках и языках национальных меньшинств. In: *Финно-угорский вестник*. Информационный бюллетень № 3 (34). Йошкар-Ола, 2004. С. 50, 51.

Клементьев Е. И. (1971a). *Социальная структура и национальное самосознание (на материалах Карельской АССР)*. Автореферат на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Москва: АН СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая.

—— (1971b). Языковые процессы в Карелии (по материалам конкретно-социологического исследования карельского сельского населения). – *Советская этнография* 1971 № 6, 38-44.

—— (1974). Развитие языковых процессов в Карелии (по материалам конкретно-социологического исследования карельского городского населения). – *Советская этнография* 1974 № 4, 26-36.

—— (1976). Национально-культурные ориентации карельского городского населения. – *Советская этнография* 1976 № 3, 57-68.

—— (1988). *Основные тенденции развития сельской поселенческой сети в послевоенные годы*. Препринт доклада на заседании Ученого совета Института языка, литературы и истории 30 декабря 1988 г. Петрозаводск.

—— (1991). *Карелы. Karjalažet. Этнографический очерк.* Петрозаводск: Карелия.

—— (1998). *Республика Карелия. Модель этнологического мониторинга.* Москва.

—— (2000). Этничность и конституционализм. In: *Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов.* Бюллетень № 34 Ноябрь-декабрь, 42-46.
—— (2001). Правовая защита национальных интересов: миф или реальность? In: *Сеть этнического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов.* Бюллетень № 40. Ноябрь-декабрь, 32-39.
—— (2002). Карелия: штрихи к этнополитическому портрету (история и современность) – *Этнопанорама*, № 1. Оренбург, 2002, 48-59.
—— (2003a). Республика Карелия. In: *На пути к переписи.* Под ред. В. А. Тишкова. Москва, 167-207.
—— (2003b). В поисках правовой защиты культурно-языковых интересов карел, вепсов, финнов Республики Карелия. In: *Права человека и законодательство о языках в субъектах Российской Федерации*. Москва: Изд-во Российского университета дружбы народов.
—— (2003c). По следам языкового законотворчества. In: *Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов*. Бюллетень № 48. Март-апрель 2003, 20-23.
—— (2003d). Карельский язык. Языковые процессы в XIX – XX вв. In: Прибалтийско-финские народы России. Москва, 197-207.
—— (2004a). Современная языковая ситуация и национальная школа. In: *Современное состояние и перспективы развития карельского, вепсского и финского языков в Республике Карелия.* Материалы научно-практической конференции 31 октября 2002 года. Петрозаводск, 15-21.
—— (2004b). Госкомнац отчитывается и планирует. In: *Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов*. Бюллетень № 59. 2004.
—— (2005a). Языковое право, политика, практика. In: *Межкультурные взаимодействия в полиэтничном пространстве пограничного региона*. Петрозаводск, 280-285.
—— (2005b). Метаморфозы закона «Об образовании». In: *Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов.* Бюллетень № 63, сентябрь-октябрь. М, 14-16.
—— (2005c). Этносоциологические исследования в Карелии. In: *Междисциплинарные исследования в контексте социально-культурной антропологии*. Москва, 229-309.
—— (2006a). Роль школы в сохранении прибалтийско-финских языков. In: *Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов.* Бюллетень № 65. Январь-февраль 2006, 17-22.
—— (2006b). Реализация прав на сохранение родного языка в Республике Карелия: состояние, проблемы, перспективы. – *Казанский федералист* № 4 (20), 9-16.
—— (2006c). Языковое право и образовательная политика (на примере Республики Карелия). – *Казанский федералист*. № 1-2 (17-18), 182-195.

—— (2007a). Соответствую ли право и практика? Языковой аспект: на материалах Республики Карелия. In: *Этнокультурное и конфессиональное пространство Российского Севера в условиях экономического роста (финно-угорское измерение российской северной политики, горизонты международного сотрудничества, взаимодействие государства, церкви и гражданского общества).* Материалы второго северного социально-экологического конгресса «Горизонты экономического и культурного развития». 19-21 апреля 2006 года. Сыктывкар, 32-43.

—— (2007b). Современное состояние карельского, вепсского и финского языков. In: *Язык как основа этнокультурной идентичности.* Материалы научно-практического семинара (21 февраля 2007 года). Петрозаводск, 52-58.

—— (2008a). *Карелы. Историко-этнографический очерк.* Петрозаводск: Периодика.

—— (2008b). О праве и практике: языковой аспект в Республике Карелия. In: *Идентичность и изменяющийся мир.* Материалы к дискуссии на V Всемирном конгрессе финно-угорских народов, г. Ханты-Мансийск, Россия 2008 г. Сыктывкар, 61-70.

—— (2008c). Об особенностях российской этнополитики. In: *Международный семинар «Международные нормы и законодательство Российской Федерации в области сохранения языка и культуры, традиционного образа жизни, природопользования коренных народов: Норма. Теория. Практика» (25-27 ноября 2008 года).* Петрозаводск, 111-116.

—— (2009). Идеология и практика языковой политики в Карелии в 1920-1930 годы. In: *Финский фактор в истории и культуре Карелии XX века.* Петрозаводск, 149-163.

—— (2010). Карелия: навстречу переписи 2010 года. EAWARN. http://eawarn.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=366&Itemid=29 [Accessed 30 August 2010].

Клементьев Е. И., Кожанов А. А. (1988). *Сельская среда и население Карелии. 1945-1960. Историко-социологические очерки.* Ленинград.

—— (2000). *Сельская среда и население Карелии. 1960-1980-е годы: историко-социологические очерки.* Петрозаводск.

—— (2009). Финский язык в Карелии в новейший период. In: *Финский фактор в истории и культуре Карелии XX века*. Петрозаводск, 338-350.

Клементьев Е., Варламова С. (2007). Карелия: межнациональные отношения в оценках учителей и учащихся (этнопсихологические аспекты). – *Казанский федералист* № 3-4 (23-24), 9-15.

Ковалева С.В. (2006). *Письменная традиция и лексический потенциал языка (на материале карельского языка).* Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Петрозаводск: Петрозавод. гос. ун-т.

—— (2009). Формирование лексической системы новописьменного карельского языка. – In: *Бубриховские чтения*. Петрозаводск, 56-67.

Ковалева С.В., Родионова А.П. (2008). О некоторых проблемах молодой карельской письменности. – *Успехи современного естествознания* 12/2008, 26-29.

—— (2009). Современность и младописьменные языки Карелии: от теории к практике (на примере прибалтийско-финских языков Карелии). In: *Фундаментальная наука и образование. Культурное и природное наследие России.* Материалы V северного социально-экологического конгресса, Москва, 2009. Москва, 176-180.

Кочкуркина, С. И. (1986). *Корела и Русь.* Ленинград: Наука.

Крысин Л.П. (2000). О некоторых особенностях двуязычия. In: *Речевое общение в условиях языковой неоднородности.* Москва, 153-177.

Крючкова Т.Б. (2009). Языковая ситуация в Республике Карелия: история развития и современное состояние. In: *Языки Российской Федерации и нового зарубежья. Статус и функции.* Москва. 2000.

Летопись литературной жизни (1994). = *Летопись литературной жизни Карелии (1987-1991)*. Сост.: Н.А. Прушинская, О.П. Кошкина, Э.М. Кемпинен. Петрозаводск: Институт языка, литературы и истории, Карельский научный центр РАН.

Лингвистическая терминология (2000). = *Лингвистическая терминология*. Бюллетень № 1: Государственный комитет Республики Карелия по национальной политике. Петрозаводск.

Мамонтова Н.Н. (1994). О карельско-русских языковых контактах. In: *Прибалтийско-финское языкознание*. Петрозаводск, 116-133.

Маркедонов С. (2007). Кондопога: системный кризис российской национальной политики. In: *Этническая ситуация и конфликты в странах СНГ и Балтии.* Ежегодный доклад, 2006. Москва.

Маркианова Л. Ф. (2003). Пути развития лексической системы карельского языка. In: János Pusztay (ed.), *Terminology Issues in the Finno-Ugric Languages of the Russian Federation (Вопросы терминологии в финно-угорских языках Российской Федерации).* Terminologia et Corpora, Tomus II. Szombathely: Balogh és Társa, 63-74.

Маркианова Л.Ф., Бойко Т.П. (1996). *Карельско-русский словарь.* Петрозаводск.

Михайлова Л.П. (2004). Прибалтийско-финский компонент в русском слове. In: *Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы*. Казань, 148-149.

Национальный состав (2005) = *Всероссийская перепись населения 2002 г. Национальный состав населения Республики Карелия.* Стат. сб. V. Петрозаводск.

Нерознак, В. (ред.) (2002). *Государственные и титульные языки России: Энциклопедия.* Москва: Академия.

Никольская (Тароева) Р.Ф. (1976). К истории изучения этнографии карел и вепсов. In: *Этнография Карелии*. Петрозаводск, 5-44.

Общественно-политическая лексика (ливвиковское наречие) (2003). = *Общественно-политическая лексика (ливвиковское наречие): А-О. = Ühteiskunnallis-poliitiekalline sanasto: A-O: (livvin murdeh).* Сост. Л. Маркианова.

Гос. ком. Респ. Карелия по делам нац. политики: Бюллетень № 6. Петрозаводск: Периодика.

—— (2004). *Общественно-политическая лексика (ливвиковское наречие): П-Я. = Ühteiskunnallis-poliitiekalline sanasto: П-Я: (livvin murdeh).* Сост. Л. Маркианова. Гос. ком. Респ. Карелия по делам нац. политики: Бюллетень № 8. Петрозаводск: Периодика.

Общественно-политическая лексика (собственно-карельское наречие) (2003) = *Общественно-политическая лексика (собственно-карельское наречие): А-О. = Yhteiskunnallis-poliitini sanasto: A-O: (varsinais-karjalan murreh).* Сост. В. И. Каракина. Гос. ком. Респ. Карелия по делам нац. политики. Бюллетень № 7. Петрозаводск: Периодика.

—— (2005). *Общественно-политическая лексика (собственно-карельское наречие): П-Я. = Yhteiskunnallis-poliitini sanasto: П-Я: (varsinais-karjalan murreh).* Сост. В. И. Каракина. Гос. ком. Респ. Карелия по делам нац. политики: Бюллетень № 12. Петрозаводск: Периодика.

Паин Э.А. (2003a). *Между империей и нацией: модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России.* Москва: Фонд «Либеральная миссия».

—— (2003b). Активизация этнического большинства в постсоветской России. – *Ab Imperio: Теория и история национализма и империи в постсоветском пространстве* 3/2003, 305–333.

Перепись 1939 = *Всесоюзная перепись населения 1939 года: основные итоги, Россия.* Санкт-Петербург: Российская Академия Наук Институт Российской Истории, 1999.

Пименов В.В., Тароева Р.Ф. (1970). Этнические процессы в Советской Карелии. In: *50 лет Советской Карелии*. Петрозаводск, 214-247.

Писатели Карелии. (1971). = *Писатели Карелии*. *Библиографический справочник.*

—— (2006). *Писатели Карелии*. *Библиографический справочник*.

Письменные языки (2003). = *Письменные языки мира: Языки Российской Федерации*. *Социолингвистическая энциклопедия, Книга 2. Москва: Academia*.

Предварительные итоги (2007). = Предварительные итоги мониторингового исследования «Состояние, развитие и использование карельского языка в Республике Карелия». In: *Развитие карельского языка в Республике Карелия: состояние, проблемы, перспективы.* Материалы Республиканской научно-практической конференции 26-27 июня 2007 года. Петрозаводск, 77-87.

Прибалтийско–финские народы (2003). = *Прибалтийско–финские народы России.* Отв. ред. Е.И. Клементьев, Н.В. Шлыгина. Народы и культуры. Москва: Наука.

Пулькин, Максим Викторович. (2001). Руссификация в XIX - начале XX века в Карелии. – *Финно-угроведение* 1/2001, 36-45.

Пунжина А.В. (1991). Проблемы развития терминологии карельского языка. In: *Прибалтийско-финское языкознание.* Петрозаводск, 69-76.

Рягоев, В. Д. (1993). Карельский язык. In: *Языки мира: Уральские языки.* Москва: Наука, 63-76.

Ряменен Л.В. (2007). Информация о состоянии национальных СМИ в Республики Карелия. In: *Развитие карельского языка в Республике Карелия: состояние, проблемы, перспективы.* Материалы Республиканской научно-практической конференции 26-27 июня 2007 года. Петрозаводск, 65-66.

Салохеймо В. (1995b). *Тверская Карелия*. In: Прибалтийско-Финские народы. Составитель М. Йокипии. Ювяскюля: Атена, 455–464.

Сборник нормативных актов (2009). = *Сборник нормативных правовых актов «Национальное развитие, межнациональные отношения и взаимодействие с религиозными объединениями на территории Республики Карелия»*. Петрозаводск: Издательство «Фонд развития творческих индустрий и культурного туризма», 2008.

Сельские населенные пункты (2000). = *Сельские населенные пункты Республики Карелия.* Статистический сборник. Петрозаводск.

Словарь (1990). = *Словарь карельского языка (ливвиковский диалект)*. Сост. Г.Н. Макаров. Петрозаводск: Карелия.

Словарь (1994). = *Словарь карельского языка* (тверские говоры). Сост. А. В. Пунжина. Петрозаводск: Карелия.

Словарь (2000). = *Фразеологический словарь карельского языка*. Сост. В.П. Федотова. Петрозаводск.

Словарь (2007). = *Сопоставительно-ономасиологический словарь диалектов карельского, вепсского, саамского языков*. Под общей ред. Ю.С. Елисеева и Н.Г. Зайцевой. Петрозаводск.

Словарь (2009). = *Словарь собственно-карельских говоров Карелии*. Сост. В.П.Федотова, Т.П.Бойко. Петрозаводск.

Строгальщикова З.И. (1992). Языковая политика в Карелии и судьба коренных народов. In: *Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. XVI. Карелы. Финны. Проблемы этнической истории.* Москва, 4-15.

—— (2000). Вопросы языковой политики в Конституциях Республики Карелия. In: *Республика Карелия: 80 лет в составе Российской Федерации (становление и развитие государственности.* Материалы Международной научно-практической конференции 6 июня 2000 г. Петрозаводск, 161-167.

—— (2005). Формирование правовой базы по преподаванию прибалтийско-финских языков. In: *Бубриховские чтения. Проблемы исследования и преподавания прибалтийско-финской филологии.* Петрозаводск, 270-288.

Тароева Р.Ф. (1965). *Материальная культура карел. (Карельская АССР). Этнографический очерк.* Москва/Ленинград.

Федотова В. П. (1985). *Фразеологизмы в карельском языке*. Петрозаводск.

—— (1990). Федотова В.П. *Очерки синтаксиса карельского языка.* Петрозаводск.

—— (2000). Федотова В. П. *Фразеологический словарь карельского языка.* Петрозаводск.

Финно-угорский мир. (2004). Статистический сборник. Сыктывкар, Комистат.

Финно-угорский мир. (2008). Информационно-статистический сборник. Сыктывкар, Комистат.

Финно-угорские народы (2005) = *Финно-угорские и самодийские народы России: Статистический сборник*. Сыктывкар: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Коми.

Финно-угорские народы (2006) = *Финно-угорские и самодийские народы России: Статистический сборник*. Сыктывкар: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Коми.

Финно-угорские народы (2008) = *Финно-угорские народы России: вчера, сегодня, завтра*. Сыктывкар: Общество «Финляндия-Россия», Межрегиональное общественное движение «Коми войтыр».

Шабаев Ю. П. (2006). Культура толерантности и культурная свобода как принципы региональной этнополитики. In: *Семиозис и культуры*. Сборник науч. статей. Вып. 2. Сыктывкар.

—— (2008). *Этнические трансформации на европейском севере России.* Научный доклад. Сыктывкар: Коми научный центр УрО РАН.

Юликангас М. (2000). «Равняйте ряды!» Писатели и власть в советской Карелии в 1920 – 1930-х годах. Нормы и ценности повседневной жизни. In: *Становление социалистического образа жизни в России, 1920 – 1930-е годы.* Санкт-Петербург, 406-473.

Anttikoski, Esa (1998b). *Neuvostoliiton kielipolitiikkaa*: *Karjalan kirjakielen suunnittelu 1930-luvulla*. Lisensiaatintyö. Joensuun yliopiston vieraiden kielten laitos.

Blokland, Rogier & Hasselblatt, Cornelius (2003). Endangered Uralic Languages. In: Mark Janse & Sijmen Tol (eds.), *Language death and language maintenance: theoretical, practical and descriptive approaches.* Amsterdam: John Benjamins, 107-143.

Bogdanova, L. (2004). *Karjalan kielen harjoituskogomus: livvin murdehel*. Petrozavodsk: Periodika.

—— (2007). Karjalan kielen tila Karjalan Tazavallas, sen kehityksen hommat da tulii aigu. In: *Развитие карельского языка в Республике Карелия: состояние, проблемы, перспективы*. Материалы Республиканской научно-практической конференции 26-27 июня 2007 года. Петрозаводск, 17-18.

Current archives. Ministry of the Republic of Karelia on the Issues of National Policy and Relations with Religious Associations.

Current archives. Ministry of Education of the Republic of Karelia.

Encyclopedia (2004). *Encyclopedia of the world's endangered languages*. C. Moseley (ed.). London and New York: Routledge, 2007.

Encyclopedia (2007). *Encyclopedia of the world's endangered languages*. C. Moseley (ed.). London and New York: Routledge, 2007.

Expert Report. Tishkov, V., Stepanov, V., Funk, D. et al. (2009). *Status of and support for linguistic diversity in the Russian Federation.* Expert report by V. Tishkov, V. Stepanov, D. Funk, O. Artemenko. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology of the Russia's Academy of Sciences. Available at: http://www.coe.ru/news/project/index.php?ELEMENT_ID=99 [Accessed 30 August 2010].

Expert Report. Krugovykh I. (2009). *Russian legislation relating to the protection and promotion of regional languages or minority languages.* Expert Report by I. Krugovykh. Moscow: Analytical Department of the Apparatus of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation. Available at: http://www.coe.ru/news/project/index.php?ELEMENT_ID=99 [Accessed 30 August 2010].

Filippova, Jelena (2012). Hos korgiel, ga pahoi nägyy. *Oma Mua* 37, Petroskoi: Periodika.

Fishman, Joshua A. (1991). *Reversing Language Shift*. Clevedon, Avon: Multilingual Matters.

Fishman, Joshua. A. (ed.) (2001). *Can threatened languages be saved? Reversing language shift, revisited: A 21st century perspective*. Clevedon, UK: Multilingual Matters.

Gazzola, Michele & Grin, François (2007). Assessing efficiency and fairness in multilingual communication. *AILA Review* 20, 87-105.

Genetz, Arvid (1880). *Tutkimus Venäjän karjalan kielestä.* Kielinäytteitä, sanakirja ja kielioppi. Ylipainos Suomi-kirjan II jakson 14:nnestä osasta. Helsinki: Finnish Literature Society.

—— (1884). *Tutkimus Aunuksen kielestä.* Kielinäytteitä, sanakirja ja kielioppi. Helsinki: Finnish Literature Society.

Grenoble, Leonore A. (2003). *Language Policy in the Soviet Union.* Dordrecht: Kluwer Academic Publishers.

Grin, François (2006). Economic considerations in language policy. In: Thomas Ricento (ed.), *An Introduction to Language Policy. Theory and Method*. Oxford: Blackwell Publishing, 77-94.

Gromova, Lyudmila (2003). The written language of Tver Karelians today. In: Esa Anttikoski (ed.), *Developing written Karelian: Papers from the Karelian session of the 11th international conference on methods of dialectology.* Studies in language 38. Joensuu: Joensuun yliopisto, 46–52.

Grünthal, Riho (1997). *Livvistä liiviin. Itämerensuomalaiset etnonyymit.* Castreanumin toimitteita 51. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.

—— (2007a). Finnic languages and Baltic Sea language area. *Incontri Linguistici* 30, 29–48.

—— (2007b). Karjala kielten ja murteiden rajapintana. In: Kari Raivio, Jan Rydman & Anssi Sinnemäki (eds.), *Rajalla: tiede rajojaan etsimässä.* Helsinki: Gaudeamus, 108–117.

Hyytiä, Osmo (2000). Karjalais-Suomalainen neuvostotasavalta (1940-1956). Kansallinen tasavalta?. In: *Республика Карелия: 80 лет в составе Российской Федерации (становление и развитие государственности.* Материалы Международной научно-практической конференции 6 июня 2000 г. Петрозаводск, 49-52.

Itkonen, Terho (1971). Aunuksen äänneopin erikoispiirteet ja aunukselaismurteiden synty. *Virittäjä* 75, 153-185.

Itkonen, T. I. (1984). *Suomen lappalaiset vuoteen 1945. Ensimmäinen osa.* Porvoo – Helsinki. WSOY.

Jeskanen, Matti (1994). Karielat hormilla keššeššä. Sisä-Venäjän, erityisesti Tverin alueen karjalaiset. In: Pekka Nevalainen & Hannes Sihvo (eds.), *Karjala: historia, kansa, kulttuuri*. SKST 705. Helsinki: SKS, 255–276.

—— (2003). From a Karelian of dialects to a common written language? In: Esa Anttikoski (ed.), *Developing written Karelian: Papers from the Karelian session of the 11th international conference on methods of dialectology.* Studies in language 38. Joensuu: Joensuun yliopisto, 59–66.

Karelians (2001). In: Kolg, Margus et al. (eds.), *Red Book of the Peoples of the Russian Empire.* Tallinn: NGO Red Book, 171-176. Also: [Online] NGO Red Book. (Updated 01 Jan 2010) http://www.eki.ee/books/redbook/karelians.shtml [Accessed 30 August 2010].

Karjala (1998). P. Nevalainen & H. Sihvo (eds.), *Karjala: historia, kansa, kulttuuri*. SKST 705. Helsinki: SKS.

Karjala (1981–1983). *Karjala 1-5.* Hämeenlinna: Arvi A. Karisto Oy.

Kettunen, Lauri (1940). Karjalaisen heimon ja "karjalan kielen" iästä ja alkuperästä. *Virittäjä* 44, 129–144, 281–301.

—— (1960). *Suomen lähisukukielten luonteenomaiset piirteet*. Suomalais-Ugrilainen Seura 119, Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.

Khairov, Shamil (2002). Which official language – Karelian or Finnish? Debates on the Draft of the Language Law in the Republic of Karelia. In: Toivo Flink & Katja Hirvasaho (eds.), *Boundaries of Earth and Consciousness: Proceedings of the Sixth ICCEES World Congress, Tampere.* Studia Slavica Finlandiensia XIX. Helsinki: Finnish Institute for Russian and East European Studies, 238-256.

Kirkinen, Heikki (1970-1976). *Karjala idän ja lännen välissä 1–2*. Helsinki: Kirjayhtymä.

—— (1993). Karjalan kansan synty ja hajoaminen. In *Terra* 105(4), 270-279.

Kirkinen, Heikki, Nevalainen, Pekka & Sihvo, Hannes (eds.) (1994). *Karjalan kansan historia.* Helsinki: WSOY.

KKS = Karjalan kielen sanakirja 1–6 *(*1968–2005). Helsinki: SUS.

Kočerina, J. (2004). *Opastummo livvin kieldü – Opassamma vienan kieltä*. Petrozavodsk.

Kolomainen, R. (2007). Mobilisaatio on pienen kansan selviytymiskeino. *Carelia* 6/2007, 3-5.

Korhonen, Mikko (1986). *Finno-Ugrian language studies in Finland 1828–1918*. Helsinki: Societas Scientiarum Fennica.

Kunnas, Niina (2006). Yksi, kaksi vai monta kirjakieltä? *Virittäjä* 110, 229-247.

Kunnas, Niina & Arola, Laura (2010). Perspectives on the attitudes of minority language speakers in the Torne Valley and Viena Karelia. In: Helena Sulkala & Harri Mantila (eds.), *Planning a new standard language. Finnic minority languages meet the new millennium*. Studia Fennica Linguistica 15. Helsinki: Finnish Literature Society, 119-146.

Kurs, Ott & Taagepera, Rein (1999). Karelia: Orthodox Finland. In: Rein Taagepera (ed.), *The Finno-Ugric Republics and the Russian State.* London: Hurst & Company**,** 100–146.

Kuzmin, Denis (2010). Nimistö Vienan Karjalan asutushistorian lähteenä**.** *Virittäjä* 114, 223-252.

Laakso, Johanna (ed.) (1991). *Uralilaiset kansat*. *Tietoa suomen sukukielistä ja niiden puhujista*. Porvoo—Helsinki—Juva: WSOY.

—— (2001). The Finnic languages. In: Östen Dahl & Maria Koptevskaja-Tamm (eds.), *Circum-Baltic Languages. Volume 1: Past and Present.* Studies in language companion series 54. Amsterdam–Philadelphia: John Benjamins, 179–211.

Laanest, Arvo (1982). *Einführung in die ostseefinnischen Sprachen*. Hamburg: Helmut Buske Verlag.

Laatikainen, Tiina (2009). Terveystilanne Karjalan tasavallassa. *Idäntutkimus* 3/2009, 3-9.

Laine, Antti (1994). Karelia Between Two Socio-Cultural Systems. In: H. Eskelinen, J. Oksa & D. Austin (eds.), *Russian Karelia in Search of a New Role.* Joensuu: Karelian Institute, University of Joensuu, 13-25.

—— (2001). Where East meets West: the last stand of Finns and Karelians in Contemporary Karelia. *Nationalities Papers* 29/1, 53-67.

Laine, Antti & Ylikangas, Mikko (eds.) (2002). *Rise and Fall of Soviet Karelia*. Kikimora Publications. Helsinki: Aleksanteri Institute.

Lallukka, Seppo (1990). *The East Finnic Minorities in the Soviet Union. An Appraisal of the Erosive Trends.* Annales Academiae Scientiarum Fennicae B 252. Helsinki.

—— (1996). The Breakdown of Tver Karelian Demographic Continuity. *Ethnic and Racial Studies* 19/2, 316-338.

—— (2001). Finno-Ugrians of Russia: Vanishing cultural communities? *Nationalities Papers* 29/1, 9-39.

—— (2005). Venäjän suomalais-ugrilaiset kansat – väestönlaskentojen kertomaa. In: Paula Kokkonen (ed.), *Sukukansaohjelman arki. Suomalais-ugrilainen perintö ja arkipäivä. Everyday life of the cognate language programme. The Finno-Ugrian heritage and everyday life*. Castrenianumin toimitteita 64. Helsinki, 28–46.

—— (2006). *Venäjän suomalais-ugrilaisten ja samojedikansojen tilastoa.* Helsinki: Venäjän ja Itä-Euroopan instituutti.

Leskinen, Eino (1938). *Zur Geschichte der Forschung über die karelische Sprache und der karelisch geschriebenen Literatur*. Helsinki: Finnish Literature Society.

Leskinen, Heikki (1998). Karjala ja karjalaiset kielentutkimuksen näkökulmasta. In: Pekka Nevalainen & Hannes Sihvo (eds.), *Karjala. Historia, kansa, kulttuuri*. Finnish Literature Society Editions 705. Helsinki: Finnish Literature Society, 352–382.

Malakhov, V. & Osipov, A. (2006). The Category of 'Minorities' in the Russian Federation: A Reflection on Uses and Misuses. In: Sia Spiliopoulou Åkermark (ed.), *International Obligations and National Debates: Minorities around the Baltic Sea*. Mariehamn: The Åland Islands Peace Institute, 497-544.

Markianova, L'udmila (1990). *Aberi*: *karjalan kielel liügiläzii lapsii näh.* Petroskoi: Karjala.

—— (1992). *Kirjuniekku.* Opastundukniigu 2. kluasan liuguläzii lapsiin näh. Petrozavodsk: Karelia.

—— (1993). Karjalan tasavallan kielitilanne. In: Tapani Salminen (ed.), *Uralilaiset kielet tänään*. Snellman-instituutin julkaisuja 13. Kuopio: Snellman-instituutti, 52-58.

—— (2002). *Karjalan kielioppi 5-9*. Petroskoi: Periodika.

—— (2005). Karjalan kieli rajantakaisessa Karjalassa. In: Paula Kokkonen (ed.), *Sukukansaohjelman arki. Suomalais-ugrilainen perintö ja arkipäivä. Everyday life of*

the cognate language programme. The Finno-Ugrian heritage and everyday life. Castrenianumin toimitteita 64. Helsinki, 59–66.

Nieminen, Markku (2004). Karjalan, vepsän ja suomen kielien aseman kehittäminen Karjalassa. In: *Современное состояние и перспективы развития карельского, вепсского и финского языков в Республике Карелия.* Материалы научно-практической конференции 31 октября 2002 года. Петрозаводск, 111-113.

Niinistö, Jussi (2002). *Heimosotien historia 1918–1922*. Helsinki: Finnish Literary Society.

Õispuu, Jaan (1998). Karjalased ja karjala murded. In: Marje Joalaid (ed.), *Kaheksa keelt, kaheksa rahvast.* Tallinn: Tallinna Pedagoogikaülikooli Kirjastus, 37-49.

—— (2000). Karjala keel ja Karjala keeleseadus. In: *Emakeele Seltsi Aastaraamat 44-45, 1998-1999.* Tartu, 136-167.

Ojanen, Muusa (1988). Suomalais-karjalais-venäläisistä kontakteista. In: Muusa Ojanen & Ilkka Savijärvi (eds.), *Kielikontakteja I. Tutkimuksia venäjän ja itämerensuomalaisten kielten alalta.* Joensuu: Joensuun yliopisto, 11–30.

Pakhomov, M. & Potashova, L. (2003). *ABC-kird'*. Helsinki: Lyydiläinen Seura ry.

Pasanen, Annika (2003). *Kielipesä ja revitalisaatio. Karjalaisten ja inarinsaamelaisten kielipesätoiminta.* [Language nests and revitalisation. The language nest activities of Karelians and Inari Saamis.] Master's thesis. Helsinki: University of Helsinki.

—— (2005). Kielipesätoiminta osana karjalan ja inarinsaamen kielen revitalisaatiota. In: Paula Kokkonen (ed.), *Sukukansaohjelman arki. Suomalais-ugrilainen perintö ja arkipäivä. Everyday life of the cognate language programme. The Finno-Ugrian heritage and everyday life*. Castrenianumin toimitteita 64. Helsinki, 67–81.

—— (2006). Karjalan kielen nykytila ja tulevaisuus. *Journal of the Finno-Ugrian Society* 91, 115–131.

—— (2008). Suomalais-ugrilaiset vähemmistökielet assimilaation ja revitalisaation ristipaineessa. In: Sirkka Saarinen & Eeva Herrala (eds.), *Murros: Suomalais-ugrilaiset kielet ja kulttuurit globalisaation paineissa*. Uralica Helsingiensia 3. Helsinki: The Department of Finno-Ugrian Studies at the University of Helsinki, 47–70.

Pietiläinen, Jukka (2005). Media in the life of Russians. In: Harri Melin (ed.), *Social Structure, Public Space and Civil Society in Karelia*. Helsinki: Kikimora.

Pietiläinen, Jukka, Fomicheva, Irina & Resnianskaia, Liudmila (2010). Changing media use in Russia. In: Arja Rosenholm, Kaarle Nordenstreng & Elena Trubina (eds.), *Russian mass media and changing values*. London: Routledge.

Pöllä, M. (1995). *Vienan Karjalan etnisen koostumuksen muutokset 1600–1800-luvulla.* SKST 635. Helsinki: Finnish Literature Society.

Puura, Ulriikka & Zajceva, Nina (2010). ELDIA Context Analysis Report on Veps language, unpublished report.

Pyöli, Raija (1996). *Venäläistyvä aunuksenkarjala: kielenulkoiset ja –sisäiset indikaattorit kielenvaihtotilanteessa.* Joensuun yliopiston humanistisia julkaisuja 18. Joensuu: Joensuun yliopisto.

Saarikivi, Janne (2004). Über das saamische Substratnamengut in Nordrussland und Finnland. *Finnisch-ugrische Forschungen* 58, 162–234.

—— (2006). *Substrata Uralica: studies on Finno-Ugrian substrate in Northern Russian dialects.* Doctoral dissertation, December 2006. University of Helsinki, Helsinki.

Salminen, Tapani (1998). Pohjoisten itämerensuomalaisten kielten luokittelun ongelmia. In: Riho Grünthal & Johanna Laakso (eds.), *Oekeeta asijoo. Commentationes Fenno-Ugricae in honorem Seppo Suhonen*. Suomalais-Ugrilaisen Seuran toimituksia 228. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 390-406.

—— (2009). *Uralic (Finno-Ugrian) languages.* Classification of the Uralic (Finno-Ugrian) languages, with present numbers of speakers and areas of distribution. Available at: http://www.helsinki.fi/~tasalmin/fu.html [Accessed 30 August 2010].

Saloheimo, Veijo (1995a). Tverin Karjalan synty. In: Mauno Jokipii (ed.), *Itämerensuomalaiset*. Jyväskylä: Ateena, 403–411.

Sarhimaa, Anneli (1991). Investigating Russian/Karelian language contacts: explication of a linguistic-historical framework. In: Muusa Ojanen & Marjatta Palander (eds.). *Language contacts east and west*. Joensuu: Joensuun yliopisto, 54-78.

—— (1995). Karjalan kansat ja kielet kontakteissa: asutushistoriallista taustaa ja lingvistisiä seurauksia. *Virittäjä* 99, 291-223.

—— (1999). *Syntactic transfer, contact-induced change, and the evolution of bilingual mixed codes: focus on Karelian-Russian language alternation*. Studia Fennica Linguistica 9. Helsinki: Finnish Literature Society.

—— (2000). Neighbours getting together in Karelia. In: Johanna Laakso (ed.), *Facing Finnic: Some challenges to historical and contact linguistics* Castrenianumin toimitteita 59. Helsinki: Helsingin yliopiston suomalais-ugrilainen laitos ja Suomalais-Ugrilainen Seura, 185–209.

—— [в работе]. Karelian in Finland: ELDIA Case-Specific Report.

Sihvo, Hannes (1998). Karjalainen kulttuuri ja kulttuuri Karjalassa. In: Pekka Nevalainen & Hannes Sihvo (eds.), *Karjala. Historia, kansa, kulttuuri*. Finnish Literature Society Editions 705. Helsinki: Finnish Literature Society, 449–470.

—— (2003). *Karjalan kuva: karelianismin taustaa ja vaiheita autonomian aikana*. 2. tarkistettu ja täydennetty painos. SKST 940. Helsinki: SKS.

Skön, K. & Torkkola, S. (1997). *Täällä Petroskoi. Omakielisten radio- ja televisio-ohjelmien merkitys Venäjän Karjalan kansallisille vähemmistöille.* Karjalan tutkimuslaitoksen monisteita 2/1997. Joensuu: Joensuun yliopisto.

Strubell, Miquel (1996). Language planning and classroom practice in Catalonia*. Journal of Multilingual & Multicultural Development* 17/24, 262-275. http://www.multilingualmatters.net/jmmd/017/0262/jmmd0170262.pdf

—— (2001). Minorities and European Language Policies. Minorités et l'aménagement linguistique. *Plurilingua* XXII, 45-58. http://www.geocities.com/m_strubell/viena.htm.

Tishkov, V.A. (1997). *Ethnicity, Nationalism and Conflict in and After the Soviet Union: The Mind Aflame.* Oslo: Sage Publications.

Tolvanen, Kristiina (2008). *A Nation in Transition: the Resettlement of Karelian Evacuees in Finland.* Essay. Department of Translation Studies, University of Tampere.

Turicheva, Zoya (2003). The Karelian language and Tver Karelian cultural autonomy. In: Esa Anttikoski (ed.), *Developing written Karelian: Papers from the Karelian session*

of the 11th international conference on methods of dialectology. Studies in language 38. Joensuu: Joensuun yliopisto, 53–58.

Uino, Pirjo (1992). Karjalan tutkimus ja pohjoinen Fennoskandia. In: Kyösti Julku (ed.), *Suomen varhaishistoria*. Rovaniemi: Pohjois-Suomen Historiallinen Yhdistys, 605–612.

UNESCO 2003 = UNESCO Ad Hoc Expert Group (2003): *Language Vitality and Endangerment.* 09.06.2012. http://www.unesco.org/culture/ich/doc/src/00120-EN.pdf

UNESCO 2012 = *UNESCO Atlas of the World's Languages in Danger.* http://www.unesco.org/culture/languages-atlas/

Vahtola, Jouko (1993). Itä-Karjala Suomen politiikassa 1918-1922. *Terra* 105(4), 280-290.

Viitso, Tiit-Rein (1998). Fennic. In: Daniel Abondolo (ed.), *The Uralic Languages*. London and New York: Routledge, 96–114.

—— (2000). Finnic Affinity. *Congressus Nonus Internationalis Fenno-Ugristarum I: Orationes plenariae & Orationes publicae.* Tartu: Tartu Ülikool, 153–178.

Virtaranta, Pertti (1972). Die Dialekte des Karelischen. *Sovetskoe Finno-Ugrovedenie* 8, 7–31.

—— (1981). *Karjalaisia kulttuurikuvia. Ihmisiä ja elämänkohtaloita rajantakaisessa Karjalassa.* Espoo: Weilin+Göös.

—— (1986). *Kauas läksit karjalainen: matkamuistelmia tverinkarjalaisista kylistä*. Porvoo: WSOY.

Wurm (2001). = Stephen A. Wurm (ed.), *Atlas of the world's languages in danger of disappearing*. Second edition, revised, enlarged and updated. Paris: UNESCO Publishing.

Zajkov, Petr (1992). *Vienan aapini*. Petroskoi: Karjala.

—— (1994). *Luvemma vienankarjalaksi*: 3.-4. luokka. Petroskoi: Karjala.

—— (2002). *Karjalan kielioppi 5-9.* Petroskoi: Periodika.

Использованные веб-страницы

Centre of national culture http://www.etnocenter.ru/

Charter for Regional or Minority Languages http://www.coe.int/t/dg4/education/minlang/Pressreleases/CallForProposalsJPRussia_en.asp

Constitution of Russian Federation http://www.constitution.ru/

Council of Europe http://www.coe.int/

Demoscope weekly charts http://demoscope.ru/weekly/

Duma of Russian Federation http://duma.consultant.ru

Ethnologue http://www.ethnologue.com

GTRK Karelia http://petrozavodsk.rfn.ru/

Institute of linguistics, history and literature, Karelian Research Centre of RAS http://illhportal.krc.karelia.ru/

Normative legal acts of Russian Federation http://zakon.scli.ru/

Perepis' (2002) = All-Russian population census 2002 http://www.perepis2002.ru

——(2010) All-Russian population census 2010 http://www.perepis-2010.ru

RAIPON http://www.raipon.info/

Republic of Karelia, governmental organs http://www.gov.karelia.ru/

ROSSTAT http://www.gks.ru/

Salminen (2012): http://www.helsinki.fi/~tasalmin/fu.html

UNESCO 2012 = Unesco Atlas of the World's Languages in Danger of Disappearing. http://www.unesco.org/culture/languages-atlas/ <Accessed 26 November 2012>

Рекомендации

Следующие рекомендации основаны на результатах исследования конкретной ситуации ливвиковского наречия карельского языка (Россия), являющегося языком меньшинства. Данные и анализ текущей ситуации, которые проводились в рамках проекта Eldia, предоставили актуальную информацию о первоочередных мероприятиях, выполнение которых необходимо для поддержания и возрождения карельского языка. Наше исследование, в котором приняли участи триста носителей карельского языка, показало, что карельский язык в настоящее время используется только в строго определенных контекстах, и что число говорящих на нем резко сократилось в течение нескольких десятилетий.

Данные предложения имеют своей целью указание на те меры, которые могут и должны быть приняты для поддержки использования карельского языка и его адаптации в современном мире. Учитывая, что данный список лишь призывает к осуществлению новых инициатив, а также к долгосрочной поддержке использования карельского языка, средства финансирования предлагаемых мер не будут здесь обсуждаться. Однако для достижения успеха необходимо как государственное, так и частное финансирование.

Поддержка обучения карельскому языку

(1) Особое внимание должно быть уделено **обучению маленьких детей карельскому языку**. Одна из основных проблем для карельского языкового сообщества — это то, что дети больше не овладевают карельским языком дома. Наиболее эффективный способ решить эту проблему — организация языковых гнезд, которые представляют собой небольшие группы и поддерживают интенсивные контакты между детьми и педагогами. Они могли бы быть поддержаны курсами погружения и семейными языковыми лагерями.

(2) После успешного изучения карельского языка в раннем возрасте, **в школах должно быть введено преподавание на карельском языке**. Помимо карельского языка как предмета, некоторые другие предметы также могут преподаваться по-карельски, в особенности, те предметы, которые не требуют большого количества письменного учебного материала.

(3) Для успешного продвижения карельского и карельского языков при обучении детей, в принципе, должно быть два типа специализированных **детских садов** в Республике Карелия. (a) Двуязычные детские сады, где параллельно используются

русский и карельский или русский и вепсский. (б) Карельские или вепсские детские сады или гнезда, где языком всех мероприятий был бы карельский или вепсский.

(4) Изучение карельского языка в раннем возрасте будет более успешным, если будет также открыто специализированное обучение преподавателей. Особое внимание должно быть уделено поддержке языковых навыков учителей, а также использование ими соответствующих методов.

Поддержка использования карельского языка

(5) Поддержка **совместных мероприятий на карельском языке для взрослых и детей** путем создания клубов и организации мероприятий с тем, чтобы объединить людей, говорящих по-карельски. Мероприятия, которые проходят на карельском языке, будет поощрять тех, кто слабее владеет языком, использовать свои пассивные языковые навыки на практике. Совместные мероприятия способствуют изучению языка, и предоставляют участникам новые практические модели языка. Следует приглашать молодежь в группы, где до сих пор активно используется карельский язык.

(6) Рекомендуется принимать специальные меры, осуществлять целевые проекты для **повышения интереса к карельскому языку у молодежи**. Молодежная культура, например, музыка, игры и фильмы на карельском языке необходимы для поощрения расширения культурных тем карельского языка.

(7) Для развития **коммуникации на карельском языке** необходимы интернет-страницы и дискуссионные форумы.

(8) **Курсы карельского языка для взрослых в Интернете** будет поддерживать языковые навыки участников.

Усиление «заметности» и укрепление позиций карельского языка

(9) Необходимы **новые аудио-материалы**, чтобы сделать язык звучащим, даже если на нем никто не говорит. Рассказы, радиопередачи и музыка на карельском языке могут воссоздать аудио-пространство языка.

(10) Рекомендуется иметь **специалиста по вепсскому и карельскому языкам в Министерстве образования Республики Карелия** для поддержки образования и использования вепсского и карельского языков.

(11) Карельский и вепсский языки могли бы быть частью **бренда Республики Карелия**. Эти языки могут быть более «заметными» в вывесках и общественных объявлениях. Географические названия в путеводителях можно было бы дать на карельском и вепсском языках.

(12) **Компаниям** рекомендуется создать бренд Северо-запада России, публично рекламируя вепсский и / или карельский язык на своих сайтах и в буклетах. «Заметность» местных языков обогащает локальный профиль и может увеличить приток туристов.

(13) **Детские центры, родильные дома и детские сады** должны распространять актуальную информацию о преимуществах параллельного обучения карельскому и русскому языкам и поддерживать двуязычное воспитание детей.

(14) **Центр прибалтийско-финских языков и культур в Петрозаводске** мог бы объединить разрозненные небольшие группы и отдельных людей. Он может стать там главным зданием, где будут проходить эти мероприятия.

(15) **Распространение книг на карельском языке** и другие издания, появившиеся в книжных магазинах, увеличат заметность этих изданий и их доступность.

Правовое положение карельского языка

(16) **В России действие Закона о гарантиях прав коренных малочисленных народов должно бы также распространяться и на карельский язык**. Действие закона Республики Карелия о государственной поддержке карельского, вепсского и финского языков в Республике Карелия распространяется на карельский язык. Применение закона на практике было бы успешным, если бы существовал специальный орган контроля за осуществлением прав малочисленных народов и их правовым положением.

Рекомендации для средств массовой информации Республики Карелия по поддержке карельского и вепсского языков

(17) **Статьи карелоязычных газет, в частности газеты Oma Mua, обеспечивают хорошую основу для обсуждений в Интернете**. Статьи он-лайн могли бы поощрять читателей оставлять свои комментарии и обсуждать их.

(18) Доступность карельского языка **на радио и телевидении** укрепит его общественный имидж. Старые радио- и телепередачи можно повторять. Должен иметься открытый доступ к Интернет-архиву прошлых радио- и телепередач.

(19) Как электронные, так и печатные СМИ будут способствовать **возникновению новых областей использования языка**, применимых в городском современном контексте. Многие читатели живут в городах в среде, которая отличается от традиционной. Средства массовой информации играют важную роль в создании новых платформ использования языка для языкового сообщества.

(20) **Средства массовой информации должны ввести карельский и вепсский языки в международный контекст**. Как и другие прибалтийско-финские языки карельский и вепсский имеют много общего с другими языками меньшинств России, с различными финно-угорскими языками и народами Европы. С одной стороны, более широкий контекст прольет новый свет на текущую ситуацию карельского и вепсского языков, с другой стороны, он усилит чувство этнической идентичности, поможет перенять новые идеи у других малых языковых сообществ. Кроме того, издатели могут получить новые идеи у СМИ других сообществ.

(21) Осведомленность о **фактической социолингвистической и правовой ситуации** может передаваться средствами массовой информации в доступной форме. Изменения в законодательстве и их последствия должны быть доведены до сведения читателей. Социальная роль карельского и вепсского языков повысит уважение к этим языкам и к языковой идентичности отдельных носителей. Такие темы, как многоязычие отдельных лиц, семей и сообществ, возрождение этнического языка, языковой сдвиг и овладение языком детьми имеют очень большое значение.

(22) Главные редакторы должны поощрять журналистов думать о влиянии их статей на **восприятие текущей и будущей ситуации** карельского и вепсского языков.

(23) Средства массовой информации несут большую ответственность в деле поддержки **передачи языка и языковой идентичности**. В нынешней ситуации карельский и вепсский языки не передаются следующему поколению. Карельские и вепсские СМИ должны укреплять связи между теми, кто выучил язык в раннем детстве и теми, кто находится лишь на стадии изучения языка. Специальные выпуски и целевые материалы могут поддержать эту связь. Например, бабушки и внуки могли бы вместе участвовать в конкурсе на лучшее сочинение.

(24) **Следует привлекать молодежь** к использованию СМИ, выбирая особые темы. Содержание может меняться (адаптироваться) в соответствии с языковой компетенцией читателей.

(25) Карельские и вепсские СМИ **взаимодействуют с читателями**. Читателей вовлекают в процесс поиска новых тем и содержания СМИ, что, в свою очередь, будет способствовать сохранности языка. Языковая вариативность, например, ареальная дивергенция, обогатит коммуникацию. В случае успеха, число людей, способных использовать язык публично, будет увеличиваться.

Рекомендации Всемирного Конгресса финно-угорских народов

(26) Всемирный Конгресс финно-угорских народов регулярно проходит с 1992 г. раз в четыре года. Рекомендации этой международной платформы должны подробно обсуждаться местными властями Республики Карелия и Ленинградской области. Особое внимание следует уделить двум последним конгрессам, проходившим в Ханты-Мансийске (2008) и Шиофоке (2012).